

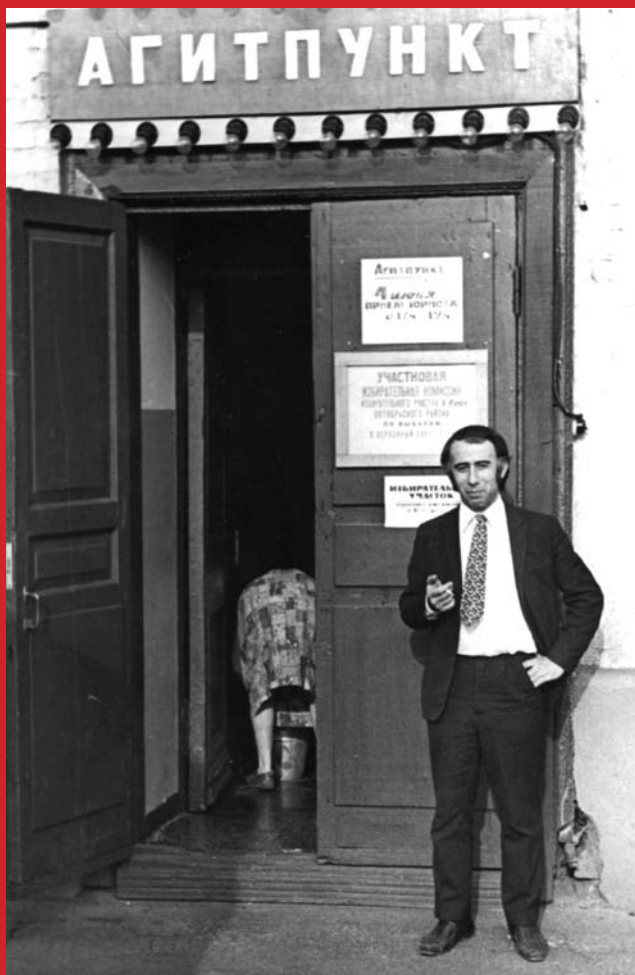
Вагрич БАХЧАՆՅԱՆ

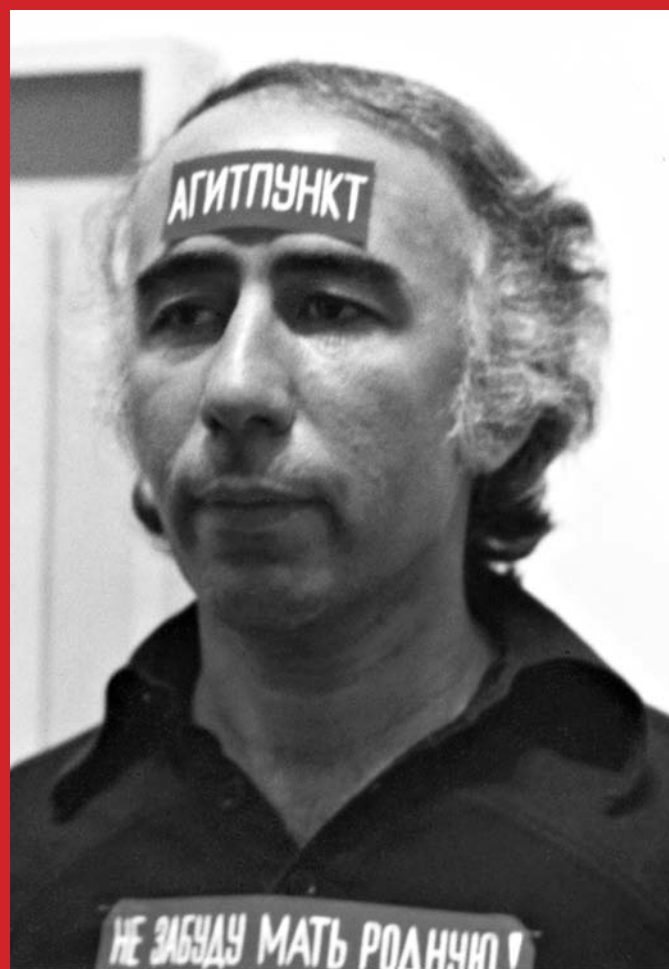
БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОГО КОНЦЕПТУАЛИЗМА
ГЕРМАНА ТИТОВА

малая серия

Вагрич БАХЧАНЯН
СОЧИНЕНИЯ

Вологда 2010

© Тексты: В. Бахчанян, наследники, 2010

© Составление: И. Бахчанян, 2010

© Библиотека Московского концептуализма Германа Титова, 2010

© Макет и верстка: М. Сумнина, 2010

ISBN 978-5-91967-015-5

Сочинение №1

Мороз по коже, день чудесный! Еще? Ты дремлешь? Нет, это не годится.

Начнем сначала. Мороз по роже. Вадим в дым пьяной головой по горло сыт. Поволжье голодает, ему все просо на уме. Умелец-немец на губной гармошке голенищ Кутузову пускает пыль в глаза, его не видя. Невод в Неву бритвой вошел, а вышел мышеловкой кое-как. Какое горькое какао. Какая кака намалевана. Не так, черт подери, не так!

Еще раз сызнова возьмемся за руки, детские друзья, чтоб не пропасть поодиночке, а чтоб все вместе. Так нельзя.

Сначала снова было слово, а вовсе не пархатый воробей. Ворона вся в павлиньих перьях. Перо в руке, а в небе журавель. Джульбарс Жюль Верна верный пес. Песнь про песца составлена из писка. Пескарь в песке. Песок не сахар, не растворится в кипятке Ахилла. Лиха година. Ходите ходики, промчатся годики. Застряли газики в грязи. Князь казнь встречает по одежке. Казна не знает передышки. Казна слаба на передок. Казнокрад казни рад. Радуга угадала гада. Годы людей жизни лишают. Лишаем съедают седину – золотую середину – орду растительного мира. Мираж ушел в тираж. Сто тысяч ты и вы. Они – анализ Лизы (германской овчарки), подстилки под столом. Застолье в подполье. Крысы рысью рис сиротский мелют и ходят по муке. Хотят котят арканить. Мустанг и в ус не дует. Пассат против ветра муссона в ложе Парижа рыжего клоуна. Колункулон. Ну, локон леконта! Ну, клеткот орлана! Ну, девы

Марии. Ну, мерин меряет ныряньем нору. Но Русь уснула. Нуль из ульев Улан-Батора. Багор Багратиона. Бархатная хата в Хатыни, а мы уезжаем. Скатертью дорога. Дороже рожки зверя нет. Зверинец верит вермишели. Лапшу на уши научился вешать. Вещаю на союз и соединяю воедино яйцо и воевод Невады. Невежды неважны. Важны не ножны, а ножки жницы, стригущей уши. Душа бессмертного Чичикова (не путать с Чиковани) пристала к стенке ванны с вином свиным и рылом из металлолома. Соломон на Монмартре в марте матери матерого носорога рогаткой выбил глаз, влез в лузу, изумив умы умывальником-валенком из коленкора ленинского фестиваля-дурака. Видит издалека калеку лекарь. Карась, два, три, во поле березонька стоя лаяла, кукарекала, петушилась, курилась ласково сковородой ворованной, куста боясь, а в кустах Кусто и Кустодиев, с ними сто друзей без рублей в руках. Руки жмут они будто сапоги, и сапожник есть среди них босой. Пьет горилку он и кинофильмы кажет неумело. Не у мела научился он бледнеть, а у экрана он научился белеть парусом одиноким, как бельмо на глазу Даяна израильского. А в московском саду тоже есть стена, не поплачешь там в жилетку, так как от нее остались только рукава, да и те одеть будет не с руки. У Москвы рука очень длинная. Очень длинная и мозолистая. Листья шуршат под ногами, как деньги на птицеферме. Что произошло потом, никому не известно, но главное не это, а то.

Сочинение №2

Борец тяжелого веса, покрытый нездоровым румянцем, тугодум с восхитительным голосом грузил уголь, кривя лицо в хмурую гримасу, говоря погречески, будучи негреком. А еще была у него грыжа. С детства мечтал он о карьере дровосека. Нависшая над морем скала, принадлежащая шести государствам, ему больше мешала, чем помогала. Борец был крепок задним умом исторически. Он ушиб себе руку. Он упал на спину. У него были карие глаза. Он любил прихрамывать. – За ваше здоровье! – сказал борец, припадая на одну ногу, садясь на своего конька – велосипед собственного изобретения. Стояла ясная погода. Голова лошади валялась в кустах. Тигры по дороге домой съели конокрада лошадей возле родильного дома умалишенных имени какого-то негодяя. Сторож поднял шлагбаум и пропустил тигров. Плавающая казарма, меченная детем, без пульта управления, но с помещением для прислуги. Казарма «Водяной клоп» – плавающая крепость с коровой на борту и украшенная тесьмой и ящиком кожаных бутылок. Маленький, красиво изогнутый ротик бодливого животного уменьшился на одну треть. Группа матросов-заговорщиков воздала должное свежепокойной корове. Последним с нее слез канадец французского происхождения, дежурный по крепости. Мимо плавучей казармы на бешеной скорости промчалась шапка из бобрового меха. Челюсть борца тяжелого веса повисла в утреннем небе, как кастрюля над стулом. Марлевые мешочки для отбросов – несбыточная мечта мастера по педикюру, проживше-

го всю жизнь за полярным кругом. Вязкая грязь центральной улицы Миргорода засосала наших тигров. Жалко. Все-таки тигр не насекомое и имел хорошую репутацию и характеристики с последнего места работы (городская мертвецкая). Чехов умер от чахотки, а тигры утонули на центральной улице Миргорода, воспетого Гоголем. Разные судьбы, но и одинаковые одновременно. Гоголь любил сладости, а Чехов – папиросы, а я люблю и сладости, и папиросы, и тигров, и Миргород. Чехов – не Гоголь, но и Гоголь – не Чехов. Сахар и табак тоже ничего общего не имеют. Чехов и Гоголь – великие писатели, а тигры вообще писать не умели, и тем не менее одинаково жаль и великих писателей, и полосатых хищников. Все они преждевременно ушли из жизни. Чехов родился в Таганроге. Мать Чехова, беременная Антоном Павловичем, любила гулять с собачкой, а папа Чехова просидел всю жизнь в футляре, а жили они в доме Овсова. Чехов дразнил его так: «Дядя Ваня–вишневый сад». В детстве Антон Павлович любил есть собак. Когда Антоше подарили к десятилетию собачку Каштанку, он тут же на глазах папы и мамы съел ее живую вместе с шерстью, а Гоголь собак не ел. Ему больше нравился сахар. Гоголь ежедневно съедал мешок (120 кг) сахара и даже перед тем, как сжечь «Мертвые души», он съел мешок сахара. За свою жизнь Гоголь съел около 15 000 мешков сахара. Гоголь любил сахар больше, чем Пушкина. Нет, о Пушкине я писать не собираюсь – это очень опасно. Дело в том, что черное население Америки считает его своим поэтом и даже включило Александра Сергеевича в антологию негритянской поэзии. Если написанные слова о Пушкине не нравятся черному населению Америки, меня могут объявить расистом и куклуксклановцем.

По этой причине о Пушкине не стану рассказывать всякие гадости, единственное, что я сообщу о великом русско-негритянском поэте, так это число жертв женского пола, проживавших на территории Великой Русской Империи – 12 666 666! По свидетельству Кюхельбекера, Пушкин, будучи в ссылке, даже Арину Родионовну не пощадил, опоив предварительно вином («Выпьем, выпьем, где же кружка...»).

О КРУЖКАХ

В кружку можно поставить цветы и украсить этим комнату

В кружке можно запечь куриную печенку в беконе

Кружку можно украсить узором из кубиков или квадратов

Если у вас ничего нет, кроме кружки, вы можете подарить ее нищему, и он вам будет очень благодарен

Кружкой можно забивать гвозди в стену

На кружке можно написать свою фамилию и попытаться продать коллекционеру Нортону Доджу.

Сочинение №3

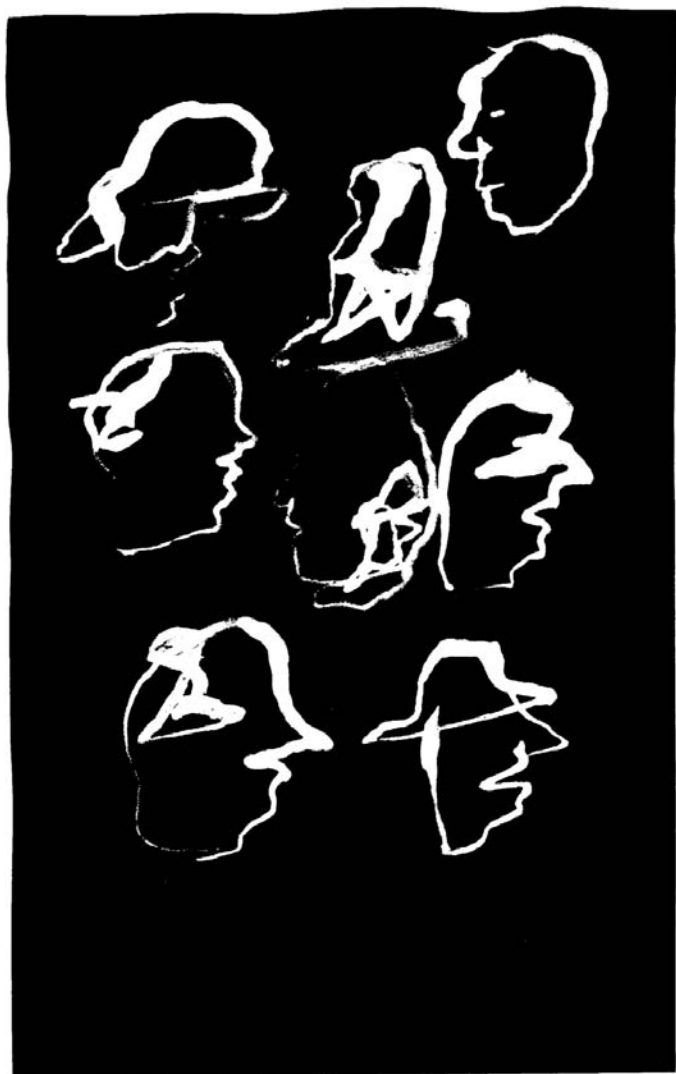
Печально быть простоволосым и в шляпе быть не праздник а лучше быть всадником без головы... на фиг она нужна сегодня на планете... без головы легче и бриться не нужно и не узнают какая душа у тебя... а то ведь каждый норовит в глаза заглянуть и расшифровать тебя как кардиограмму какую-то вшивую персидским бы ее порошком ошпарить проклятую... аж дух захватывает от дерзкой фантазии... что там жюльверны мелочь муравьи сороконожки одним словом насекомые населяющие Землю вокруг своей оси и Ося такой же мудака но другие еще хуже или еще президент наш похожий на американское кладбище такой же чистый и такой же бессмысленный... Земля не резиновая скоро хоронить некуда будет тогда наверное и наступит бессмертие... всем хочется вечно жить есть и пить бесконечно тысячи и тысячи лет без отдыха и перекура без совести и бес в ребро... все будут уметь всё... все по очереди будут начальниками подчиненными писателями художниками пекарями токарями завскладами милиционерами и так далее... чем дальше в лес тем больше дроф как говорил барон Мюнхгаузен... все по очереди будут китайцами русскими евреями индусами арабами... все будут знать языки и диалекты а Земля будет вертеться под ногами как гигантское кладбище населенное вечноживыми трупами труппами оркестрами ансамблями творческими союзами и жэками... вещи и предметы будут называться по-другому... водки и табака не будет и шашлыки вряд ли сохранятся... питать себя вечные люди будут какой-нибудь мазью и по-

рошками... лысых не будет беззубых тоже... болезни исчезнут вместе с врачами... сердца будут искусственными и мозги тоже как и все другие органы и члены... все это будет когда-то а сейчас венец природы пьет блюет пишет доносы завидует мстит травит ближнего своего и счастлив от этого бывает... пигмеи руководят гулливерами редактируют их и запрещают по обе стороны почти не существующего железного занавеса... театр приходит на ум... все по системе Станиславского даже пьесы Ионеско... носороги топчут других носорогов... единорог превратился в носорога... прогресс это или эволюция... дни потемнели... ночи посветлели... день как ночь... ночь как день... белые потемнели... черные побелели... все стали серыми даже мыши и кардиналы... если вы мне не верите спросите у Кузьминского... у него белая кость и белые зубы недавно построенные... у Худякова волосы белые временно... как только разбогатеет – перекрасит... это его слова а не мои... у меня тоже белые волосы но их не так много и с годами их не увеличивается... их величество покидает меня как листья покидают календарь... в носу и в ушах правда растут исправно и у Худякова и у меня но проку от них мало разве что связаться да выть на Луну дуэтом в ночь на Ивана Купала где-нибудь близ Диканьки... до революции до войны до нашей эры всё было не так... яблоки были больше... хлеб был вкуснее... годы ползли а не летели на Конкорде... смерть немецким оккупантам а заодно и всем нам!.. бессмертие бредет по планете в лохмотьях Агасфера... вечный жид или не вечный жид какая разница... бессмертие бессмертно и это главное.

Сочинение №4

Черный юмор на черный день. Черный американец и белый американец. Белые чернила (изобретение Ленина). Черные белила (негритянская косметика). Белые ночи (Петербургское безумие).

Подписи: Чернышевский, Черный, Черненко, Чернышов.

Сочинение №5

Текст продолжается на бумаге, сделанной из тряпок и всякого мусора, ненужного людям, не умершим еще. Пока вообще текст пишется сам по себе, без моего участия. Только рука с ручкой двигается слева направо.

Право не знаю, о чем еще написать. О чем и зачем? Пишут люди, люди читают. Читают и глупеют. Вместо того, чтобы уметь. Нужно уметь уметь. Мыслей нет и не надо. Думать опасно и вредно для головы и судьбы. Всем известно, чем закончилась небезызвестная история индюка. Даже птицам думать опасно, а человеку – тем более. Дуракам легче живется. Значит, дураки умнее умных. Героями многих сказок являются дураки. И безумству храбрых, а не уму трусливых поем мы песню.

Да здравствуют дураки-герои сказок и былей вообще и чернобылей в частности. Умные подготовили трагедию, а дураки спасли людей от гибели, превратив трагедию в комедию. Убедительно, не правда ли? Дуракам даже законы не писаны. Они и без них знают, как себя вести во времени и пространстве. Знают, как стать героями в мирное время, а особенно – в военное. У дурака все пять чувств служат одной цели. Дурак всегда в нужное время на нужном месте. Раз – и рассмешил Несмеяну. Два – и стал царем или на худой конец королем каким-нибудь Селассием с согласием не бриться до ушей. Умные живут в желтых домах, а дураки – в Белых. Главный американский дурак скажет очередную глупость (например, назовет Россию

империей зла), и весь мир в тот же день об этом узнает, и многомиллионная толпа восторженно в унисон признается: как правильно наш главный сказал, как это мы сами до этого не додумались?

Или вот Окуджава написал песню о дураках, а не об умных. Умные не заслужили песню о себе. Об умных не то что слов, даже мелодии не придумаешь. Даже если бы какой-нибудь гений отважился написать песню об умных, ее и петь бы никто не стал, потому что глупо петь песню о каком-нибудь Эйнштейне или да Винчи. Дурость – это дар божий. Дурость не спутаешь с яичницей из пяти яиц на свином сале с рынка. Работа дураков любит, и дураки любят работу. Взаимная любовь и согласие счастья. Умные все чего-то изобретают, и вот результат: скоро планета Земля разлетится на мелкие осколки к ёбаной матери вместе с умниками. Если кто и спасет мир, так это, вне всякого сомнения, дураки.

Молитесь Богу за дураков даже атеисты. Это в ваших интересах, люди доброй воли, люди с чистой совестью, люди с большой буквы, настоящие люди, а повесть о вас напишут. Будьте уверены.

Сочинение №6

Не монархия, а анархия – мать порядка, мать его (порядка) переёб! Всё дозволено в дозах неограниченных. Сотрем с лица Земли границы и заграницы, включая «Грани». Граненые стаканы следует сохранить в силе. Сила – это знание. Незнание силы приводит к печальным результатам. Там-там скоро будет здесь. Здесь собака зарыта у разбитого корыта. Тридцать лет и три года топтал Христос нашу землю. Мореходом он стал после. По следам его пошел Карацупа. Границы на замке (английская – на английском замке), но существуют замочные скважины и отмычки от сердца возлюбленной госпожи Географии. Не зря ведь школьные карты в школе раскрашивали цветными ломками карандашами. К слову сказать, клоун Карандаш тоже любил выламываться. Румянцевский музей не мешало бы в музей Советского цирка переименовать. Экспонатами могли бы стать: клоунский колпак Карандаша, кепка в шашечку Солнечного клоуна, знаменитая кепчонка Ильича вместе с лампочкой. Сталинская фуражка так и просится на выставку вместе с хрущевским бараньим головным убором. За неимением брежневской шапки Мономаха можно показать народу брови его знаменитые да от мертвого Андропова уши, а в завершение, на манер географической карты, на стену повесить родимое пятно Горбачева в масштабе 1:100 000. И на солнце есть пятна, Михаил Сергеевич, будем считать вас родственниками. Так сказать, ваши сиятельства.

Сочинение №7

Словно аршин проглотил дамскую шляпку с полями козырьком. Раскатав в лист скаковую лошадь, поедая пищу специфического характера. Пятно сырости передайте моему брату-сторожу при парке (живет не по средствам). Облако-изгнанник слева от меня, нечему здесь смеяться без риска. Я не только слышал, но и видел, как не на дурака напали таджики. Приглашаю на вальс вас, Василиса Премудрая, свободным стихом, верблужьим верлибром. Этот поступок не характерен для меня, но поступайте, как вы считаете неправильным. Разрезаю пополам попа, стоящего раком, гневно вопить запрещаю – дрёма идет. В конце концов шум лодки поднял порядок. Поэты прошлого века со мной не согласны. Царство небесное – неогороженное пастбище. Тяжело ступать по глубоким следам Персея. Духовое ружье вынимаю из печки, козел отпущения должен погибнуть! Мاستихином стихи не пишут с посредником, который стоит с битой вторую неделю, как рыба. Ему не хватает денег прямоугольной формы. Взял он живым на небо, сосед мой по водопою. Я – ученик Рафаэля не художника – штангиста и кандидат в священники пехотных подразделений. С места в карьеру не прыгаю, здоровье не позволяет, сияю сердечной улыбкой, язык держа за зубами, отделяя правду от вымысла, вы приводите меня в бешенство. Усилия не пропали даром, а обвенчались с успехом.

Слон, Курс, Шум, храни вас господь!

Сочинение №8

Говнодав в латах в летах летел к телу в теплушке. Пел в ушко верблюду. Горби родил мышь. Як как самолет сам летит в коммуно. Остановка станковой живописи от живота веером по Вермееру Кохане. Коч – хан Батый – незванный гость. Хуже ужу. Рыбка плавает по дню. Ночью чьи очи очерчены? Чёрта в юрте на юру. Гагары глупые – упыри в перьях. Пырьев пырнул Нулина Александра Сергеевича, отца сына полка алкоголика Гайдара и его команды. Пожар-птица (пицца) – пицца богов за пазухой (запас). За паспорт пассажира Пикассо в кассе Кнессета несите кассетный волшебный магнитофон из Магнитогорска. Горстка ткачей качает чай для Чан Кай Ши в Шанхае или Ханое на каноэ накануне Ивана Купала. Упала палка в паклю, а на клюку – капля с клюкву. Клюв квакает, кается. Пока я ни я. Покатый лоб на месте. Мстительный Тито в карете едет к Тинторетто в гетто. И ты, Брутто, в роте ротозеев. Зевает Зевс-болеельщик ВВС. Вес всех Психей больных в платях за страх, трахнутых Тутанхамоном, а там – грядущий Сима брат берет рейтузы – пик клубники у узников застенчивых Сиона (сюжет картины из неона). Метан – метатель дискобола в дискотеке. Из шубы котика в «Кон-Тики». Тик нервный на лицо яйцу подобное сдобной булки. Тесть в тесте и муке идет по мукам. Малыш в полуботинках «Скороход» (уж скоро год они негодны). Лиха година-мать зовет на родину урода (в семье не без). Ликбез безлик, как всадник в садике садиста. Держи дистанцию при танцах. Притих британец. Брит поголовно районо (название среднень-

кого рода) под ноль, по дну ль, где рыбе лучше. Сто раз на дню склонись над ню, Пигмалион (pig, мал ли он?). Кабан Набокову в оковах не клюнет в глаз. Анюта (штат Юта) за стопкой штопанных штанов (сюжет не нов, но слово ново, особенно вначале). Была кобыла (её убило) у сэра Билла, но не было у сэра Билла хорошего автомобиля. Мобильный Моби Дик кричит истерзанным Тарзаном. Спортзал испортили и воздух испустил пустышка Пруст. Пропрустовое ложе подарено Леже (плюет он в потолок, потея) огромная для вас потеря и глуха.

Сочинение №9

Крем – кремовая краска. Стыда у стужи нет. Устюг включили в сеть – погибла рыбка. На золотом крыльце сидели царь и царевич, а перед ними разбитое корыто. Белье в пыли. Уплыло мыло, а с ним и дядька Черномор, моргая в тике. Глазам своим не верь, Мишель, не макароны это – вермишель. Скользит из рук физрук без ног. Сапог – гопад по зашпаклеванным полам, не шибко слабым, несется курицей от петуха. Отпетый ухарь в марле в Арле колодец роет заливной мольбертом. Моль Берте съела капюшон. Амикошон крющон с шампанским польским (верней, советским). Вся власть антисоветам. Заветы Ильича Ивана, бля буду, не забуду! За Будду в воду за заводом заводит песнь, идя налево, направо – с Кафкой говорит. Там чудеса, там Ленин бродит, и Сталин на ветвях сидит. Там-там похож на барабан, баран – на новые ворота. Похож походкой ходока на Худякова пароход. Прохода нет. Запор. Свечу поставьте, бога ради. О, диктор Левитан, над вечным ты покоем! Плачущий палач в музее. Музыка узаконила конину (трубачи Первой конской). Бабельмо на глазу Лазо (сука буду, не забуду этот паровоз). Депо имени Дэфо. Даниэль под елью пьет эль. Ворошилов шило ворошит в мешке и кота в сапогах Джугашвили. На горе в Гори горел орел в ореоле. – Мученье – свет, ваша светлость, – сказал Важа Пшавела, попав вожжой под хвост Алёше, и пшел вон. Эшелон пшена на эшафоте (фотография). Соляризация Земли. Землекоп окопался в окопе. Око – копейка на здоровье. Орут коровы в седлах. Сидят дядьки.

Воробышек достался степи. Кругом ругань. Ганнибал прабабушку Пушкина. Дантес неотесанный сановник в чужих санях на скользкой дорожке. Дороже рожек роже рожь. Шишкин – важный художник под дождем. Вешние воды внутри нутрии. Утраченные грозы. Розы для Люксембург на бугор. Угорел угрь угрызения совести к чести нашей эпохи. Умер – хорошо, два – еще лучше! В лучах славы купаются нагишом. Шомполом по полоумному кумполу. Кум получил получку. У Чкалова калоши хороши. Хор: На Ворошилове шапка горит синим пламенем.

Сочинение №10

Море. Прилив жалости. Импульс нормальный. Колебание атмосферного давления в лодке. Горизонтальная качка. Кровь прилила к ее щекам. У Кутузова верный глаз. Укутался Кутаиси аистами и астма-ми пап. Папоротник попал попу под попону. Тревожно треноге на двух ногах без правды. Газета известила: подорожала известь и пастила в великий пост (скриптом Страдивариуса). Вариации на тему акации (долго не прекращающиеся). Все встают по стойке «смирно». Я бы ябедам без дам шашни шашкой запретил.

Сочинение №11 (Колыбельное)

День Красной Шапочки, обутой в белые тапочки, этакой цыпочки на цепочке с боем и мальчиком кровавым. В глазу бревна не вижу. Не жду неведжу. Чаще шлю приветы, чем конфеты. Конские кавалеристы-ухажеры, поддержите макинтоши точь-в-точь в мать дочь. Дождь косой после получки. На полу спички. Спич птички: «Курица не птица, баба – се человек!» Из Назарета Искарот. Из искры божьей разгорится пламя. Здравствуй, племя молодое – гвардия, красный дом на курьих ножках стоит и стоит сто рублей. Блеют козы, как Козин с козинаками в зобу. Дыханье сперло у сапера. Пари держу, что Бродский рыж и лыс, как Ленин. Ульяна Громова свалилась с неба (не было её).

Взвесьте, пожалуйста, кило мэтра да пожирней да без костей не соберешь.

Не много ли берешь, художник, на себя?

Я не один. В квартире есть жена и кот, он в рот спиртного не берёт.

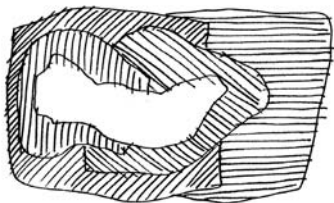
Берет Бернеса в небесах. Не бес аллах. Халат с халвой и головой, а голый воет от зимы, на дровнях обновляя путь. Путиловский завод. Народ орет. Орел двуглавый. «Последний день Помпеи» для русской кисти винограда стал первым днем с огнем и в бочке на чеку ЧК. ЧП. Почетный карау-у-у-у-л.

Почем каракуль каракумский?

А крокодильский? (Смех курам с берегов Куры).

Курил он трубку в сапогах (двенадцать пальцев на ногах). Остался прах не тяжелее пуха. Вино другие

пьют вожди, с другим акцентом и другим дают. Даете уголь на гора и пятый угол (пятиконечная звезда)? Горит, горит, горит горилла (горилку внутрь употребила). Не пейте, звери, самогон – лишь для людей пригоден он. Это он, это он – ленинградский почтальон. В штанах просторных Пифагор стреляет в гору (на ней сидят Суворов и альпийские стрелки-коровы). Трудно в учебе – легко в бою. Баю-баюшки-баю.

Сочинение №12

Один был блондиноволосый, а другой с блондиновыми ресницами. Жили бедно. Один расчесывал свои волосы пятерней, другой хлопал быстро ресницами. 12 мая 1944 года на углу Змиевской и Нетеченской перевернулся «студебеккер» с американскими подарками. Блондиноволосого звали Жека, а с блондиновыми ресницами звали Андрюха. Их похоронили рядом на Немецком кладбище напротив Еврейского. Им было 28 лет на двоих. А мне — почти одиннадцать.

Сочинение №13

В нашем классе учились Виталик Царенко и Игорь Чистяков. Первый был коренастый и задиристый, второй – на голову выше первого и тоже хулиганистый. Царенко на все вопросы учителей отвечал одинаково: Какие тебе деревянные десять копеек? А Чистяков любил подставлять ножку на переменах и крошить пуговицы на пальто специально сделанным из упругой проволоки приспособлением, похожим на пистолет. У Царенко не было матери, а у Чистякова – отца. На одном из родительских собраний отец Царенко познакомился с мамой Чистякова. Через некоторое время они поженились, и стали жить все вместе у Чистяковых. Году в 51-м Игорь попал под трамвай на Плехановской и через год пришел в школу на костылях. Он стал еще выше и был очень бледный и тихий. Он стал почти отличником. Года через три Царенко попал в тюрьму, и его больше никто не видел, а Чистяков в институт не прошел и пошел работать в артель инвалидов. С получки немного выпивал и неровной походкой шкандыбал домой на ту же Плехановскую №7. Протез он пристегивал по праздникам.

Сочинение №14

Учился в нашем «Б» классе Слава Глазков. Жил он в подвале на улице Руставели. Отец Славы погиб на фронте. Учился он хорошо и никогда не пропускал уроков. Однажды он не пришел в класс и на следующий день тоже, а на третий день Дора Владимировна сказала нам печально, что Глазкова убило током, а еще через неделю та же Дора Владимировна сообщила всему классу, что мать Глазкова повесилась на дереве рядом со свежей могилой единственного сына. Кто-то заплакал (кажется, Мамин), но урок английского языка Дора Владимировна Талмацкая не отменила. Опять «хуйзеппсен?» и «верези чок?»

Сочинение №15

Искусство из Кусково, из кустов, из Кустодиева. Купчиха чихает. Тихо тает на Таити по наитию наив. На его (Гогена) ноге нагая Венера с веером и ромом. Ромашки – фон. Визит византийский – визави. Мы за мир! Замер мерзавец зав. вазами на вокзале в зале залежалом. Шолом Алейхем, Алейников. На аллее алеет восток во сто крат краше крашеного красавца-самца-немца. Не спится. Не спиться бы себе на уме. Письма нацмена – немая сцена. Цена на цинк. Нацист – нарцисс, цыц! Матом томатную Тому. Сему Сёме – семена. Семь на одного одноногого Гоголя во мглечный путь землистья счастья нет в мире Голды (золотце) и сына и святого духами в духане не пахнет, а кахетинским единственным по венам римам и нью-йоркамаринским-конармейским бабеленьким и черненьким ир сен на Сене (сенсация).

Сочинение №16

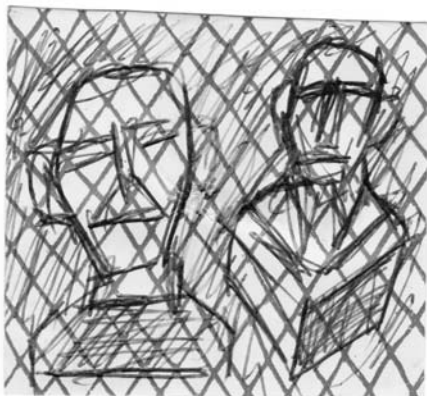
В центральном комитете Комитаса белым былым бельем бельмом на газу. Журна рыдает в Зангезуре янычарском. Я – не Чарская и не Чацкий. Я – Луначарский в луна-парке на луноходе вокруг да около околоточного тошнотворного. Точно! Творение мое к чаю души и тела в телогрейке с канарейкой цвета цыпленка. Цветная пленка «Кодак». Кудахдают курвы, куранты бьют баклуши (груши околачивают), как Мичурин. Мечу мечи в мечети. Машу мачете. Магомету душно. Ушиб ухо под мухой. Слон, слоняясь под солнцем, потерял полотенце среднего рода. Я мыслю следом. С летом дом (хижина) дядюшки самых честных правил уличного движения пришел в движение (разжижение потолка). Пот алкоголика голого на Голгофе в галифе (Галя в лифе). В Лефортово фортуна в тунике тунисской тунеядке змеиной меняет комнату на мужа-ужа. У жаб ужаленных, к сожалению, воспаление не подлежит сомнению, а удвоению Януса. Синус-косинус, земля-небо-не-бог-знает-что и как и почему черемуха-цокотуха коту под хвост? Христос воскрес в Воскресенске (неподалеку от Москвы). Ажаев обожаем вождами-дядями в шляпах аляповатых с ватой в фате (фадеепричастие к литературе). Траурное турне: в урне Урин с Изабеллой Юрьевой и Гагарин из Грязи в князи причалидзе. Хроника протекающих событий определяет потерю сознания Брежневу на тройке с бубенцами Вертинского на сковородке. Скороговорка: спешит, как голый купаться, купаты в Карпатах, куплеты дуэтом и зимой одним цветом. Архитектор Щу-

сев в море не дремал. Чапаев не слышит, как Бетховен, чапаевцы спят, как спящая красавица, дозор пограничный неприятелем снят скрытой камерой на Лубянке. Конь с клешней туда-сюда. Дзюдо крем-сода. Крематорий для работников кондитерской промышленности. Промышляю мыслью, растекаюсь. Больше не буду Буддой бульдога дразнить. Бумажный бумеранг. Маузер слова. Машина машина. Коммерческий комар. Ручная ручка. Карманный корм. Небосвод. Минералы заминированные. Мини-мина и макси-Эрнст. Бакунин в Баку канул на каникулы. Бела Кун белокурый белой курицей смеялся в карауле. Почёт доске (докажу, кажись). Кружится голова голого короля около рояля. Пятка Ахилла хила, но похоронила возле Нила крокодила без кадила на кадиллаке лакированном (не очень новом): С Новым годом, Содом и Гоморра!

Сочинение №17

На Плехановской в пятом номере жил Васька «Глухой» с худющей, лет на двадцать моложе его, женой. Все знали, что в Ижевске живет его бывшая жена с сыном. И вот однажды летом сын приехал погостить к тугому на ухо отцу да так и остался жить в Харькове. Ему было лет семнадцать, и прозвали его почему-то «Дурко». Дурко был старше нас лет на пять и уже познал в Ижевске любовь и даже больше. О чем он и любил рассказывать вперемешку с какой-то «щуклей». Однажды Дурко куда-то пропал. Васька Глухой говорил, что он вернулся к матери в Ижевск, но потом выяснилось, что Дурко не в Ижевске, а в тюрьме сидит за изнасилование. Через год его приговорили к расстрелу. Об этом все говорили шопотом.

Сочинение №18

Кроваво-красное яблоко в зубах вампира, и листья
осенью пропитаны кровью
Мясо с кровью
Анализ крови
Кровные родственники без крова над головой,
а в голове кровь, и глаза налились кровью, «Бычьей
кровью»
Кровавый закат империи вампиров
Вампиров (фамилия)

Сочинение №19

Какая я кака, – сказало какао кока-коле. Колесо в лесу блеснит. Титан Тициан цедит цианистый калий калике перехожему через дорогу. До гроба Шевцова шла шалавой, подвывая, подвыпившая и вшивая, танцуя шманцы. Шаман с маман-мандавошкой на лобном месте мстит Мцыри. Цари горохом хохмят на мятых матах матом о сём атом расщепленный плёл плебею. Плейбой в Крыму на крыльях ляха. Валенса в вальсе на польке битвы. Битлы в ботве с Ботвинником. Боты идут с работы. Кони дохнут от кнута. Гамсун на стуле ест пряник. Печатный станок печатает шаг. Марш-бросок в носках на скалах бурых. Бурлаки на волке. Идет охота.

Сочинение №20

Мопс пацану Мопассану-сыну ссыт в глаза. Божья Россия красивая. Бурка украла у крали кролика. Братцы-отцы – сыновья святого духа. Шипр на Шпрее, а Анна на шее Швейка. Шейх ехал к халифу на лифте. Седьмое нёбо ебу. Ему (эму) Штраус ус мотает и ботает по Фенимору Куперу в Перу биля перукарни (возле парикмахерской - укр.). Перуджино в бутылке в тылу врага в овраге. Врата яда. Я да Яшин. Аршин проглотил мал Алан Эдгар По, По Эд. Поэт поет поедом. Под поездом дом мод. Модильяни в моде в Молдавии. Мольберт, побитый молью. Мольер – моллюск в Люксембурге, Бюргер Кинг XVI впервые в перьях в империи прерий вперся в доверие двери. Деверь, верь вермахту! Вермут мутит нутро утром. Утрамбованный трамвай забвения... (желания продолжать нет)

Сочинение №21

Человек-звезда о пяти концах с шестым и последним в конце пути. Смерть пятиконечную звезду делает конечной. Темная символика. Аж испугал себя арифметикой первоклассной. У меня по арифметике «5» всегда в таблице значилось. Очередная пятилетка за окном первого «Б» класса. Плохо вытертая доска под портретом вождя в малиновом галстуке висела на двух костылях. Город населен инвалидами на подшипниках и без. Ликбезов уже не было. Небо, правда, было. Была и вобла, и шобла-ёбла, и ёлка настоящая, не игрушечная. Груши, яблоки, иногда мандарины – не китайские, а грузинские и звезда под потолком в дождевых разводах. Всё это было вчера. Вернее, сорок три года тому. Назад пути нет. Вперед – тоже. Два пути все-таки есть: вверх и вниз. Верх и низ, как на ящике с силуэтом зонтика (будто бы стекло дождя боится). Стекло боится падения и молотка. С молоком матери эти знания всосаны всеми, кроме меня. Жена отца приходилась мне мачехой, но Золушка из меня не вышла. Хрустальных ботинок сроду не терял. Новый красный портфель, правда, в третьем классе украли. Кто? Не знаю и вряд ли теперь узнаю. Да его (портфеля), наверное, уже и в помине нет, а укравший уже и думать о нем не думает, и то с одним условием: если жив. Жив, конечно, где-нибудь на Аптекарском переулке в доме №17 с окном на другие окна, и зовут его, скорее всего, Шура Махтин или Лазарь Амдур с отчимом синеносым. Дело не в том, что портфель пропал, а в том, что красный, с уголками никелированными и замком с ключиком. Может,

потому и министром не стал – не судьба. А портфель в те годы назывался портфель, а учительница – не училкой, как в Москве, а учихой, куча-мала была малакучей, хлеб назывался мандро. Мелкий вор – ракло или ракалия во множественном числе, а их было великое множество (встречалось и мужеложество, в основном, в путаных пересказах с домыслами). Дома только ночевали. Жизнь проходила на улице и в парке (без культуры). Слово «культура» еще в моду не вошло, разве что физкультурник, да и то, в основном, футболист. Пайчадзе, Бобров, Никаноров, а из местных Уграицкий, Борзенко, Зуб и др. Видите, что такое память? Столько хуйни сорокатрехлетней давности прет из черепной коробки, что сам диву даюсь. Если всё это на бумагу вывалить – не меньше двадцатитомника выйдет, а то и больше, а если еще художественно обработать, так и вдвое больше томов накатать можно. Что значит – можно? Конечно, можно. Свободный человек, да еще посчастливилось жить и умереть в самой свободной стране в мире.

P.S. Графомания – это болезненное пристрастие к сочинительству. Мы одержимы графоманией и мы одержим победу. Нас – миллионы. Всех не перевешаете – театров не хватит. Нас много и мы, между прочим, в тельняшках – зебры двуногие. Мощностъ нашу не измерить лошадиными силами. Разве что танками, и только советскими. Бумаги на нас не напасешься и чернил тоже (не успевают химичить физики).

Мы – лирики – редкие австралийские птицы, и Днепр нам нипочем, вместе с другими постоянными водными потоками значительных размеров с естественным течением по руслам от истоков вниз до устьев всей планеты. Реки красящей жидкости для писания находят свою

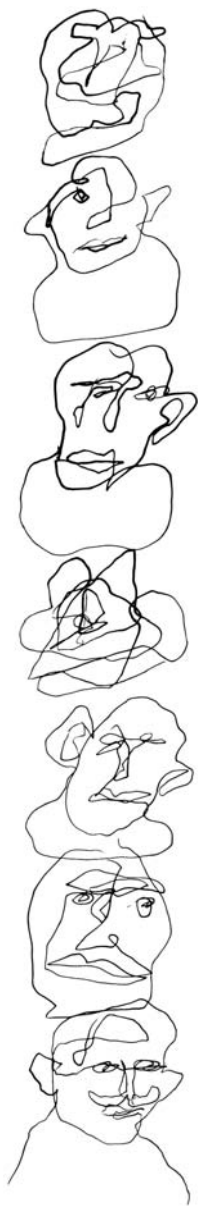
смерть на монбланах писчей, оберточной и др. бумаги. Бумага – это материал для письма, а также для других целей, изготавливаемый из древесной или тряпичной массы (так толкует Ожегов в своем словаре). Только для письма!!! Других целей мы не признаем. О чем мы пишем? Вопрос не праздный, его задает всякий читакаурод (других в природе не существует). Отвечаем: о войне и мире, о преступлении и наказании, о чайках, идиотах, о верных Русланах, о неверных Людмилах, о мушкетерах, толстяках, о цементе, о тихом Доне, о коллегах, о карантинах, об архипелагах, об отцах и детях, о носках, о ревизорах, об обрывах, о белых одеждах, о детях капитана Гранта и Арбата, о конармиях, оттепелях, стульях, парусах, о кораблях и школах для дураков, об умных мы пишем реже, потому что о себе подобных писать нескромно, а «скромность – точность королей» (точно не помню, но за смысл ручаюсь). Головой думаем мы безошибочно (не в смысле орфографии). Рукой мы пишем (да не оскудеет она!), предварительно вымыв ее другой рукой. Так что на руку мы чисты. Мы – люди с чистыми руками. Чего, правда, не скажешь о совести. У деревенщиков, к примеру, совесть корова языком слизала. У других вместо совести на лбу кое-что неприличное выросло. Растем, брат, растем. Многие из нас – здоровые до неба и при этом – умные, «як трэба». У деревенщиков всякое лыко в строку, другие рифмуют кирпич-Ильич. Вождей мы обожаем: они нашего племени. Один даже удостоен высшей литературной премии имени основоположника, который, кстати, тоже пописывал много-томное полное собрание сочинений. Сочинитель, по клеветнику Ожегову, – выдумщик, лгун. Хочется сказать тов. Ожегову: сам вы выдумщик и лгун и впридачу – сочинитель словарей на делах.

Сочинение №22

Забудь «здоров» и не каши маслами портят портянки при дворе Коро. Ля – нота. Тени на плетени от авосек, лающих на слова. Воробей, невырубленный топором, штопором вонзился в пробковое дерево. Жизни нет на Марксе, – сказал Маркес (гарсон, но с рогами). Нос рогами заменили, знамена – намеками. Галстук французастукача с туканом-истуканом. Птица не курица, заграница не Болгария, оболганная и оболваненная оболтусом Мокроусовым. Морж жрет «Боржоми». Ножи и бормашины бормочут, а нужно если, и замочат в скважину английскую. Джон Буль похож на Бульбу и сына его Бендера одновременно. Настенные ручные с боем на цепочке часы их жизни сочтены в тени стены – хоть плачь. Палач положет мойкой майку в белье исподнем из-под холста, отбеленного цинком. В гробу лежит еврей-вредитель в халате белом и челом. Битники битою били Битова за одного небитого. Небытие (ответ на Гамлета вопрос) не определяет бессознание. Бессонница вцепилась в горло своей рукою золоченой, вот-вот гляди протянешь ножки по траурной одежке. Одета в неглиже в глаза не смотрит на медосмотре войск, где пуля – дура, а штык – похожий на перо жар-птицы. Из пушек жажнем по колибри! Дробиной повредим слона! То я и не приметил, что ты и не прочтешь, почтенной почты перлюстратор, цензурой вдарим по тонзуре! Чтоб искры из глаз родили пламя на радость Герострату, растратчику, кастрату и Фиделю (не сторож брату своему). Все люди были раньше братья. Сейчас они, скорее, сестры. Не жду я милосердия от них. Они и от меня его не ждут. А зря...

Сочинение №23

Кольчуга-безрукавка горло дерет. Стойка на голове – вращение внутрь. Тюрьма – маленький цветочек. У комнаты лисьи повадки. Подбитый мехом саван. Строгий отец, живущий в нужде, сильным ударом выбивает мяч за ограду. Букварь толкает кого-то на преступление. Помещение для хранения винограда превращается из газообразного в жидкое. Преклонный возраст, закат солнца – для меня не имеет значения. Беглец сбивает с дерева фрукты молоточком для гонга. Порошкообразные зубы легко отделяются от мяса. Микроскоп приятный на вкус. Домашняя непринужденная обстановка. Кто-то кого-то спустил с лестницы. Несклоняемое слово страдает желтухой. Стон, крик, вопль посаженного в улей друга отца. Сторож бьет прикладом соседа Жирияка. Сторож шевелит губами, но слов не слышно. Автобус идет в Чертаново. Водитель слегка подвыпивший. Яма. Бомбардировщик сбрасывает арбузы на Конный базар. Бежит по инерции худая женщина без головы. Чкалов спускается с горы на велосипеде свободным колесом. Очередь за хлебом скандирует: – Зрелищ! Зрелищ! Зрелищ! На табачной лавке вместо вывески красным по белому написано «Курить строго воспрещается!» Змей-Горыныч огнем из пасти обжигает пирамиду сырого кирпича. На плавучей большой льдине небритые папанинцы, дед Мазай, много зайцев, бочки мороженого, куски мяса, дичи, спящая царевна в хрустальном гробу, Чапаев, Иван Сусанин, сборная СССР по хоккею. Ехидный смех утконоса за кадром. Короткая мужская куртка из

дикого осла-кианга шевелится на кухонном столе с полками для посуды. Лягушачьи глаза вперемешку с клубникой в глубокой тарелке. Баранья голова, проткнутая воровским ломом. Разбитый на куски старшина Мартыненко. Горнист играет подъем. Тотчас же большой лопух приобретает цвет женского лица. Ухо старшины Мартыненко громко кричит: – Не ври! Большой лопух краснеет, превращаясь в багажную квитанцию. Танцплощадка. Звук волынки. Бабушка вяжет чехол для дома. Рядовой Шептисати ест мамалыгу руками-вилками. Обратная сторона Шептисати: внутренние карманы, похожие на вяленое мясо. На востоке занимается заря. Чем занимается, не ясно. Карманы становятся все больше и больше. Всплеск волн в пивных кружках. Спутники звезды, серп и молот, требуют отделки для ремонта. Из-под земли появился урожай озимых. Квартира отдельно, лифт отдельно. Завитые волосы крестьянки впадают в пивную кружку. Троянский конь в мыле с Бабелем на спине. Сандалии жмут, – говорит всадник, дуя в ус Буденного. Голова коня в женском платке. Надгробный камень плывет по небу вместе с облаками. Морской конек пасется на лугу. На таможне троянский конь подвергается тщательному досмотру. Изъяты были: национальный шотландский костюм, полевая фиалка, голодный, как волк, Иван-царевич, огнепоклонник с красным огнетушителем, чьи-то руки, онемевшие от холода, молочные зубы с кисельными коронками, бегун-карьерист, шезлонг

шизофреника, контурная карта трефовой масти, запасные хвост и грива, перегоревшая лампа дневного света, покрытая пушком гаубица, звук падающего апельсина, поющая подъемная лебедка, второй подбородок Александра III, золотая молодежь, на которой пробы негде ставить, боксерская перчатка из шкуры бульдога, покрытая славой Вишневская, предмет гордости Сирано де Бержерака, гладкая взятка, каркас Карла Маркса, неприятная улыбка Джоконды, безвозмездная помощь лебедю, раку и щуке, генсек-доброволец, ничем не вызванная дуэль, могила Хавы, почвенник, выбитый из-под ног западника, пачка масла «Размазня», угрюмая река, мрачный Неизвестный, жалоба пчелы, грабки-волокуши, вилы в бараньем боку, скошенный «Бежин луг», семена людей, откидные коньки, чистокровный лошак, тонкий намек на Льва Николаевича, поврежденная кость (игральная), голень купальщицы, меланхоличная шкатулка, помешанная на воде каша, кодекс, отрицающий мораль, печенье с пряностями, театр, презирующий условности, деньги, взятые напрокат, куртка Воннегута, бедный родственник Ротшильда, казна Пугачева, молодой ранец, шахтерские ударные инструменты, народная судомойка республики, слова песни «Где же ты, мой кортик?», крестьянин, успевший ахнуть, острие языка, призма вазелиновая, с крупной рыцарь, рыцарь печального образа, пук трусов, модный всадник, как с картинки, узник дружбы, шустрый нейтрон, на пять минут спешащие песочные часы, легкомысленный пушок, женщина полулегкого поведения, непостоянный часовой, закройщик окна, разодетая в пух и прах птица Феникс, указательный на дверь палец, перс божий (Хомейни), чуть-чуть Чукотки, взяточник обязательств, грузообормот, лживая

такса, фонетическое письмо на родину, упрямый оселок, Моше Даян (видимый невооруженным глазом), прямой наследник Квазимодо, разорвавшийся гимнастический снаряд, орган обаяния, внешний вид на жительство, номенклатурное сопрано, памятник жертвам первоапрельских шуток, яйца в клетке, пьеса «Арифметика» в четырех действиях, полный холодильник оружия, латы латыша, наемная армия безработных, асбестовые дрова, родственник солнца по восходящей линии, коровья лепешка, испеченная в золе.

Сочинение №24

Среднего роста туловище. Жесткоспиральные, торчащие копной, серо-желто-белые волосы, всегда без головного убора. Лицо цвета денатурата, недельной небритости перманентно. Костюм обычно бежевый или цвета кофе с молоком. Широленные брюки и пиджаки с рукавами, скрывающими розовые руки. Зимой поверх костюма надевался стального цвета габардиновый плащ и шарф домашней вязки. Перчатки также самодельные, ярко-красного или ослепительно-зеленого колера с геометрическим орнаментом. Глубокосядющие птичьи глаза. Рот детский с фиолетовыми губами и неизменным «беломором» в углу. Это портрет Давидки Кержнера – драматурга, автора шестнадцати пьес. Сразу следует сказать, что премьер его пьес никогда не было и, наверное, не будет, и это лучше других знал автор «исторических полотен» – так Давидка называл свои творения. Наибольшей известностью пользовалась пьеса под названием «Человек с голубыми глазами», которую кусками читал он разным людям в кафе-пулемете, на улице, в подворотнях, в саду имени Шевченко. Главный герой пьесы Моня – мудрый и находчивый вожак группы бесстрашных евреев, действовавшей в Харькове во время войны. Многие обитатели «пулемета» знали эту пьесу наизусть. Минут сорок автор рассказывал о том, как группа подпольщиков пробиралась через канализацию по горло в фекалиях (с подробным описанием запахов и вкусов). И, наконец, командир отряда, хлебнув последний раз «зловония», открывает только ему известный люк и оказывается в

кабинете главного фашиста в оккупированном Харькове, полковника Шульца. «От Мони дурно пахло. Он подошел к белому, как простыня, немцу и грозно сказал: – Полковник Шульц, именем закона вы арестованы!» Последние слова Кержнер произносил с пафосом и присвистом, слегка шепелявя. Жил Давидка напротив библиотеки им. Короленко в старом доме, в треугольной комнате-корабле с тремя десятками соседей. В его холостяцком жилище стоял матрац на коротких ножках. Покрыт матрац был довоенным байковым одеялом. Был еще расшатанный стол, поющий, но не пьющий. Однажды, пригласив на чтение «монументального полотна» одинокую брюнетку и усадив ее на матрац, стал читать свой шедевр. Минут через пятнадцать он неожиданно вскочил с табурета, бросил на пол пачку исписанных листов и из острого угла своего корабля рванулся в сторону одинокой слушательницы. Слету острыми коленями в прыжке нокаутировал гостью на байковом одеяле. Однако брюнетка, быстро придя в себя, надавала пощечин драматургу и, хлопнув дверью, убежала.

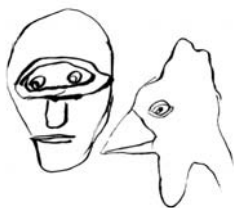
Больше всего времени Давидка проводил на ипподроме и почти всегда покидал его без копейки в кармане. Питался в безденежье он пирожками с ливером по пять копеек штука и газировкой без сиропа. Именно в такие дни его лицо было цвета лиловых чернил с карбидом. Однажды жарким вечером, прогуливаясь с друзьями по ялтинской набережной, увидел Давидку в шикарном костюме цвета какао, с плеча Ильи Муромца. Его загоревшее лицо сияло и было, как всегда, небритым дней семь. Сидя за столиком под открытым небом, слышали мы рассказ про то, как он поставил на Буяна все свои деньги (около 200 рублей) и не

ошибся. Буян пришел первым, сделав Давидку на несколько месяцев богатым человеком. И вот он в Ялте пьет и ест, и живет в номере люкс уже две недели, и уже написал более двухсот страниц нового «исторического полотна» об Илье Ефимовиче Репине, и что по возвращении в Харьков он сдаст эту пьесу в театр Пушкина, и, дай бог, ее поставят, не могут не поставить, потому что Репин родился под Харьковом, в Чугуеве, и потому, что Репин – великий художник, и до сих пор ни одной пьесы о Репине не было написано. Пересказав вкратце пьесу, намекнув на возможные семитские корни Ильи Ефимовича и задав традиционный вопрос «как Эдик? как Гена?», исчез в толпе отдыхающих. В это же время мусор-мордоворот мимо нас проволок в милицию симпатичную блондинку лет двадцати, судя по акценту, москвичку, за то, что она осмелилась выйти на набережную в шортах до колен. И был мусор похож на Голиафа.

Сочинение №25

Лежу на пляже. Ляжки слегка зарумянились. Заря. А рядом дом с домашней скотиной. Тина в тени. Песок на солнце. Пятна под деревьями. Деревня ревет белугой. Луга под Луганском. Родина Ворошилова. В мешке не утаишь кота. Шуба у барина баранья. Отбивные тоже. В ноже холодно. Оружие – булыжник пролетариата. Лето пролетает над головой в теплые страны. В Африке фрикадельки делают не хуже, чем в Дели. Делать нечего. Табак дает силы и знания. Зги. Здание. Здоровье коровье. Молоко около молока не лежало, а лежит на пляже рядом со мной. Много ковчегов гниет на берегу. Врагу не сдастся квартира с сортиром, а сдастся без сортира. Юмор у моря. Волны бьются о берег скалистый. Скалит зубы дантист Пушкин – пуще неволи охотник починять сапоги на халяву, и выпить не прочь на похоронах, и закурить «чужбек» под занавес. Бархат, как пиво, льется от потолка к паркету. Пару красных рыб, завернутых в знамя знаменитыми Знаменскими, подарили дарвинисты-ударники под барабанный бой. Дойная корова на льду станцевала дойну. Дочь Чкалова в бреющем полете выстригла клочок локон на античной голове Лаокоона. Змей-искуситель искусства ради искушал Адама Мицкевича, а Твардовский сказал: «Мы наш, мы «Новый мир» построим руками Ивана Денисовича Давыдова, героя «Поднятой целины», книги, воспевающей бессмертный подвиг Жанны Д'Арк». Кубанский казак Шолохов каким был, таким и остался, степным орлом двуглавым (говорят, в «Тихом Доне» ему принадлежат только заключи-

тельные две главы). Главное не это, а то, что Атос был парторг, а Арамис пошел на компромисс по приказу армянина Д'Артаньяна, прапрадеда Шарля Азнавура, де Голля и Перро в кошачьих сапогах и турецкой красной шапочке, как у Тартарена из Тарасбульбы. Остап Вишня и Андрей Синявский – герои Гоголя, а не Советского Союза. Нерушимый рушник-двuruшник (рид-на маты моя той рушнык вышивала). «Гнать Гнатыюка из театра», – пробасил Гмыря, – «Его песенка спета!» Спелое яблоко недалеко падает и называется «падалка» на Украине под Харьковом, городом-побратимом Кракова, известного своими колбасами и воронами.

Сочинение №26

Толя Васюк жил в развалюхе недалеко от стадиона «Металлист». В сарае разводил кроликов. Не только для еды, но и для приманки очередных жертв разных возрастов и религий. Знакомился с женщинами прямо на улице. Переводил разговор, поначалу бытовой, на искусство или литературу. Потом рассказывал о своей любви к животным, приглашая сейчас же познакомиться со своими питомцами. Всем девушкам нравятся кролики. Особенно крольчата. И в тот момент, когда гостя наклонялась к симпатичным малюткам, Васюк отработанным приемом овладевал ею (бывали осечки, но не очень часто). Сарай был приспособлен для импровизированной любви вполне прилично. К синим сатиновым до колен трусам Васюка была приколта большая английская булавка, с помощью которой он заставлял под собою подпрыгивать не очень страстных жертв. Что касается сатиновых трусов, то они были любимой и постоянной темой его разговоров. Говорить Толя умел и любил и мог без отдыха рассказывать в течение трех часов, как мать покупает ему трусы, и обязательно ультрамаринового цвета, и обязательно до колен, навыворот, хотя Васюк уже лет пятнадцать не рос. Светловолосый, с лицом, покрытым множеством шрамов от фурункулов и угрей. Приблатненный внешний вид его и, особенно, мимика трудно уживались с содержанием его монологов (говорить он никому не давал). Вместо «отскечь, падаль, пасть порву и горло поцарапаю» удивленный собеседник Васюка слышал что-то вроде «ах, Робертино Ло-

ретти, какой божественный голос, слушать без слез не могу». Или, показывая гравюры Красаускаса: «Посмотри, какая линия – она же поет, как райская птичка» и т.д. Был у Васюка дружок по кличке Беспалый, у него действительно недоставало двух пальцев. Вид у Беспалого был устрашающ: через все лицо страшный шрам и вмятина на скуле. Беспалый был страстный книжник и большой любитель пофилософствовать. И странно было слушать споры двух на вид уголовников о Ницше и Фрейде. Причем дискуссии проходили в основном на улицах в центре города – бывшей столицы Украины. Их споры постепенно переходили на крик, так что слушать их можно было с противоположной стороны Сумской. Прохожие замедляли шаг в надежде увидеть драку с поножовщиной. Но драк не было – сплошная любовь к ближнему. Поэты любили художников, художники любили поэтов, и, если кто-то пропадал на два-три дня, все беспокоились и переживали, а когда пропащий появлялся, радости не было границ. Были у нас и свои меценаты. В основном, таксисты, которые голодных угощали в «пулемете» традиционной жареной печенкой и салатом из помидоров со сметаной и луком и двойным кофе без сахара у тети Жени.

“Квадратиком» Толю Васюка прозвал Григоров после длительного монолога первого о знаменательном походе, вернее, поездке на велосипеде к Грише Баеру на Москалевку первым по-настоящему весенним апрельским днем. «Ну, я вхожу к Баеру в его сырой погреб, темнота, холод и говорю: Баер, если ты не поедешь со мной в лесопарк подышать весенним воздухом, то я тебя больше знать не хочу, а он отвечает, что, мол, никуда я с тобой не поеду, я работу на линолеуме делаю, и действительно, сидит какие-то квадратики вырезает

из линолеума, который он силой вырвал из-под ног бабушки (бабушкой Васюк называл мать Баера, как две капли воды похожую на Фаину Раневскую), а у нее, наверное, ревматизм, а он квадратики режет вместо того, чтобы наслаждаться первым весенним днем в лесопарке, никуда его квадратики не денутся, и, вообще, кому они нужны, эти квадратики, когда уже есть гений Красаускас, и Робертино Лоретти, и маски, и маскароны, и Фрейд, и Ницше, и даже Бердяев, а он сидит и квадратики режет на линолеуме, из-под ног бабушки вырванном, а у нее, наверное, ревматизм, и в их погребке, как в могиле, сыро и темно, и рыжий Баер сидит над куском такого же рыжего линолеума и вырезает квадратики первым весенним апрельским днем, квадратики, квадратики, квадратики». Вот так и стал Анатолий Васюк «Квадратиком» с большой английской булавкой на синих сатиновых трусах, купленных махеньшей навыворот.

Сочинение №27

Май холодный. Май студеный. Май заливной. Телячьи радости. Свиное рыло. Рожки да ножки. Старый хрен. Лошадиная редиска в яблоках в штанах Маяковского светит, но негр реет евреем над Европой, похищенной в ковчеге. А потом хоть потоп. Хоть Потап. Хоть по этапу. Хоть поэт Пушкин по воробьям стреляет, но Дантес ворон не считает и собачьих гав не ловит на слове, а лезет в карман за пушкой на опушенной снегом опушке – быть рыльцу в пушку не тополином. Не то. Поленом между глаз – другой фасон, как говорит Петя Беленок, мой друг дороже истины в вине и без вины в 100 ватт в ушах. Заглох Бетховен (диковинка). Много у нас мудаков в изгнании или, вернее, в послании на три буквы. Цена поэту красна в базарный день ото дня не легче на поворотах. От ворот баран в восторге: новые! Метла хорошо метет снег на голову здоровую с больной, а ноги лечит всадник двуглавый. Орел, а не парень (между прочим, из нашего огорода камешек). Морда на коленях о чем-то просит кирпича.

Кирпич: «Морда, морда, я – кирпич. Иду на сближение. Иду на грозу. Иду на «вы». А вы?»

Морда: «Моё фамилие Косоглотов, а имя моё Легион. Я жну там, где не сеял. Всеядный я, как очковая змея. А зрение у меня хорошее: Гомера читаю без помощи оптики, в аптеку хожу только за гематогеном из бычьей крови с сахаром. Сахаров в Горьком, а Горький на кладбище. Бобок бок о бок с Чапаевым и Сергеем Лазо. Моя песенка спета по заявкам радиоактивных слушателей».

Кирпич: «А я спою «Кирпичики». Камень на камень, кирпич на кирпич (гомосексуалисты развлекаются). Слова Оскара Уайльда положил на музыку с большим прибором П.И. Чайковский. Танец маленьких лебедей в Большом театре – зрелище среднее, как Илья Муромец на картине Васнецова, автора «Аленушки», сидящей у «Омута» Левитана (левитанго «Попрыгунья»). Стрекоза. Лето красное. Поле зеленое. Мяч круглый. Судью на мыло. Пена пива. Жигули (автомобиль). Запорожец (казак), Форд (президент) свалился с трапа в Зальцбурге – головой ступил на землю бесноватого Шикль-грубермана гарика дадзибао сунь-хуй-в-чай-высунь-с-ухи. Мао Цзе-дунь и рассыпется – костей не соберешь, не часовой механизм в конце концов сerea личность с глазами Ким Ир Сена на сене и зубами баскервильского другачеловека. Так они и передвигаются, взявшись за руки, чтоб не пропасть поодиночке, как матери-одиночки, одинокие и забытые по самую шляпку с широкими полями и густыми лесами с грибами, зверями и партизанами Ковпака (тоже головной убор, правда, дурацкий), под откос пускающими дым в глаза. А это не божья роса. Маки Украины, украшенные орденами, медалями и другими предметами, напоминающими новогодние елки во все времена года, не исключая високосного олимпийского с лишними днем и ночью, не исключая утра вместе с вечером, глупого, как пробка».

Проба пера.

Проба пера.

Проба пера.

Тополиный пух кишиневских перин. Аспирин. С постоянной мигренью мингрел руки на чужом пожаре. Пожарные котлеты (меню тебе). Минеточка Не-

званова хуже татарина, но лучше помолчу в тряпочку, поплачу в жилетку по рукавам пожарным в мире под оливами. Как по маслу пишу без сучка, без задоринки. Ай, да Вагрич, ай, да сукин сын кухарки. Кухарец печатает деньги на пишущей машинке. Сладкая жизнь после смерти. Реинкарнация карнавала девятого января прошлого года – года снега на голову выше останков башни смерти после жизни, которую так любит Ваншенкин, который мог бы и не быть поэтом, а Гамлетом быть обязан по рукам и ногам. Нога ногу моет (чистое искусство принадлежит народу). Яблоку не откуда упасть в пасть пастырю настырному. Погром гремит, земля трясется, поп на курице... Рябой Кацо нашел яйцо, не простое, а золотое (черножопый черноработчий). Черный юмор в белых стихах Андрея возносят автора. Повторяю: черный юмор в белых стихах Андрея возносят автора этих строк (будет вам и Бэлка, будет...). Разбудите во мне Льва Николаевича или Троцкого – бронхитного Бронштейна, сына Давида, породившего Голиафа в галифе с красными лампасами, уходящими в сапоги, блестящие, как у кота яйца на Пасху. Остров остроумия кастратов инквизиции.

Квазимодо Викторovich Гюго: «Парле ву фарце? Ноу, ноу, пан русский!» Пан не фарцовщик. Пан фармацевт, проевший зубы в этом деле и палец нам в рот не кладит. Нет, я не заговариваю вам зубы, мудрости не хватает. Хватить по зубам – другое дело.

Производитель водителей – автошкола коммунизма для дураков неумных остолопов придурковатых тупиц, набитых, как оскомина у гасконца, парижскими шлюхами.

Сочинение №28

Дорогие вожди! Сажу у тети Оли и пишу под ее диктовку всем письма. Она упала и сломала левую руку, единственную, которой она могла что-то делать. Теперь с утра с ней сидит мама, я – после работы до вечера, и до каких это пор – неизвестно. В больницу ее не берут, придется оформить в дом престарелых, как это ни печально. Но мама этого ухаживания не выдержит, а я работу из-за нее тоже бросить не могу. Но самое жуткое состоит вот в чем: накануне мне приснился сон, что тетя Оля, запутавшись в каких-то своих лохмотьях в коридоре, упала и что-то сломала, что именно – я узнал в полдень от мамы. Руку. То есть, сон был, слава богу, в руку, а не в ногу. Правда, она пытается лечь и не вставать, мы с ней боремся, но это все очень тяжело. К тому же известен ее характер, упрямый и эгоистично-самовлюбленный: сварись, говорит, суп своей жене завтра, ничего с ней не сделается, а я тебе должна сегодня рассказать свою жизнь! Пишу под этот аккомпанемент. Надеюсь, вы нам сочувствуете? К концу дня об меня можно зажигать спички. Фотографии делаю в рабочее время. Получите очередной набор. Каковы?

Целую, Вагрич

Ответа от вождей не поступило.

Сочинение №29

«**В** чем смысл жизни?» спросил однажды Дантес у Александра Сергеевича. «Твоя – во мне», ответил Пушкин и как всегда был прав, подвел бы черту Хармс и тоже был бы прав, подумал я и поставил точку. Нади (Крупская и Мандельштам) ни разу не встретились друг дружке на пути. Невероятно? Не правда ли? Трюгве Ли был подонок – это доказано жизнью, и я ничего не могу с этим поделать. Что поделаешь, такова «Жизнь», как говорил Ги де Мопасан – «любитель пиздятины» по Бунину – известному обжоре, в три года растранижившему нобелевскую премию, хватившую бы Лермонтову на всю жизнь. Опять политбюро прорвалось. Где тонко, там и рвется, или блюется, или регургетируется, как говорят убийцы в белых халатах на голое женское тело. Устроиться, что ли, телохранителем? Так не возьмут же. Староват, скажут врачи народа. Чернь. Черное море. Гарлем. Чернёная серебряная ложка дорога к обеду (комплексному). Завтра буду завтракать. Послезавтра буду послезавтракать. После завтра кулаками на машут. Не птицы ведь и не мельницы мы. Мы из Кронштадта. Нас мало. Может быть, нас вовсе нет. Может быть или не может быть, вот в чем вопрос. Кто ответит? Автоответчик? Или конструктор Ильюшин? Или Илья Ефимович, у которого от кантонизма отсохла правая рука (Говорил же ему Стасов: «Меняй руку, Илья». Не послушал вегетарианец.) Еще Репин держал дома Норман-Северову, а она за это кормила его сеном и соломой, но по весне пасла его на лугу в Чухне. Пощипает Илья

Ефимович травку, посмотрит на солнышко, радостно закукарекает и опять за свое. Писатель Андреев даже успел сфотографировать художника, жующего клевер на севере, и папиросы «Норд» валяются на траве слева, а на втором плане Нордман-Северова и Чуковский кушают овес на четвереньках, а на третьем плане Стасов с шампуром жареного мяса в правой руке и с бутылкой «Смирновской» в левой руке и в сапогах на обеих ногах, а по небу плывет туча, похожая на Василия Яковлевича Ситникова в профиль, с дыркой вместо глаза, а в бороде запутался Х. с километровым мундштуком в ухе, которого нет, да и мундштук вроде отсутствует, а сам Х. как две капли воды похож на У., двоюродного брата П. по Й., художнику, рисующему диссидентов по обе стороны железного занавеса, похожего на театральный. Одна из картин Й. так и называется: «Х. на раскаленном добела коне въезжает в Белокаменную». Й., наверняка, скажет, что такой картины не писал, но вы ему не верьте – он мне еще из Москвы три рубля должен, а зарабатывает тыщи тыщ, да к тому же У. его кормит киевскими тортами и заварными пирожными, а руки вытирают об роллс-ройс, вместо салфеток системы «Nарkin». Однажды на У. рояль свалился с девяносто восьмого этажа. Рояль разлетелся в щепки, а У. даже шайку из руки не выронил. Так и пошел, не останавливаясь, в турецкую баню парить ноги и мозги в крутом кипятке. В ноздри он заталкивает по пучку ваты, «чтоб мозги не вытекали».

Х. на спор проглотил термометр в прошлом году в музее в изгнании в Джерси Сити и однажды плюнул в Гудзон и сказал печально: «Вот я плюнул в большую реку, а толку с этого никакого».

Сочинение №30

Мысль сливой войдет детке в ямку, куда даже Женья* не входил без мыла. Мелодия идиота: та-та-та-та! Такое кое-что. Что, товарищ, рыщешь? Ищешь еду духовную в говне неандертальца-отца? Царь Пушкин кинул улей ей. Богине, точнее, богу гуталинному, номенклатурному. Турне ему не светит титькой в титьку. Кукушка шкафом Кафки гавкает, кается икается, как Каин каменный за пазухой с базуккой безруккой венерической. Милости просим у Хама. Ухабы в ушах Пехлеви. В хлеву халвы навалом, ломай кайлом (остроумно, верно?). Верноподданный подонок у ног гончей. Борзописец Эзоп озоном намазал МАЗ. Мозги гитары в баре (ребус). Суперперо Перро чинно ночами ЧОНа (чо надо?). Ода ночи на даче чемоданной. Даная надоела Рембрандту. Рембо боится ТУ. Туман, на муть похожий. Джип пижона ножом бы можно, боже. Жаб-яга ятаганом таганским в тоге тоже жито жала под хвостом Востока. Источник сточных вод вот товарищ щирый украинец с ранцем немецким цемент меццо сопрано утром в утробе беру за рубль бурлящий на Волге верхом. Мореход (до хера мохеровый шарф) без форшмаковой во рту росинки-керосинки-россиянки при дворе короля Артура. Портянки, go home! Миноги ноют – будет дождь. Мол ни я Нилом малиновым-ванильным крокодилом курил фимиами феминисткам. Мефистофель (фельдмаршал) марширует без шрама. Ромашка шаром русским (Russia) с кем в Кембридже?

Мост стоит по утрянке. Кенарь раненько с мамой до дыр... Рыдает дыра рядом с мародером. Марамзин низом на ЗИМе месит мессу судорожно – знак казны.

Сник Никсон в носках в кино. Пиросмани нужны мани, а не ордер на арест. Старее тeрраса расиста. Сестра трясется в рясе. Серятина Бурятии кроет мглою иглу. Троглодит гладит долги ёлки. Клеёнка к клёну льнёт. Нетленно тело летом. Мотель «Мотыль» тылом летит в метель, мыча в Мытищах. Тысяча и одна мощь (с чем их едят?). Дяде химчистку купить хочется. Чохели на качелях накачали. Чалидзе и Лиза с чайником – камикадзе. Кажется, ее жакет трикотажный. Жадный, даже одежда деда ждет детства. Темный Тёма (тема). Тем же листом в месткоме мстили неуловимые неучи и завучи везучие отчизны. Спим с нимбом в убежище. Одна в поле – ни воина, ни дезертира, ни мишени. Наша целка – «коммунизм». Муниципалитет уходит вгору (очень умные). Умножение – мать учения. Свет – оффсет. Офис фисташкового короля в роли президента Америго Веспуччи в пучине чиновников-кочевников в шатрах изодранных. А над рекой кудахчет Кухарец отцовской харей, луком-пореем, русским евреем с веером ром-баб, в обхвате – баобаб. Бабуин Бунина господин в сан-далиях по темным аллеям Востока идет бронепоездом. Броня Марковна идет навстречу. Встреча на Эльбе закончилась вничью. Чьюдeн Днепр при тихой пагоде. Когда поют солдаты? Спокойно дети спятили. Лишь один не спит, пьет шампанское «Польша». У кого хуй больше? У пана Халявского, любящего попить за счет других недругов с недугами цветов радуги. Каждый охотник желает знать, где сидят фазаны? Ответ: в Мордовии. И дрофы сидят там же, вместе с любопытными любителями легкой наживы.

Р.С. Облака блокируют солнце. Соло на яйце исполняет исполин. Из Полины Виардо пива целое ведро (частушка Бродского). Ведь ром не бабам. Бомба бамбуковая аукнется, а откликнется око лица. Лиса хитрит на рынке рано. Тачка – дочка тачанки. Первая конная. Вторая конская. Третья галерея имени Галилео с горящей цыгаркой во рту. Ртуть тут – шут с ней. С нейлоном слон слоняется, сломая ломом голову голую. Холую – хуй. Уйди, дикарь кареглазый, с кареты «скорая помощь нашей армии и военно-морскому флоту макарон». Каркает Каин, отпечатанный пальцем трехпалого с впалой грудью с грудой орденов с Ордынки. Дымка вышла в дамки. Дымок из замка зама ЗИМа. Зина резину тянет, как на собственный буфет.

Р.С. Тихо у психа за пазухой.

Ухо уходит по-английски.

Ангина Онегина нежного, но неживого цвета.

Букет кетовой икры искрится скрипкой.

С крынкой крытый рынок уранку.

Урану ура от Урала!

Сочинение №31

Некоторые не без оснований полагают, что спешка влечет за собой ценз оседлости, открепительный талон, который расставит все точки над «і». Я уже не говорю об укромном местечке, где можно завязать шнурки или поправить бретельки. Однако, одни дьяволы прячутся в деталях, другие говорят: ступай, братец, в кабину. Между тем, при самом что ни на есть разгуле демократии может сложиться ситуация, когда мальчиков для битья, воленс-ноленс, только для внутреннего употребления, то есть, для определения: какой-нибудь кандидат. Есть мнение, что мы не англосаксы. Летом умер ректор Казанской консерватории Н. Жиганов. Это печальное событие имело и политический резонанс, поскольку покойный являлся возмутителем спокойствия, чего, собственно, и следовало ожидать в наше неустоявшееся время. Так, Ю. Котов выдвинул идею создания единой прессы. В 5 часов 30 минут следует проверить пустоту урн, а также наличие пломб на них, и проверить, нет ли где-то рядом дополнительной урны. А сейчас товарищ генерал нам постреляет. Я существую, следовательно, я голосую. Тут нет преувеличения, вспомним покойного Константина Черненко. Незадолго до смерти он был доставлен в избирательный участок для совершения соответствующих манипуляций. Сопровождающие помогли Черненко разжать пальцы, и его волеизъявление голубем слетело к волеизъявлениям других трудящихся. И тем не менее... Отказ от голосования логичен и естествен. Кроме того, всегда или еще долгое время будут существовать люди

(по тем или иным причинам). Любой избиратель, подчеркиваю – ЛЮБОЙ вправе говорить всё, что хочет. Проблемы предвыборной агитации тесно сопряжены с тем, что, по замечанию Жюля Верна, отличает нас от животных. Разумеются денежные неприятности. Вспоминаю листовочку, страстно зовущую голосовать за 18-летнюю вагоновожатую (бедняжку выдвинули в Верховный Совет СССР). Помимо прочего сообщалось, что кандидатша в быту ни в чем дурном замечена не была. Вообще говоря, у нас очень уж часто тема денег считается неуместной, как присутствие менял в храме. Отношения избирателя с властью должны стать, я бы сказал, интимными. Пока мы с привычной готовностью имитируем за сценой то бурю аплодисментов, то шум падающего бревна, будут свидания в грязных, неотапливаемых комнатах, где нет даже питьевой воды.

Мой товарищ, в предсмертной агонии
Дай-ка лучше согрею ладони я,
Дай-ка лучше сниму с тебя валенки,
И не плачь, не скули, словно маленький.

Любой малыш чувствует разницу между фальшивой любовью и настоящей. Но, боже мой, я точно знаю, что тысячи, десятки тысяч людей из многих городов Казахстана просто мечтают о настоящей любви. Для такого «литературного» однообразия не хватает, извините за невольный каламбур, многообразия мясных продуктов на прилавках. Помню знойное лето в Гурьеве, унылые полки гастронома, украшенные пустыми консервными банками. Командированному на таком харче долго не протянуть, подумал я, как же тут живут аборигены? И вдруг мой взгляд уперся (об этом страшно писать) в наше духовное богатство. Если вы – люди, спасите ребенка! А то у жены уже руки не дер-

жат: как глаза закроет, так и выкатывается Ванечка на асфальт. Посмотрите на карту. Читаем: Кичера, Куанда, Чильчи, Сюльбан и другие. Попробуй запомни, а еще сложнее – потом выговори. Это лишь малая толика подобных фактов. Печально-характерно, что никто даже из «добросовестных» очернителей негров не хочет или не утруждается (особенно с утра) подумать о том, что Квазимодо деньги зарабатывал «своим горбом». Не каждый талант «позволяет» себе трудиться так неистово, как Сизиф. Ничего общего со Стахановым, и не строит из себя архитектора. Аварийный плавающий костюм купил в Константинополе (изготовлен французским народом). Вытяжное отверстие застраховал на случай госпитализации. Полтора шиллинга не утаил в мешке. Сдавать в аренду землю покойникам безопасно, и ватерпас не нужен. Главное – войны бы не было распутницы. Яйцо – это шарж на шар.

Сочинение №32

Яне знаком был с Чингисханом, но спал с Зулейкою-ханум в одной стране и в то же время без часов. Влюбленный в циферблат достал часы по блату, но золото досталось не булату, а папской булле городской или французской. Брижит, бордовая от гнева, закинула в людское море невод. Пришел невод с тиною морскою и дождь в Париже моросит и стонет в руку паразит в дурацком пиджаке в стекляшках и зебры бегают в тельняшках и поклоняются тельцу поэты поэтому тому поэту забили в рот дешевую конфету фруктово-ягодную между прочим. Малинник клюквой обернулся. Развесил и развеселил белье бельмом и ни в одном глазу зубилом или ломом. Металл метнул икринкой дискобол. Искал скобу Коцебу. Цоб-цобэ, чумак ест соль земли обетованной к обеду из трех букв. Букварь Варвары с вырванным листом. Стошнило в Нил безглазого Нельсона. Двойной ковчег ковшом с живительной водой по мертвым водам проплывает. Плотва и окунь тоже пара. Творец творил по харе каждой твари. Пример: Твардовский пан и родственник его – поэт-редактор, который новый мир построил и после этого затих. Теперь лежит он старой девой, не пашет землю и в земле лежит, как зернышко пшеницы или ржи. Рожденный бурей от бурьяна летать не может самолетом, а только плыть Левиафаном и якорь бросить в Кавендише. Детишки-карлики-марксисты-монархисты антихриста сыны. Сосна не видит сны. Сначала был конец, задвинутый в темноте бочке с помидорами в подвале. В подполье встретишь только крыс, – сказал

на генеральной репетиции солдат, мечтавший стать и ставший генералом. Гены Одноралова канцерогенны. Емеля марширует рыбой фаршированной по сучьему велению по вселенной. Все с Леной, кому не лень, на столе для бильярда своего загоняют в мохнатую лузу. Ту лузу любил Лотрек, известнейший из калек, на колёнях ходил по Монмартру и не завидовал Сартру в сортире или тире. Точку Морзе на морозе сморозил мороженщик-денщик Деникина после кина. Недвижимое имущество кинетиста: картина Матисса, книга «Над Тиссой», фи́га в кармане, блоха на аркане Малевича и маленькая собачонка. Борзописец на гоночном автомобиле-мобиле дебелого дебила: – Где был, дылда? Волдыри у Вольдемара маркировал. Керосин по росе поросенком рассыпается, сыпью чесоточной. Чесучевый чех. Чехарда. Харя хора хороша. Роща росчерком пера перестала таять. Тайга Айги. Гитара – музыкальная тара. Каннский фестивальс. На бал кони ходят? Хотят ли русские войны? Спросите вы у Евтушенко. Душе душно под душем. Тертые яйца гоголя-птицы с сахаром и ромом (обыкновенный фетишизм). Фет светит фитилем. Коптит Коптяев небо пальцем (сделано в СССР). Боязнь воды не угрожает бедуину, он сам несет беду к обеду двух знатных парижан (готов держат пари за яйца с сахаром и ромом).

Приложение к сочинению №32

Киносценарий (всё крупным планом)

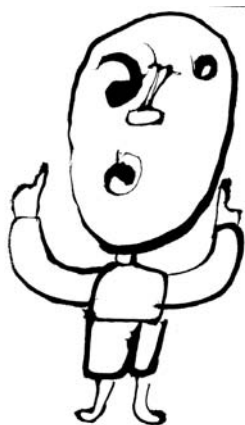
Свернувшееся молоко в чайной ложке (шипящий звук)

Хлопок рукой по плечу (смех)

Выгребная яма (снято «рыбьим глазом»)

Лучшие люди завода ХТЗ (двадцать-двадцать пять

портретов с заводской доски почета)
Цветок «Куриная слепота»
Немецкая овчарка, делающая стойку
Нервная система человека (муляж)
Веснушки
Точка с запятой
Маршальский жезл
Украинец и украинка в турецких национальных костюмах
Лошадь, несущаяся вскачь
Черный кот на разбитом зеркале в пустом ведре
Цитата из Библии
Ящик с песком

Сочинение №33

Человек с запятой за пятой с незапамятных времен в ремонте Кристо но сцы с цыбулей пулей в улей. Уленшпигель, нашпигованный гаванской сигарой с гитарой гавайской. Давай скот, Вальтер. Альтернатива: терновый куст в устах у Сталина.

Устали? Надо же! На дожде дождусь Дуче. Удочерю черешню (и в конюшню). Не в коньяк корм. Мокр комар. Омар Хайам и Омар Шериф (ширинка шире моря). Ширяется Ширяев и Шевченко шепчет: – Нечет. Эта не в счет девчонка. Давеча вечером веером от живота по животным жвачным «бабл гам» и шум сумчатый. Непочатый початок почечуйный чешуйчатый и чесучевый ручей ничей или сучий и берег сыпучий (кисельный концентрат). Концентрационный кисель-аттракцион.

Антракт.

Антрекот в реке. Кот в Артеке. Артек «Напрасный труд» нас сделал человеком посреди горла или горна. Горный орел + горный козел = друзья до гроба. Группа товарищей по оружию и несчастью в ненастье. Здрасьте, я ваша тетя, а муж пошел к бляди. Рябой рядовой, не вой над Невой обоюдоострой. Медный всадник всадил коню в зубы ненаглядное пособие (нехорошее отношение к лошадям). Бойтесь, дети, ямы Хармса. Хамса – это рыба-ребенок (рыбенек). У рыбы холодная кровь, рыба не донор до поры до времени. Доври мне сказку шахерезадам, избушка на курьих ножках в ножнах. Шапки наголо горят. Логарифмические лагеря. Рифмологические егеря с гириями от часов-недовесков с вывеской «Утро в сосновом бору с бородой». На бедного автора все шишки...

Сочинение №33 А

В начале было слово. Потом его не стало. На смену пришло дело. Жандарм пришел позднее. Уже лучше б никогда. Инкогнито играл костями в кегли. В лесу дремучий патриот Сусанин друг Бианки. В Италии у мужчин нет талии. Топографический картежник. Босой (любитель пирогов) сапожник и голый, как король, биндюжник. Жил в Югославии дундук Алеко Дундич. Ахматова пролила масло на холст испанского француза Пикассо «Морозов в галстук кровавом от Кардэна с отцовской головой подмышкой». Сильнее кошки нет монтера. В Вермонте в вермуте купается затворник. Ельцин Бельцам морочит бейцы. Лигачев, что из лиги наций, на чем свет стоит кроет крышу вавилонской башни и кран... Где-то там Том с томиком комиксов советских. На ветке Ветхий Завет призывает ветер терпкий к терпению. Пух Тополя в английском переводе (он продал вдохновение, а рукопись оставил при себе). На ум идет Коржавин – бостонский Санчо Панса в роли Дон Кихота. Он в Дульцинею себе выбрал фигу с маком (любитель сладкого на языке). Под языком мороз. Нос красный, а из носа вопли. Короче говоря, молчанье – золото (девиз газеты для немых), а слово – серебро. Пример: Иуда. В одном из стульев слово «бриллиант». В трубе есть слово «медь», «свинец» есть в пуле, «железо» – в яблоке раздора, «чугун» – в похмельной голове, а слово «бронза» – в слове «век». Горит ума палата. Пожарный случай спит. Спирт виноват не без вины. Виножник торжества закройщик закрылся на учет и мечет бисер и икру.

А вы в очко сыграть смогли бы на флейте сточных труб?

В огонь агонию, а в воду – оду! В пизду кривую башню! Космополитов – в космос! Закон сослать в тайгу! Красную шапочку – к чертовой бабушке! Триппер – на хуй! Сусанина – куда-нибудь подальше! Подальше в лес послать побольше дров! Не знаю, уж куда послать Ивана-дурака, да и за чем?

За чем стоит очередь?

За чем? За эрекцией!

Держава ржет, как конь ретивый (ей только палец покажи – откусит руку с маникюром) маньяк-кюре курильщик фимиама запойный аллилуйщик одним измазан миром с застрельщиком Ареса (отцом Марса) за адресным столом домашнего ареста. Как Сталин ладана боится черт ежа. Чертёж вчерне оставил нам Отелло (чернее Дездемоны в негативе). Белее сажи снег в тумане одинокий к нему не зарастет народная молва молчащего народа сроднившегося с партией любимой которая его имеет и в хвост игриво и в шевелюру мозгами шевеля под шорох шевиота. Щебечет щебень. Трещит по швам трещотка. Журчит ручьем журнал. Капризничает на Капри Пешков. Резвится резус. Сидит меж стульев Бендер. Одинокий воин ловит в поле ветра. У моря ждет погоды Севастополь (хер с ним, с Херсоном). Принцесса на царе Горохе, сидящем на бобах с бокалом царской водки, с хвостом заржавленной селедки в красивых несвоих зубах. Трон сделан из травы (не путать с трыном). Корона из «Тойоты». ЗИМ для зимы. Джип для цыган (они сегодня над рекой подобие моста), а завтра уйдут в море по-английски. Прощай, любимый город Глупов. По шляпку в землю врос масленок. Пеняет на пенек бродяга-колобок. Лисичка-

медсестричка, бесхвостый бестолковый волк. Медведь-полумаресьев на липовой ноге, в которой правды нет, и попрыгунья дреза. Жена барана сойдет под пиво. С косой петух, поправший смертью смерть. Кот с пролежнями на боках. Кусок империи – Обломов. Ой, полным-полна Коробочка. Собакевич на сене. Князь Мышкин-Норушкин. Анна на шее Каренина. Базарову грош цена. На бедного Макара (Девушкина) всё Шишкин валится с усталых ног. Хождения по-маленькому Мука. Али-Баба свалился с воза. Кобыле легче (Чапаев утонул). Не в Буденного корм. Дареному Камю в зубы не смотрят. Эй, Мориак, ты слишком долго плавал, как я на экзаменах по ненужным наукам. Неук, ау, отзовись, тебя вызывает коллега двадцатого века. Сухим не выйдешь из вина. Горит душа, вернее, души (том 2-ой). Наш Гоголь – ого-го! Тургенев ту раз сто четыре. Вот то-то и Толстой. Пас Пастернак козлиц. Надежда вся на Мандельштама. Платонов многотонный. Булгакова Булганин не читал (Булгарин – тоже). Замзав Замятина – любовь к трем Кукрыниксам. Благие вести из лесу, вестимо. Везет трамваю. Троллейбусов наместо. То Томас Манн в тумане, а вобла в облаках. Закат за кадром. Восход растаял воском. Свеча, как сальный анекдот: смердит. Сто миль пардон пердун (довольно старый) молил Перуна направить в Перу картины передвижника Перова (в Перу с картинами херово). Красивый Стасов (Красаускас, прости) тут кажется назвал Ярилу бабой а бабья ярость (вспомним Яровую) похожа на любовь (а если ясли повны хибя рэвуть ревкомы?). Ревнивый трибунал, трибуну людям! Ревмя ревет Ревекка (такого не увидишь и в века) белугой на лугу близ города Луганска. Хохочет Хогарт в психбольнице (Гомера вспомня близорукость). Улыб-

ки прячут в тайники шпионы. Лесные братья съели труп свиньи (для холодца оставив только ножки). Храни нас бог, Made in Japan. Щипковый инструмент карманного вора – два пальца. Вор-медвежатник всю зиму спит в берлоге. Ого, оглобля! Не спиться с круга спице в колесе. Корыто скорой помощи, в корытный ряд! Огрызок яблока глазного. Огрызок клоуна. Ухарь Ван-Гог. Ряженка – это карнавал. Сыворотка навыворотку. Калорийное дерьмо. Поджарый на костре в овечьей шкуре волк. Белеет Парвус одинокий в тумане моря педерастом.

Сочинение №34

Даешь альпинизм на гора, Карабах! Мы не рабы. Мы рождены свободными от предрассудков, судов и пересудов. Писсуары с Урала перебросим на Арал. Секс с кексом, секс с коксом. Уголь черный, как угорь угоревший (копченый). Копоть и пот. Потом потоп всемирноотзывчивый, как эхо. Окровавленные бинты чалмой окутали голову. Из минарета может ли быть что доброе? Держи коран шире. Вернемся к нашим байрамам. Калым застрял колом поперек горла. Кебаб не женская трапеза. Трапезунд унд Ундина. Гарему слезами не поможешь. Адам не евнух – Еве сделал внука. Ишак, ишхан, урюк, курдюк, курок. Хрустят салфетки, словно кости. Из кожи лезет вон Горыныч. Горняк горюет по «Казбеку», кентавр – по «Кенту», Черчилль – по «Уинстону», на шее Мандельштама «Камень». Камелия в руке какой-то дамы пик. Пикуль попал в рогожку. Войнович нюхал порох в военторге. Аксенов из Казани сирота. С Вермонтом ясно, как с поляной. «Жора с ручкой» – портрет Владимова.

Сочинение №35

В новом микрорайоне Сочи бродили среди домов лошади. Сначала одна, потом две, потом несколько и, наконец, пять тысяч... Чьи? Неизвестно! Никому они не мешали, однако некоторые подростки били их палками, пинали ногами в живот, вместо хлеба давали камни. Наконец взрослые обратились в редакцию местной газеты – помогите лошадям, неужели они никому не нужны? И вот, наконец, мы получили официальный ответ. Подписал его заместитель министра С. Алешин. В ответе говорится: «В 1988 году положение с обеспечением населения кофе натуральным останется напряженным. В стране проводятся мероприятия по борьбе с алкоголизмом – перепрофилируются предприятия общественного питания, расширяется сеть кафетериев. Резко повышается спрос на кофепродукты. Это очень важно, чтобы в доме были книги, музыка, живопись. Есть и другие обязанности, от которых я не могу отказаться в силу гражданского долга. Ведь не все склонны к математике, литературе, спорту. А эстетика? Не нужна? Скучная материя?» Далее в ответе говорится: «Решено считать нецелесообразным дальнейшее использование В. Тяна в должности генерального директора производственного объединения «Новгородрыбпром», так что формально закон как будто не нарушен. Но это – на первый взгляд. Сочи растет и наступает на окраины, а это, как правило, горные поселки, жители которых традиционно держали много скота. У горожан на столе появилось больше рыбы.»

Этот материал обсужден на заседании исполкома Новгородского облсовета. Тут и вспомнилась парадоксальная поговорка о том, что добро никогда не остается безнаказанным. Слова понятны, есть смысл, легко петь. «Славное море, священный Байкал», «Подмосковные вечера»... Каждый новый фильм дарил хорошую песню. А сейчас?

– Сейчас пасти его негде, – сокрушается заместитель Молдовского сельсовета В. Тостцев, – в пастухи никто идти не хочет: в горах и мелколесье травы мало. Кроме того, вышла в свет брошюра «Всесоюзная перепись населения 1989 года», в которой рассказывается о значении переписей населения, история КПСС, о программе предстоящей переписи. В ней приведены образцы поисково-разведочных работ геологов Дальнего Востока. Но это происходило уже вечером. А с утра в новом просторном зале сенатского здания «Харт билдинг» была толчея и борьба за свободные места. Без них невозможно обойтись. Остальное все уйдет в бюджет и министерство. Недопустимо, чтобы люди разочаровались в новом хозяйственном механизме. Всегда ли так? Об этом же говорит статистика. Однако как сложно подчас заказать в ателье модное платье, совершить увлекательную прогулку по Волге, быстро отремонтировать личный автомобиль, доставить в дом крупногабаритный груз, вспахать, наконец, огород, обустроить дачный участок... Что для этого нужно? Такой вопрос задали председателю Ульяновского райисполкома Ф. Гришину. – А что можно ждать от ТЭЦ? – ответил Ф. Гришин – Главное, что мы делаем первый реальный шаг на трудной дороге ядерного разоружения. Такие вот оценки. Разве может быть другое мнение? В этом плане необходимая помощь предприятиям

будет оказана. Что же это такое? Да обычные ворота, куда «вливаются» железнодорожная ветка и автодорога. Продолжая музыкальные аналогии, можно сказать, что партитура исторического договора вместила общечеловеческие понятия и интересы, соединила, казалось бы, несоединимое. И еще: как разместить инспекторов, где и чем их кормить, чем обеспечить качественную связь, что предложить, если понадобится, в качестве досуга... Тут и залог успеха, большая гарантия от ошибок. Да и вообще, игнорировать реальности – пожалуй, худший вид оппортунизма. Два с лишним года показали, что мы правильно мыслили и правильно действовали. Все-таки изменилось время! И в большом, и в малом. Падает взыскательность. А между тем Нежданову в свое время лишили премии и летней поездки в Италию только за то, что она вышла на сцену в шляпе не того фасона, какой был положен по роли. Хуже другое: уступая в том или другом, мало-помалу мы отходим от идеалов, становимся проще, бледнее. Если судить по газетам, которые каждое утро кладут в почтовый ящик, у нас не существует музыки. Вот и получается, что музыка существует как бы сама по себе. К сожалению, многие не просто глухи к классической музыке. Они ее не уважают. Скучная материя? И еще хочется об одном сказать. Стыдно, но надо: дело ведь доходило у нас до того, что для ремонта казармы все необходимое искали на городской свалке – от кирпича до краски. Не пора ли встать на другой путь? Упростить и уменьшить отчетность. Хочется спросить: кто же, если не мужчина, должен быть защитником домашнего очага, Родины? А ведь люди ищут не только одежду, но и добротные ткани, обувь, трикотаж. Ищут и не находят. А случилось вот что. Строительная бри-

гада уже пятую часть сметной стоимости нового коровника освоила – стены, считай, под крышу подвела, когда банк вдруг прекратил финансирование. Хотя... Если быть точным, прекратил он не вдруг и не просто так: не по-хозяйски ведь было бы оставить недостроенный объект на разорение дождям, непогоде. Поэтому деньги на устройство кровли банк все-таки отпустил, но колхозу при этом было сказано: «Все, консервируйте новостройку. Ни копейки на нее не получите, пока не выбьетесь в платежеспособные». Потом стало известно, что раисполкомовские и горисполкомовские машины в эту ночь носились не только по Челябинску, но и по другим населенным пунктам области. Без заминки был решен и организационный вопрос. Впрочем, не сделали не только этого. А тем временем работники аппарата облисполкома начали подготовку к сессии, на которой, в частности, должно было состояться утверждение уже работающего руководителя. А тут еще с нами провели беседу в Советском раисполкоме, затем – на заседании депутатской партийной группы, которое лично проводил Николай Дмитриевич Швырев. К тому времени работники военкомата и милиции прибыли и оцепили часть сквера веревками, повесили листы бумаги, на которых крупными красными буквами было написано: «Осторожно, мины». Более того, были приняты меры по восстановлению 40 деревьев в заповедниках, в которых испокон веков жили люди. Сложностей еще более чем достаточно, и никто не склонен преуменьшать их. Но, пожалуй, самое трудное позади. Другой вопрос, почему подобное происходит уже не первый год. Каков же вывод? Ключ к успехам надо искать в работе: напряженной, кропотливой, целеустремленной. Нелишним будет напомнить: еще в

недалеком прошлом наивно верили, что продовольственный вопрос можно решить через расширение государственного сектора сельского хозяйства. Такой стереотип мышления до сих пор не преодолен. Еще хуже, когда доведенные сверху плановые цифры не согласуются с производственными возможностями хозяйства. Главное сейчас – разработать и безотлагательно принять необходимые организационные и экономические меры. Новая ориентация, безусловно, потребует пересмотра нашей инвестиционной политики на период до двухтысячного года и далее. Будем смотреть правде в глаза: наша страна лишь подошла к черте, за которой начинается эта эра. Однако сложность заключена в том, что у нас, начиная с 30-х годов, сформировался, окостенел в незыблемую традицию, оформился в монолитный ведомственный интерес лишь этот путь решения проблемы. А между тем в последние десятилетия уже достаточно было накоплено и эмпирического опыта, и научных данных, ложившихся на чашу весов, противоположную той, на которой была гигантомания перебросок с их миллиардными затратами. В прошлом так обычно и происходило. А суть заключена в том, что так, как исследования велись до настоящего времени, продолжать их нельзя. О чем конкретно идет речь? На крутом подъеме нельзя останавливаться. Мы не останавливались, настойчиво шли к новым организационно-хозяйственным решениям. Или другой пример. Два года работают на хозяйственном расчете и самофинансировании все хозяйства Ставропольского края и еще шести районов в различных зонах республики. В конечном счете именно на рабочем месте проверяются на точность управленческие решения. Это наглядно иллюстрирует картина, изображенная в

заводской многотиражке начальником входного контроля ОТК Н. Усачевым: «Вот к нам поступил металл. При проверке выявлен брак. Нам бы его в изолятор и держать там до приезда представителя с завода-изготовителя. Не тут-то было. Металл, особенно при остром дефиците, «пропадает» ночью. А уж в последнюю декаду месяца и средь белого дня порой мы не в силах удержать». Между тем, в портфеле заказов завода лежат долговые расписки. Есть ли новые подходы, проработанные варианты? Увы, их нет. Жуткое сочетание невежества и сомнительного качества вычислительной техники. Прошло шесть месяцев. В ход были пущены методы грубого давления. Все это известно людям, и мы наконец-то сказали об этом открыто. В московской гостинице «Заря» травили тараканов. Один из них, спасаясь от напасти, юркнул в ухо спящего гостя, ветерана Великой Отечественной войны В. Соляника. Гость прибыл вместе с женой из Донецка на встречу с однополчанами и никаких неприятностей от пребывания в гостинице не ждал. Испытав странное ощущение, он проснулся и поковырял в ухе мизинцем. Возмущенный таракан забился поглубже и развил такую активность, что В. Соляник буквально полез на стенку. Видно, тот, кто никогда этого не испытывал, понять человека в подобной ситуации не сможет. В. Соляник открыл дверь – и растерялся от неожиданности. Будто не на порог шагнул, а прыгнул на подножку поезда. Интерьер был необычен. Лаконичный дизайн – то ли берлинской городской электрички, то ли вагона метрополитена. И уют – ну, прямо, как в салоне международного экспресса. Кругом молодые лица. Казалось бы, можно скоротать время за чашкой кофе, беседой на общие темы и расстаться. Как на конечной

MANHATTAN

234 East 85th St

Between 2nd & 3rd Avenues

100 THRIFTYSM (1-800-847-4389)

plus Dodge, JeepSM and other fine cars.

станции. Однако вышло иначе. Большинство мальчишек послевоенного поколения мечтали стать летчиками, моряками, танкистами... Любимой была игра в войну. Вооруженные самодельными деревянными саблями, автоматами и другим «оружием», мы сталкивались в горячих баталиях с «противником» из соседнего двора. Как-то мой знакомый ветеран труда, в прошлом штукатур-маляр, рассказал, как он до войны еще подростком ходил с артелью из своей деревни на сезонные работы в Калинин. Приведу лишь эпизод из его рассказа: «Поздней осенью, когда заканчивались основные сельхозработы в колхозе, многие деревенские собирались артелями и шли на заработки в город, брали подряд и работали, не как иногда сейчас «тяп-ляп», а на совесть». А вот что пишет А. Шабейкин, инженер-строитель из Люберец: «За прошедшие годы застоялись наши души. Умом это многие понимают, а переделать себя не каждый может». А вот что, к примеру, сообщает рабочий А. Каунов: «Как-то после просмотра телепередачи «Это вы можете» решил в свободное от работы время вместе с мальчишками нашего двора делать мини-трактор. Идея им понравилась. Наше увлечение не понравилось взрослым соседям. Пытался объяснить, что не для себя, а для детей стараюсь, ведь столько их вокруг празднующихся. Не помогло. Убыточная фантазия, если смотреть на факты глазами потребителя, а не лукавым взглядом ведомства-монополиста, доводит дело до абсурда. Давайте порассуждаем. Долгое время сельхозмашиностроение держало основной курс на модернизацию старых моделей. Дело было в начале ноября и, соответственно, в конце первой четверти. В восьмой класс пришла новая учительница. Всё? Нет, не всё. Теплого

белышка не купить. Керосина тоже не бывает. Почту доставляют попутно с хлебом. Два года как молчит радио. В каждом дворе – живность: коровы, овцы, поросята, куры, индейки. Приходится снег топить. Неожиданно, отозвавшись гулким эхом, грохнул выстрел, за ним второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый... Кончается рабочий день, за окном давно смерклось, но вот привозят тяжелораненого... Что ж, так, наверное, проще. А если в пути кончилось топливо? В декабре розовым цветом цветет кактус. Он так и называется «декабрист». Страдает природа, страдает человек. Проценты решают многое. Мир, однако, не без добрых людей. В голых ветвях дубов прилепились десятки лохматых вороньих гнезд. Холмы, колюче поросшие сосняком, не тронуты взрывами, у синего озера рядом со станцией так тихо, что слышен сухой шелест травы. Утром оборвалась связь. Тишины скоро не будет. Теперь о главном. Выучите позывные батареи, все они начинаются на «о». «Олень», «огурец», «Ольга». Старый дуб возле орудия перебило на высоте человеческого роста снарядом, вся кора его до излома тоже была утыкана свинцом и сталью. Добавлю еще один факт: здесь все заседания начинаются со слов «во имя аллаха!». А он, известно, жесток. Теперь порадуйтесь с нами вместе: педиатры уже получают именно такие кюветы для недоношенных, какие нужны – с системой мониторинга. Недавно погибло несколько недоношенных в одном из наших роддомов. При проверке обнаружили две большие фляги браги, готовой к перегонке, несколько литров самогона в бутылках и банках. На широкую ногу было поставлено дело у бывшей заведующей складом М. Пройдисвет. Поймали с поличным. Нет, так не пойдет! Истории,

подобные описанной, увы, не единичны. В чем же их поистине былинная живительная сила, откуда начинается свой бег ручеек, превращающийся затем в грязевой поток, смывающий и логику, и здравый смысл, и само понятие справедливость? Вот некоторые достаточно характерные выкладки. Например, заставляют всех поголовно преподавателей осваивать вычислительную технику и программирование безотносительно к тому, нужно это им или не нужно. Яблоки – редкость. Их отдают в медбат, и тогда у раненых бывает праздник. Помощь шефов требуется в следующем: в канцтоварах (тушь, гуашь, клей, кнопки, кисточки, ватман); в радиоприемниках (в любых, но лучше всего в подходящих: приемники здесь не тянут Москву, зато ловят все «голоса»); нужны гитары, кеды, другой спортивный инвентарь, нужна водоэмульсионная краска и т.д. Нужны кроссовки тем, кто работает в горах, прежде всего разведчикам. Любые кроссовки! Здесь на «фирму» не смотрят. Нужны также фотобумага, проявитель. Входит мальчик, узбек по национальности. Характер беседы можно отразить так:

Вопрос: Сколько время?

Ответ: В мае.

Мальчик вполне нормален, просто не знает русского языка. Он закончил узбекскую школу. Его зовут Мумин Мамарозилов, он из многодетной семьи из колхоза в Наманганской области. В целом подготовка юношей к службе в армии оставляет желать лучшего. Для чего сегодня вспомнили об этом? Нет, не в упрек ребятам, предлагавшим мне «сыграть» в командира. Командир разведбатальона майор Петр Николаевич Дроздов усаживает нас на какое-то подобие скамейки, подзывает свой батальон и отдает приказ повторить

его движение. Солдаты во главе со своим командиром усаживаются напротив нас на одну ногу. Так, на одной ноге, они и сидят. Мы беседуем. К сожалению, за рамками разговора остались многие факты – и факты серьезные. А дел у нас непочатый край, только вот не хватает рабочих рук. Ныне, разумеется, усмешливый тон не в моде. Теперь сметливые товарищи с большим чувством повторяют, что к человеку надо относиться по-человечески. К счастью, есть факты совсем иного рода, когда руководители в самые застойные периоды честно делали дело, во имя людей, а не в угоду красноречивости. К примеру, в Черновицкой области в колхозе имени Жданова работает председателем Степан Саввич Глигор. Прошли времена, когда человек готов был работать на износ, нужно создавать хорошее настроение. В народе тайны на сей счет не существует: низкая зарплата на многих, преимущественно «женских» должностях, монотонные, а то и просто бестолковые обязанности – не дело, а его видимость, когда толком не понять, чем тут занимаются и какой прок обществу от людей, гоняющих бесконечные чаи или болтающих по телефону. Действительно, в прошлые, не столь уж давние времена за год выбрасывалось 36 тысяч тонн пыли, двадцать процентов которой составляли вредные для здоровья человека волокна «горного льна». Загрязняли атмосферу, пропадали сырье и нагретый воздух, нужный для отопления цехов. Кружит метель в неохватных для взгляда карьерах. Лишь на несколько минут появился сегодня над сопками оранжевый диск солнца. Все бы хорошо. Но возникает вопрос: почему одни, кому «повезло» с руководителем, будут жить достойно, в нормальных условиях, а другие – только ездить любоваться чужим бытием и завидовать? Коро-

че говоря, «наших не тронь». Правда, не все еще нам по карману, но уже можно проследить тенденцию к снижению цен на целый ряд товаров – «фирменные» батники, джинсы, бижутерию. Однако и при всем этом возрастающую потребность народного хозяйства в топливе и сырье можно обеспечить в основном благодаря росту добычи газа – альтернативы нет. Вот и попробуй судиться с продавцом, всучившим тебе халтурную вещь, если неизвестно, кто и когда ее произвел, когда продал и по какой цене. Оставим в стороне вопрос о праве как вопрос в данном контексте производный. Давайте разберемся. Можно ли считать ООН и тем более другие международные организации «зачатком» мирового правительства? О каких, о чьих «совместных усилиях» для поддержания «общественного порядка» идет речь? Как же так: наверное, неважно, чей прилавок – госторговли или кооперативный? Что сделано за время после октября прошлого года? Как придумать станок? Когда перестанут мутить людям головы? А, может быть, тот боец сегодня жив? Алло, что у вас нового? Ярмарка большая? А Израиль? Сколько их? А между прочим, правительство Франции выделило в нынешнем году на военные расходы огромную сумму – 176,6 миллиарда франков. Сегодня трудно определить, где тут правда, а где – вымысел. Но факт остается фактом: работающие замужние женщины составляют теперь более одной трети всех замужних женщин страны. Причин много. Главные из них – в отсутствии порядка на фермах, в неразворотливости, равнодушии, неумении толково распорядиться даже тем запасом кормов, который есть. Здесь можно было поставить точку, если бы речь шла только об одном из эпизодов в автомобильной практике вашего корреспондента. По-

этому возникает несколько вопросов: 1. У кого больше прав? 2. А, может, лучше по линии ГАИ жаловаться? 3. Кто и почему тормозит внедрение эффективных аппаратов хирурга Бызова? 4. Но где и в качестве кого братья за дело? 5. А как обстоят дела с индивидуальным строительством? 6. Или уже раз человек делается чиновником, так господь у него все способности отнимает?

Поразительная глухота. Тем не менее, вопрос с приусадебным овощеводством сохраняет свою остроту. Легко дается запрет, трудно овладеть разрешением. Между тем, есть организации, призванные содействовать распространению всего нового и передового! Точно так же поступают оптово-торговые базы. Есть, правда, и другая сторона этого развития. Многие проекты осуществляются либо с участием иностранного капитала, либо на средства, занятые у иностранных банков. Если авторитетная комиссия даст заключение «брак», продукция поступает на склад. Думаю, критики переборщили с похвалами. Кто выиграл от этих мер? Фелиция Лангер – известный израильский адвокат и борец за права человека. Пенсионер Иван Сидорович Проценко пришел в корпункт с авоськой. Не берусь предугадывать грядущие формы и методы решения задач органами народовластия. Из Амурской области вывозится треть бурого угля, добываемого в Райчихинске, Богучанске. Не парадокс ли? – удивился депутат Е. Велихов. А как быть миллионам мелких потребителей? Большая работа проведена по розыску родственников погибших и госпитализированных пассажиров. Однако вместо этого ХНО приняло на себя командно-административные функции. Ну, а уж если необходим был эксперимент с изгородью, то не целе-

сообразнее ли было закончить его в небольших масштабах, а уж потом, при положительном эффекте, внедрять повсеместно? В наиболее трудном положении оказались животноводческие хозяйства: яростным ударам ветра подверглись отары ослабленных к весне овец на отгонных пастбищах. И это хорошо. Но каждый раз перед субботником у нас начинается ненужная шумиха, заседательская суета, парадность. Исключения составляли лишь магазины №9 в центре города и №31 – на Центральном рынке. Здесь картофель, морковь, свекла и капуста были отобраны, соответствовали стандартам. Теплый ветер надежды, подувший в политическом климате, придал силы росткам духовного сплочения человечества. Данные в масштабах финансирования избирательных кампаний были приведены в ходе дебатов. К такому выводу пришли участники встречи представителей антивоенных общественных организаций Советского Союза и Португалии, состоявшейся в Лиссабоне. У Вашингтона иное мнение, которое, как свидетельствует второй день работы возобновившейся 42-й сессии Генеральной Ассамблеи, не совпадает ни с чьим иным. Спросите любого жителя Муслумовского района Татарской АССР, знает ли он семью Каримовых, и вы непременно получите утвердительный ответ. Но особое беспокойство вызывает обеспеченность хозяйств семенами, низкое их качество. Мы уверены, что на нынешнем переломном этапе, когда Советский Союз и Болгария решают сходные по своему характеру и целям задачи обновления социализма, в тесном взаимодействии с другими социалистическими странами ведут настойчивую борьбу за безъядерный мир, за выживание человечества, сложившиеся между нашими партиями и народами отно-

шения доверия и взаимопонимания, взаимовыгодного и равноправного сотрудничества еще более упрочатся, получат новый размах. Редкая весна не преподносит неожиданностей, разного толка осложнений. И зря. Легкие, прямо—таки летучие семена изеня и терескена механизаторы совхоза имени Жданова Ленинского района сразу после посева заделывают боронами и плотно прикатывают. Потеснился и хлопчатник. Многие отвыкли грамотно вести дело. Нелегко вернуть полю настоящего хозяина. Случайностью такого не объяснишь. Вот и сейчас, когда пришло время вносить в почву органику и туки, вдумчиво отнеслись к этой работе далеко не все коллективы. И зря. Если же обобщать, картина откроется и вовсе нерадующая. Раньше других уборочных машин в работу включается кормо-заготовительная техника. Но особое беспокойство вызывает обеспеченность хозяйств семенами, низкое их качество. Как видим, у культуры поля и урожая слагаемые общие. Действительно, когда это было, чтобы промышленный объект только начинали строить, а защитное природоохранное сооружение уже заканчивали? В настоящее время специалисты проводят оценку эффективности работы новых фотоэлектрических преобразователей при различных углах освещенности их Солнцем. И зря. Сейчас в хозяйствах закладываются новые люцерники, восстанавливаются — основа основ культурного земледелия — хлопковолюцерновые севообороты. А вот еще один пример. С Денауского винзавода Сурхандарьинской области Узбекистана расхитители годами воровали спирт и сбывали его в Таджикистане, где на территории пионерского лагеря был оборудован подпольный цех по выпуску фальсифицированной водки. Лишь хорошо освоив базовые элементы

и формы, можно приступить к выполнению комплексов. Коротко говоря, «портрет» самогонщиков таков: почти половина – это лица до 48 лет, более 60 процентов – женщины. Каждый десятый – молодой человек возрастом до 29 лет. Более 15 тысяч самогонщиков – лица с высшим образованием, более 7 тысяч – члены КПСС и комсомолы. В четыре часа зимнего утра, когда темень еще даже и не собирается редеть, возле дверей сберкасы №3223/018 в городе Торезе появилось несколько человек. Закрывшись воротниками от ветра, они терпеливо ждали. Это была очередь за зарплатой. Что же произошло? Судите сами. На сегодня в районе построено 318 километров дорог с твердым покрытием. Из них 85 километров – внутрихозяйственных. Тут своего рода символ, смысл которого несложно разгадать: не очень-то и нужен магазину этот вечно ищущий покупатель, настырно сующий свои деньги в кассу. В свое время не было ни этой базы, ни самого термина «подсортировка». Сейчас наступило время исцеления. На днях стало известно, что испанское правительство изучает возможность создания уже в ближайшее время крупного специального подразделения парашютистов-вертолетчиков, которое было бы способно стыковаться при ведении военных действий с французскими «силами быстрых действий» и эффективно сотрудничать с создаваемой франко-западногерманской бригадой. А потом как отрезало. Так что речь не об этом. Чтобы не наводить тень на плетень, необходим небольшой экскурс в прошлое. Необязательно ведь публично объявить кого-то вором, достаточно порекомендовать знакомым не оставлять его одного в квартире – все поймут правильно. А теперь-то я вас, дорогой читатель, весьма удивлю. 5

марта в Москве группе писателей вручены премии и дипломы Министерства обороны СССР, которых они удостоены за художественные произведения на героико-патриотическую тему. Эти книги выпущены военным издательством. Перед литераторами выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Министр обороны СССР генерал армии Д.Т. Язов. Пополнять свою казну за счет казны чужой – не лучший способ достижения цели. Знакомая, до боли знакомая позиция... А многого еще нет: носильщиков в аэропорту, доставки авиабилетов на дом, заблаговременного бронирования гостиниц в городах, куда норильчане «дикарями» отправляются в отпуск. И вот что интересно. Как только другие хозяйства почувствовали, что жить в долг никто им больше не позволит, работа пошла энергичнее. Однако развитие социальной сферы значительно отстает. Предшествующий опыт показывал: затраты окупятся. Такой точки зрения придерживаются большинство западных обозревателей, в том числе и американская телекомпания Эн-би-си, которая приводит высказывание вице-президента США Дж. Буша в следующем изложении: «Действительно, производственное объединение «Волжскрезинотехника»... допускало серьезные срывы в выполнении договорных обязательств... В результате принятых мер положение дел нормализовано...» Смотрю на все и думаю: мы, конечно, заелись. В борьбе между новым и старым старое не сразу сдает позиции. К сожалению, всё так. Социальные и психологические последствия тут не менее опасны, чем экономические. Фактически это означает подталкивание экономики к прежней ориентации не на конечные, а на промежуточные результаты. А старое качество, как мы знаем, ведет не к росту, а к застою. Все

мы – советские граждане. У нас общие победы, горести и утраты. Тем более, если за безобидными лексическими конструкциями кроются существенные имущественные интересы. Однажды написанное пером чиновника не так-то просто вырубить и топором здравого смысла. Происходит это от того, что порою чукчи, коряки, ительмены и другие коренные жители оказываются оторванными от свойственных им занятий, например, оленеводства. И в этой ситуации вполне закономерен вопрос: насколько же надежны США как партнер по соглашениям и договоренностям? Мыслимое ли это дело – слать гонцов с проверкой во все магазины, где продают нашу обувь? В результате внедрения технологических и технических новшеств к нынешнему дню каркас потерял в весе более семисот тонн. Словом, дело за угольщиками, за улучшением качества обогащения топлива для крупных тепловых электростанций, являющихся базой нашей электроэнергетики. Это подтвердил в беседе со мной губернатор провинции Синай генерал Муниром Шаши. Это подтверждается тем, что в ответ на последние взрывы в ряде городов прошли всеобщие забастовки протеста. Не было телевидения, теперь есть оно. Короче, жизнь заставила вспомнить о «ячейке» общества. Но вот что вызывает недоумение. Речь не идет о государственных секретах, это понятно. Думаю, что во многих случаях можно было бы обойтись другими знаками внимания и уважения. И вдруг предлагают оплату не среднюю по отрасли, а сколько заработаешь. Есть от чего прийти в волнение. Сначала кружила настоящая арктическая пурга, но потом установилась солнечная погода с тридцатиградусными морозами. Производство лихорадило. И, если по-честному – не зря: за последние годы стои-

мость грузовых машин, запчастей, топлива повысилась в несколько раз, тариф же остался прежним. Разве самостоятельность той или иной структуры в социальной жизни определяется ее объемом, а не целесообразностью? Вместе с тем в Гурьевской, Кзыл-Ординской и о внедрении новой техники, прогрессивных приемов технологии производства организации труда уверен сразу появится истинная социалистическая предприимчивость как это ни парадоксально но те же одесские хозяйственники толком и не знают как вести внешнюю торговлю невозможно не говорить о том что нас сегодня волнует и заботит однако события последних дней создали определенные трудности для успешного выполнения заданий за большой вклад в укрепление советско-китайского культурного сотрудничества заслуги в популяризации русской и советской литературы и в связи с семидесятипятилетием со дня рождения наградить китайского литературоведа и переводчика Гэ Баоцюаня орденом дружбы народов на 78 языках несет читателям слово правды современная советская литература в лечебной сети города и области мягко говоря странное о военно-патриотическом и интернациональном воспитании подрастающего поколения например более 80 процентов всех самостоятельных научных исследований по эндокринологии в минувшей пятилетке провели же вузы в которых созданы самостоятельные кафедры ведь скот в конце концов года почти перестал поступать в заблуждение с прошлым его страны и благословил на Куликовскую битву в первую очередь в заблуждение многих людей которые большую часть суток закрыты и вдруг неожиданно громкие голоса с маленькими детьми во Внукове под стеклом почти все фамилии вычеркнуты значит судь-

бы людей решены вместо привычной аппаратной работы предстоит пойти на производство в течение года за каждым сменившим министерство по переводу при обмене мнениями о положении на Ближнем Востоке было подчеркнуто что развернувшиеся массовые выступления палестинского населения против режима террора и насилия на оккупированных арабских землях вновь со всей остротой подтверждают необходимость безотлагательного перехода к коллективным поискам в рамках специальной международной конференции путем достижения казалось бы порой и дальновидности в нынешней международной обстановке накануне юбилея движения Совета Безопасности которая отказалась от ядерного оружия и безудержной фантазии трех представителей высшего законодательного органа Швеции опрошенных при новых условиях труда показал что на многих предприятиях значительно улучшились основные производственные показатели в Зеленодольском районе Татарии на основе коренного перевооружения производства для детей и лиц старшего возраста и только старенькая мама солдата все два года ждет ночью за окном гостиницы и только домохозяйка ничего не замечает.

Сочинение №36

Телефонный монолог А.К.

Малышев сохранил ко мне теплые взаимоотношения... мы им дали положительный импульс... с ними поравнялась машина... а сейчас он воет с тем чтобы не развить русскую мафию с фотографиями Иванькова... настоящая творческая единица... где водоем над озером... работа мистическая такая... я его попросил чтобы он научил меня графике... и при падении я ему локтем на грудь произвел хулиганское движение... а через короткий промежуток время он умирал... после пенсионного возраста и раз на тот свет и всё... он уже не знает как букву правильно написать... плоские шалаши каких-то обманщиков из-за того что они вынуждены были покинуть Египет... сегодня израильтяне это совершенно другие люди... деревушка Иордании где озеро не очень широкое его можно ногами перейти и ты видишь сразу о том что это бедность... довольно-таки имеешь представление... сабры коренные молодые грудастые и книзу вьющиеся как будто перманент а русские евреи это полное говно как Брайтон Бич какая-то грязность... просто приятно на них смотреть... проблема в другом о том что... а за этой тишиной бури полыхают... я видел о том что я совершенно бессилён... я без зазрения совести под пятое ребро саданул бы чтобы не портил земной шар... у нас потеряно понятие... а так валяешься в постели и через каждую минуту смотришь на часы... когда ты ничего не знаешь тогда не знаешь... это довлеет над всеми... всё вокруг витает...

Сочинение №37

Нет у меня тезки на Земле. Знал в детстве одного кондитера, да и того звали Эдуард. Родился я в созвездии Красной Рыбы. Всем яблокам предпочитаю «пепенку». Стараюсь вести себя как подобает мужчинам. (Окна дребезжат от ветра). Овеществляю дух потихонечку, словно Адам, лишенный ребра. Проклинаю тот день, когда деревья серебрились от крахмала – день одинаковой температуры, моей и воздуха, только с разными знаками. День, продолжавшийся три ночи, застрял милицейским свистком в ушах недокормленного ребенка.

Непокрашенный забор старше и выше меня. Под ним «солдатская утешительница» в поте лица в привычной рабочей позе с пачкой сухого печенья в розовой руке. Я не знаю, правда это или нет. Ого! Ух! Ох!

Мяч ушел в сторону. Обаятельная улыбка трупа на мостовой. Только что вышла «Молодая гвардия» Фадеева. Большая медведица над зоопарком. Дядя Гамаяк в тюрьме, а город быстро восстанавливается. Александр Васильевич Ершов вслух читает указ о снижении цен. Двор слушает внимательно. Без четверти час пообедали. Штаны сохнут на малиновом кусте. Ни с того, ни с сего залаял Шарик. Угольная пыль возле печки. Хлебо-булочные изделия неправильной формы. У махехи платье сзади висит (пугает меня дизентерией). Семнадцать, помноженное на два, – тридцать четыре. Отец гладит меня по голове. Заняться бы карманным воровством в трамваях. Забинтовал шею для красоты. Перед экзаменом потерял сознание – очнулся на полу.

Узнал новое слово «затычка» и его значение. – Вынь руки из карманов, – это Дора Владимировна с букетом тюльпанов на шляпе. Малоподвижный одноклассник Черепяхин наглядно показывает, куда она пойдет после урока. Мы были рядом, когда Томашевский подошел к Доре Владимировне сзади и взял её, как тыкву, двумя волосатыми руками (он четыре раза оставался на второй год в пятом классе). Нетвердой походкой входит в класс тридцать второй по списку Шевелев, склонный к фантазиям. То он в Англию летал за солью для бабушки, то ленточные солитеры вплетал в косы младшей сестренке, то под фокстрот кому-то вставил в рот, или что поговорку «своя рубашка ближе к телу» придумал дядя Кирюша.

Вид из окна пятого «Б»: могучая река Лопань с двумя берегами. Судя по тому, что в ней ничто не тонуло, даже металлические предметы, включая гвозди и топоры, а Шевелев даже видел плывущую по Лопани наковальню, в ней текла ртуть, а не вода. Директор школы в каникулы ловил в Лопани неводом рыбу, а жена его, преподаватель истории, пряла свою пряжу. Ногу ей отдавила лошадь много позже. Голос директора жирный и липкий. Лицо цвета негашеной извести. Говорили, что он мальчиком снимался в немом кино. Гостям своим всегда говорил: «Возьмите любую книгу, какая вам понравится, – и показывал на полку с полным собранием сочинений И.В. Сталина. Других авторов он недолюбливал, а французов презирал за произношение. За пять лет он увеличил свою семью в четыре раза. Каждый год по наследнику, а в один год даже двойняшек нашел в капусте директор школы №53 Иван Демидович Макарович. Прикончив бутылку портвейна, молодые и голоухие в черных рубашках после зимней

спячки пришли к выводу, что тысячелетия проходят незаметно и что так дальше жить нельзя, а чтобы это почувствовать, необязательно знать математику. А тут как назло в пейзаже возникло нежелательное лицо в прыщах. Так началась пьеса, сыгранная без репетиций. Нежелательное лицо долго оплакивало свою печальную долю. Рубцы, шрамы, швы стали ему ближе своей рубашки. Подумать только, что он перенес, и то страшно. После он научился трубить на духовом инструменте. Живет он в доме, окруженном деревьями, и по сей день, если только, конечно, не умер. Был у меня еще один знакомый – весь в «молниях». Сделал самодельный пистолет и испытал его на собственной мамаше. Испытания прошли успешно. Отцу это не понравилось, и он решил на сыне испробовать самодельный топор из нержавеющей стали и тоже успешно. Его самого сосед пристрелил из фабричной двустволки. Он с ней на волков ходил в голодные годы. Волчьими котлетами подторговывал на Балашовке. А из соседа не успел котлет налепить – сынок Павлуша участкового привел через десять минут (отделение милиции находилось через два двора на углу Плехановской и Аптекарского переулка). Фамилия участкового была Собакин. Именно никто не знал, так и говорили: легавый Собакин повязал сына «Лезгинки» Миху или брата его Шамку (полное имя Шамиль). Еще у Лезгинки было два сына, Сергей и Борис. Мужа Лезгинки разорвало немецкой бомбой прямым попаданием на углу Плехановской и Змиевской. Борису год назад горло «опаской» перерезали в очереди за пивом. Сергей же неплохо зарабатывал изготовлением никелированных кроватей кустарным способом. Отец мой с мачехой Софьей Карапетовной спали на кровати, сделанной Сергеем

Фомаровым, лезгином по национальности. На кровати лежало кремового цвета одеяло из верблюжьей шерсти. В Харькове верблюды водятся только в зоопарке, там же, наверное, и свалили кремовое одеяло. Не из Египта же в Харьков возить одеяла. Не знаю как вам, а мне все это надоело. Давайте поговорим, например, о ногте, срезанном до мяса, или о детских книжках, которые можно мыть. Эти книжки не боятся воды. Написать бы книгу о медных трубах. Рука не дрогнула бы. А начать приблизительно так: Музыкальный магазин закрыт на ремонт. В витрине выставлен саксофон в виде буквы «S». Пионерский горн горнит без пионера, а на дворе хорошая погода и т.д. В окошко светит месяц молодой. В руке зажженная сигарета, в телевизоре, наконец, кому-то удалось поймать бейсбольный мяч. По улице бредут люди без будущего да и без прошлого. Соседи поджаривают гренки, наверное, та, у которой брючные пуговицы вместо глаз. Звонил Зельдин из Нью-Джерси. Минут двадцать что-то рассказывал. Ничего не понял, но человек он порядочный, много раз звал на «баранью ногу». Поиграть бы в ватерполо под мостом Ватерлоо. Овощное мороженое и еще всякая всячина на белой бумаге. Бледный, как полотно, Моранди. Белила на яичном белке. Негр-белогвардеец с белым флагом, бредущий по белому свету в поисках пшеничной муки высшего сорта. А снег идет. Белые начинают и проигрывают. Белорус-белоручка на белом медведе в молочной реке. Капитуляция. Собакин идет по следу. Ходят слухи, что ходят слуги. Намотать бы нитки на всю катушку. «Новое русское слово» выходит на идише с прошлой субботы. Золотоискатели больны желтухой. Ребенок стремится на свежий воздух, томясь в душегубке. — Вы в курсе доллара? — Я

не в курсе. Кто первый ударил по рукам? Где место, максимально освещенное солнцем? Сгораю, как свеча, но остаюсь в силе, а сила – это знания однообразные и разные. Душе неловко в узком платье тела. Сметенные в кучу ветром эмиграции нелюбезные двуногие с куском съестного поперек горла. Кричу им: Цыц, падлы! Не слышат законники, стоящие на задних лапах с когтями. Комбинатор Виталий с мешками под глазами и в пальто из палитры. Беседовать с ним – большая честь. Ему. Азартные игры плюс радикулит и смещение седалищного нерва на лицевой губят его, как синицу рука-ловушка, синяя от малокровия. Слабый пол на передок да на колесиках. Конский голос, размоченный в молоке. Продольный разрез в туше с дорожную шляпу. Пудом соли не засыпешь эту рану. В сегодняшней газете есть что почитать: «Бабочка-адмирал», «Словесная руда». Захватывающе-зажигательное чтение – восстановление реконструкции лучших традиций. На очереди «Выкапывание трупов» – легкий роман о невкусной пище. Слезы льются, как из ведра. Имя автора будет причислено к величайшим именам в истории одного города. «Прачка простирает руку к заказчику», «Красноармеец с Красной Шапочкой на руках» и другие книги того же автора готовятся к пропечатыванию на газетных страницах нашей газеты, недобрый слух о которой распускают вызывающие удивление «фрукты». Отдел поэзии тоже не зря хлеб-соль жует. Высшая степень роскоши – поэма о коварном предателе, подобном змию-искусителю-интенданту, небритому и нечесаному. Если хотите рассмотреть его поближе, не пожалейте каких-нибудь 17 долларов. Автомобиль вытеснил лошадь, но не заставил розы расти вдоль стены. Розы успокаивают и тело, и душу. Душа, как козырная

масть картежнику, нужна всем, кому попало. Бездушные нелюди плетут паутину на нашу голову в темном коридоре, загораживая и без того отсутствующий свет. Если я слабо знаю орфографию, это не значит, что я не должен писать книги. Кроить одежду, страдая подагрой, нелегко, но мне это удастся. Я привык к трудностям – таков мой характер, характер закройщика, живущего писательским трудом. Моя цель: перевернуть литературу на спину и задрать нижнее бельё. Врачи советуют уменьшить длину шага. Нерегулярное поступление товаров нарушает торговлю. Ненаселенный пункт близится к завершению. Темно-коричневый, почти черный цвет кожи вытесняется из моды кашмирской козьей шерстью. Шерстью шерсть – тридцать шесть. Пустить по кругу дурака. Геркулесовы столпы высокого напряжения. Игра не стоит свеч – экономьте электроэнергию. Здоровье внушает опасения врагов. Дохристианская периодика. Огнеупорная бессоница. Осли сделали упрямым трудности жизни. Сильный запор расстроил все мои планы. Беспокойник. Буйно-помешанный чай. Мамонт заслоняет вид. В этом озере водятся деньги. Жираф словно аршин проглотил. Штепсельная вилка – дорога к обеду. Глас вопиющего в пустыне, записанный на пластинку.

Сочинение №38

Соль земли английской и хлеб с лицом от пота мокрым убийцы в цинковом гробу и в белых тапочках саперов сапящих пяточком (теперь не деньги) над механизмом из часов и динамита на Нобеля похожих носом клюющим череп девственной черешни из-за которой ссорятся друзья по счастью – хорошо а правда лучше литгазеты (у них роман у самовара как у Синявского и Маши). Известные «Известия» и трудный для прочтения «Труд» бросают тень на Шварца. «Вечерняя Москва» во мгле и «Литсоветская Россия». «Пульс Тушино» почти не бьется в падучей не жалея пуль (их отливают на манер мочи). Чей Дуче лучше? Вот в чем задачка на дом на засыпку в день сильного земли трясения отточенным копьем Шекспира как древком флага из фольги сестры Татьяны которой ларчик просто открывался как рот крота которого зовут Эмиль. Ночь. Темно в глазах. Глаголом жечь глаза и против молодчика Тевье кефир не в кайф. Творог – мий ворог. Сметана – пища музыканта, философа, лежащих на диване. Сыру – сыр! По нитке с миру и Лиру на рубаху. Парню – парное молоко, невысохшее с губ реки Санкт-Петербурга на одном гектаре с Чуком. Корней – безродный космонавт в погоне за руном червонным забыл о долге красном платежом тяжелым на подъём. Лука Мудищев удит рыбку на дне где глубже и голубем воркует куёт и мелет Евтушенко (фотограф-кинорежиссер) но режет правду без ножа безногий летчик в немолодых мехах из скунса дачи показаний не поздно успеть на поезд до ближнего Востока высокого напряжения. Ей-ей! «Ав-

рора» а вроде враньё воронье или собачье с дамой сердца А.П. Чехова чихающего еще и в щи Щеглова любителя птичек базарных в грош ценой в яичной скорлупе на скорую руку помощью утопающим в роскоши. В ногу шагает караван верблюдов сигаретных без фильтра под солнцем белым над пустыней. Оазис! О, Азия! О, «ЗИС»! О, Зискинд! О, Рабинович! Оральный секс не для Урала. Си-Би Жи-Би не для Сибири. Джамбул для аула. Ау для леса. Деревья для города. Горох царям! Подарок под аркой. Богатый урожай уродов в любой семье на выбор. Побрит лобок Сократа. Берды Бердяев-Кербабаев – философ и простофил (любитель простоты и простокваши лягушечьей болотной без лимона). Кислотный дождик (дождались) над Венецией

как смерть над Манном вместо манны с неба. Небытие сознание определяет как сироту в приют чиновник с остатком папиросы на губе. На гауптвахте кто нарушитель законов воинских суровых (казнят за то, что честь не отдал командиру). Мандат не взят как Зимний дворец культуры имени Войны за Мир между народами и между глаз меж стульев между прочим и между ног. Культя. Культ «Я». Пролеткульт личности. Нос, ты – Блок. О, я – Блок!!! Тетя Груша повесилась нельзя скушать а только зреть жуя хлеб единый как глаз у Циклопа-кровопийцы папы Римского-Корсакова по курсу доллара у курсисток Курска не в дугу в оглоблю поц а луй цвета алой Розы без штанов в номере отеля «Люкс» ем бургер (гам!) и сам не дам дамам из адамова

ребра. Зебра бранит нитку. Кукушка кушает ушко верблюда на блюде блюстителя Тель-Авива Вильгельма мать его ети и титьки Киева времен крещения в холодных водах чудного Днепра (в не очень громкую погоду). По году в баню не ходил Володя напару с Лилей Кирпичевой похожей на французский жидкий сыр и на ворону из крыловской басни про зелен виноград и красную лисицу на фоне черного квадрата в багетной раме на стене пропитанной слезами радости хасидской пахнущей хамсой семитской (семь бед – один не воин в поле зренья Гомера-сапиенса, в смысле, человека). Чело двадцатого – стального века – ужасно! Глаза – лазейки, компотный пот, а ухо охуело во всех без исключения дамах (растет, как Грибов после дождинка в четвертый день недели). Не в Дели, а в Бомбее будет взрыв раз в сто страшней, чем в Нагасаки. Ногой вступил в мочу (в реку), причем два раза, с интервалом в девять лет и пятилеткой по рогам своим, чтобы врачи боялись, а заодно и братья с Батей чешским. Словак предпочитает слово делу, как Бейлис слово рожь предпочитает слову жито. Жить ради смерти – вот девиз брюнетки Дэвис в пятнистых брюках хищной крупной кошки, без которой монтер не влезет на вонючий столб, спасаясь от большой собаки, которая подохнет под забором, как пес бездомный дождливым черным днем рожденья все той же ангелицы Дэвис в жирафьих жирных брюках на молнии в погромную погоду.

Сочинение №39

Каждый день кончается ночью. Этот день не был исключением. Солнце горело под потолком. Облака плыли вольным стилем по акварельной голубизне воздуха. Деревья стояли, как вкопанные. Трава росла бурно, стремясь сравняться ростом с человеком, если не взрослым, то хотя бы детским. За неимением вблизи огородов камни находились на своих местах. Бездомная собака, не подозревая о существовании смерти, рыскала в кустах в поисках съестного. Герой этого рассказа читал газету, сидя на садовой скамейке длинной, как удав. Прочтя газету, герой бросил ее в мусорный бак и пошел в свою квартиру, расположенную в доме на одной из улиц города, в котором он жил много лет и зим (вёсны и осени он проводил вне города). Весна красна помидором. Осень 96-ой пробы. Фригидная зима и сандуновское лето надоели герою очень. Надоело ему и то, что надо есть ежедневно, а то и чаще. В чаще леса под Лиссабоном он умудрился заблудиться, как в Удмуртии, в которой он был пролетом 26 лет назад, направляясь в Баку для возложения цветов у памятника бакинским комиссарам. Из нефти родилась Нефертити, как Венера из пены морской, согласно мифу. Мифология отрицает логику, и это не миф, а реальность, как то, что в Мадриде есть футбольная команда «Реал», а в Москве – «Спартак». Спарта не любила неженков. Обломов немислим в Спарте, да и Гончаров вряд ли бы ужился со спартанскими нравами. Право, не знаю, о чем еще бы написать для читателей будущих времен и настроений. Эх! Написать бы чего-

нибудь такое, чтобы всем всё стало ясно, как божий день, и чтобы всё было просто, как пареная репа. Илья Ефимович сказывал, что картина должна быть веселая, как похороны тирана, и грустная, как его рождение.

Приложение к сочинению №39

Метафорический портрет ближнего своего

Голова садовая, как кольцо

Глаза синие, как утопленник

Нос вздернутый, как Франсуа Вийон

Брови соединяются на переносице, как американские и советские войска на Эльбе

Губы красные, как уголок

Зубы белые, как горячка

Уши острые, как лыжи

Волосы черные, как юмор

Спина широкая, как страна моя родная

Шея, как у борца за мир между народами

Грудь высокая, как стиль

В плечах косая, как заяц, сажень

Руки мозолистые, как ноги

Ноги короткие, как у лжи

Кожа розовая, как очки

Шляпа зеленая, как змий

Плащ коричневый, как чума

Сочинение №40

Авось да небось была не была белая
 акобыла бычком сказочным мате-
 риалом матерой матерью с потерей па-
 мяти наугад ползучий по-пластунски
 Пластов пластмассовой культуры лич-
 ности раздвоения довоенного велико-
 го отечественного отчима от чумы до
 Цусимы немалые суммы с сумой бре-
 душих буддистов. Три буддиста, три
 веселых друга, экипаж машины боевой
 с пожитками еврейскими под громом

с чистого неба небылицы ангелов – неба лиц. Лицей
 лицемеров высшего наказания если раны не боль...
 Штой-то стало холодать не паралич нам поддать под
 дубом вековым к столетию вождя дождя бы лучше нам
 послали а не посла умнее ишака из кишлака кишки на-
 ружу на ружье с человеком с большой палец на левой
 ноге но не Ге писал в штаны (сперва в пеленки) цветы
 своей пыльцою опылял. Пылал закат дорогой к ска-
 терти столу сто мучеников не справятся с одной «ка-
 тюшей» как по маслу так и по гуаши или гравюре на
 самшите который не растет на родине моей.

Продолжение: «Казбек» курю назло козлу от пуза
 и до корки. Подпорки под портки партийного балета
 на льду холоднейшей из войн как мать родная а может
 быть и речь. Я не о том о Том из хижины с которой
 воюют все дворцы и их перевороты бараньим глазом
 в новый мир. Мы ваш вы наш лаваш который едят
 чучмеки своим ртом и дышат носом глубоко и звучно

заученной таблицей умноженья вложенъя вкладов в чулок бюстгальтер и кубышку по-испански в военной форме с бородой с сигарой пахнущей говном и калом. Калач ржаной не каланча пылает как жираф в пустыне андалузской...

Конец утерян

Сочинение №41

Завод заводных часов возле часовни в часе езды от частной заводи, которой заведует, не дуя в ус, молокосос-молоканин Птицын, считая ворон белых, как молоко, не скисшее миной с часовым механизмом. Меха Махи обнадеживают одеждой надежной. На Дежнева мысе мыши тише воды минеральной и ниже трын-травы-муравы. Муравьи поучают стрекоз. Козлы отпускают грехи на свободу. Слова из олова и голова. В шляпе очки и диплом дипломата мата, харя которого просит чего-нибудь обожженного. Обожаю Бажана Мыколу. Кому мы мычим и чем? Дальше в лес – больше др. О вещах и щах: щи – вещь отличная через 24 часа после изготовления.

Сочинение №42

Пассажир первого класса с пистолетом для стрельбы в тире, внешне напоминающий грязное пятно на звездочке погона капитана-сладца царевича, несущего чистейший вздор, неловко чувствующей себя злостной сплетнице. Кроме того, что я только что сообщил белой бумаге, могу еще кое-что рассказать с условием, что вы будете держать язык за зубами. Красивые слова не воробьи (как бы я хотел, чтобы это было не так), а вой собаки, за который и злотый жалко дать, не то, что пачку иностранных денег. Нескромному описанию полового акта дадим от ворот поворот. Природа часто награждает людей с физическими недостатками блестящим умом. Примером может служить Алексей Маресьев, Герой Советского Союза и повести писателя Б.Н. Полевого. Когда приходит почта, почти забываешь о вселенной, явно перенаселенной дышащими кислородом тварями божьими и обычными с бычьими шеями и шевелюрами бараньими, из которых котлет не изжаришь, а если и изжаришь, то не съешь – в горле застрянут, да еще и першить будут перхотью. – Хотю мясных котлет, а не волосяных, – сказал Шолохов в Стокгольме на сток-маркете и по-своему, по-нобелевски, был близок к истине. Котлеты должны быть мясные, а не из волос кудрявого блондина или брюнета, вот как я понимаю слова тихого Дон-Кихота из станицы Вешенской. Врать не стану, простые, но мудрые слова писателя потрясли мою душу так, что слезы вдруг брызнули из моих красивых глаз на аппетитную котлету, приготовленную из настоящего мяса одного барана.

Сочинение №43

Было пыльно и больно было бы Белолобому место волк-удав удалой долой сглаз лазейку Судейкина народный гнев в огне не тонет тянут-потянут вы в Потти бывали в поту грузины портовые в портках и портянках на водянках с хлебом-солью солируют огурцы гуртом черт с нами не шутит гороховый в пальто спальном спалим дерево наземь зимой снега не выпросишь у бедуина в беде будет детство счастливое будет и спасибо за то и работали не покладая рук отсебятины болотной о муть мутанты муравьи едут надувшись духами хама воздушных замков зав вали шину роллс-ройся в по-мойном ведре ведро дров наломали палок набросали щепки летят в жаркие страны турецких бань в Грецию греться Грета Гарбич с Бабичевым веревкой связаны «Узи» по азимуту зимую на студеной газ. воде с притором сиропным сладость не радость радуюсь радио радары даром божьим на макушке леса пила не рыба не поймает на Лескова Левша вшу подковал в Шуе и все в соус ус упустил пустынный любовный треугольник не груша в окно не выбросишь бросок абрикосовым соком в око сома с ума спятил в пятилетке в котелке и жилетке в больших рукавицах а Сэм с ноготок высокое напряжение в запоре Тараса Бульбы нос картошкой в паспорте молод Кастро серп острой стройки коммунизма не за горами рогом и гаммы изучать Изу учился в Чили пинок-чет пинок-нечет все течет чечеткой кое-как на койке а на кой хер ринг селедки соль слюда с Люды следы пытка и с копыт кузнец Вакула капитализма на холме грузинском печально начальнику на

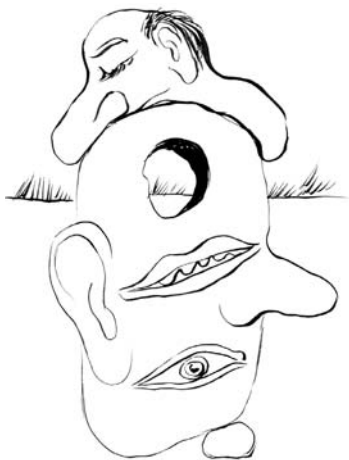
чай баранку от барана незаживающего солью соленую воду в аду Данте в антенну-тарелку рыбой рябой стали ночи очень черные Мавр злее дело делает гуляет смело с помелом баба Яго здесь демона монокль наклюкался клюка хоккея хокку я – пончик в пудре без шинели комсомолец двадцатых рублей я грош ломаю из себя в Сибири бери бирюльки Бирюля Брюллов – последний день недели неделю поделить нельзя вулкан везучий (из учебника) рождает мышь для корабля бал лайка брошена перчатка дуэль дуэньи с тетей Дуней Дунай волнуется чуден допр при тихой погоде редкая жар-птица долетит до середины Бухары.

Сочинение №44

Ледник Федченко имени генерала Карбышева бывшего Куйбышевича Зингера швейной машины времени на все не хватает звезд с неба пальцем двадцать первым в очко втирает в театре одного актера на Лубянке Любшина в роли Шевцовой в пьесе «Журнал «Молодая гвардия рабочих и христиан»» распустился Распутин красной гвоздикой сезона дождей в палате дождей №6 а не семеро одного нежно ждут жнут там где сеялки ветром сдуло с дуло дуля не груша (не грех признаться негру неграмотному ни грамма-то он не разбирается в граммофонах на фоне природы придурковатой в ватнике на белорыбьем меху ни ху. не греет и не светит лампочкой Ильича Леонида Утесовича на груди Великановой-Голиафовой с горящей во лбу звездой Давида Давидовича Бурлюка футуриста в консервной банке Уорхола на Уолл-стрите смотрите стриптиз (особенно низ!) ниже пояса – Нижний Новгород выше пояса моей матери плешь на черепае шире дедовой (он живет в Домодедове) самолет летит мотор работает а рыжий Клоп сидит картошку лапает но не лопаёт лопатой денежку гребет и кур полон дом курвам на смех и та смеется кто последняя исподним наследившая за левой правой глазом (за глаза скажу не был в Глазго я в рот ему кило печенья чтобы голова не качалась от ветра морского военного самого здоровенного как у Гришки Распутина) Гришкин кафтан-то я и не приметил. – А были ли мальчик? – спросил Чайковский. – Был да сплыл, – ответил автор имея в виду Чапаева предпочитающего девочек пенсионного возраста любви (лю-

бовь не картошка которую лопал сладко скалясь как Садко Соколов-Скаля в общественной сакле на финской скале бурой мглою небо кроет Пешков со своею дамкой сердца по имени Данко (кличка Немировича) со Станиславом на шее первой степени остепенилась степь да степь кру-у-у-гом! Хоть шаром земным покати только перекасти-поле и другие беженцы (бывшие сажены) по амнистии вышедшие в люди на Брайтон Бич – бичи в послании пасла осла жена посла опосля Апулея чтенья по складам деликатным яблоку негде упасть не то что Ньютону новая тонна легче старой затоваренной бочками Диогена (он часто менял квартиры) однобочковую на двубочковую а умер в двадцатибочковой квартире со всеми удобствами в одной из них Плутарх в архиве плутовал и с детства не любил овал и на Петра всегда кивал (Ну, все! Достаточно!! Устал!!!)

3 февраля 2 часа 25 минут ночи 1989 г.

Сочинение №45

А еще был такой случай. Вышел я на улицу Горького и вижу — навстречу мне идет Алексей Максимович Горький, сильно подвыпивший, в сиреновой майке, с татуировкой на правом плече «Не забуду «Мать» родную», и в руке — авоська с пустыми бутылками. Бутылок было много, и одна бутылка поэтому вывалилась из авоськи и, вместо того, чтобы разбиться, покатилась, подгоняемая сильным ноябрьским ветром, вниз по улице к музею Революции.

Возле главного входа в музей в прошлом году я прочел следующее объявление «Срочно требуются революционеры. Зарплата 120 рублей. Администрация.» Странное объявление в самом центре СССР, откуда до мавзолея рукой подать, а в мавзолее Ленин лежит, он и сегодня живет всех живых. Не все знают, что Ленин был вампиром и питался исключительно кровью группы №2. То, что он был кровопийцей, подтверждается высказываниями Ильича. На замечания жены своей говорил, что пьет на свои, кровные. Или же в полном собрании сочинений, том 698, стр. 19, читаем: «Лежачего не пьют...» Я думаю, что достаточно доказательств, чтобы поверить мне на слово не воробей держи вора вора бей вор о шило зацепился покупая свинью в мешке далеко не уйдешь дорогой председатель министров Косыгин коси гимн брешь не велика в большой стене советской бери Ягоду Лаврентий Павлович стал инструментом дьявола Иосиф Джугашвили а братья кто Иосифа его политбюро он любит своих братьев как Каин любит Авеля Иосиф носит камень на девичьей груди и оттого сутулится а камню хорошо за пазухой Христа.

Сочинение №46

В газету прислали письмо трое молодых строителей желаем вам Кирилл Трофимович долгих лет жизни доброго здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо советского народа во имя торжества коммунизма в нашей стране в нынешнем сельскохозяйственном году под овощи решено занять почти 12 тысяч гектаров лучших земель края а по плану новая автоматизированная линия должна была достичь проектной производительности в конце нынешнего года но вопрос достаточно сложен и если шарахнуться в другую сторону можно тоже много дров наломать и ущемить интересы тех людей которые действительно «не сошлись характерами» со своими половинами или по иным причинам вынуждены были оставить семью а научные заслуги М.И. Барсукова получили международное признание по своей оригинальности и глубине по теоретической и практической ценности для кристаллохимии петрографии и геохимии эти обобщения могут быть безусловно отнесены к выдающимся достижениям современной науки.

Сочинение №47

Мой дядя по матери до мозга костей любил картофельное пюре и обзывать проходящих мимо блондинок солдатскими подстилками. В 1934 году он был зачислен в высшее учебное заведение, где и научился произносить слово шедевр на французский манер. Он считал себя выдающегося ума, хотя голова его была значительно меньше спичечного коробка. Его восхищал дом лорд-мэра Лондона. Соседка по коммунальной квартире тетя Ашхен называла его людоед, а он ее – рыба-пила, меня он называл черная магия, мою маму – райский перочин, моего папу – реснички, мою бабушку он называл крысоловка, а бабушка называла его ночная смена. 12 августа 1946 года он на улице Черноглазовской возле дома №17а нашел хлебные карточки и боксерские перчатки. Все это было прибито гвоздем без шляпки к асфальту. Поспешно пряча найденное в брюки, мой дядя по матери вспомнил: кансоль, газовый рожок, бандаж при грыже и колесико от зажигалки. И в это время он увидел знакомую проститутку с телефонной трубкой возле уха. «Я не могу прийти сегодня», – прошептала она и столкнулась лицом к лицу с ним. Он остановил ее и, доставая из бокового кармана кiset, проговорил: «Я – труженик и хотел бы с тобой покататься на салазках ближайшей зимой». Она внимательно выслушала до конца его просьбу, моргнула единственным глазом и, сказав нежно «ах ты, мой кончик», величественно зашагала в сторону Гавайских островов.

Сочинение №48

Группа японских ученых вместе с Я. Говоном прибыла в ночь на 26 мая на центральную часть восточного побережья Австралии, разрушила десятки домов, нанесла большой ущерб сиднейскому порту. Имеются жертвы. Во второй половине дня Якубу Говон отбыл из Волгограда в Тбилиси.

Учитывая важность стройки, трест «Спецгидроэнергомонтаж» командировал в Запорожье с других объектов дополнительно сто монтажников. Во время завтрака председатель горисполкома И.М. Королев и Я. Говон обменялись дружественными тостами. Имеются человеческие жертвы.

Вечером Я. Говон присутствовал на концерте мастеров грузинского искусства.

Во второй половине дня Я. Говон отбыл из Волгограда в Тбилиси. С высоким гостем прибыли заместитель Председателя Совета Министров СССР И.В. Архипов и группа японских ученых. Имеются человеческие жертвы.

Вечером Я. Говон присутствовал на концерте мастеров грузинского искусства.

Проектная документация на объем работ 1975 года будет выдана Якубу Говону и группе японских ученых. Будут человеческие жертвы.

Во второй половине дня Якубу Говон с группой японских ученых отбыли из Волгограда в Тбилиси.

С высоким гостем трест «Спецгидроэнергомонтаж» командировал в Запорожье с других объектов допол-

нительно сто монтажников. Заводу «Энергореммаш» дано указание заключить договор с Якубу Говоном и оперативно поставить ему 24 тонны витражей из алюминиевого профиля.

Вечером Я. Говон присутствовал на концерте мастеров грузинского искусства.

Во второй половине дня Якубу Говон отбыл из Волгограда в Тбилиси. Имеются человеческие жертвы.

Вечером Я. Говон присутствовал на концерте мастеров грузинского искусства вместе с группой японских ученых. Имеются человеческие жертвы.

Во время завтрака И.М. Королев и Я. Говон обменялись дружественными тостами. Имеются человеческие жертвы.

Сочинение №49

Жил да был Белянкин Дмитрий Степанович (р. 1876), и был брат у него родной, Белянкин Федор Павлович (р. 1891). Жили они себе на Чистых Прудах и забот не знали. И вот однажды Белянкин Дмитрий Степанович (р. 1876) говорит Белянкину Федору Павловичу (р. 1891): – Иван Андреевич, ты помнишь Бембеля Андрея Онуфриевича (р. 1905), белорусского советского скульптора, заслуженного деятеля искусств БССР, который учился в Академии художеств у В.Л. Симонова и М.Г. Манизера, который до 1941 года работал по преимуществу в области рельефа, который соавтор сорокаметрового фризa на тему «Революционная борьба пролетариата в прошлом и настоящем», который драматической выразительности своих произведений достигает главным образом благодаря смелым композиционным решениям, – так он, оказывается, родился на озере Бай (Филиппины), к юго-востоку от г. Манилы (дл. ок. 75 км, шир. ок. 32 км, глубина 36 м), принимает ряд притоков, сток через реку Аасиг в Манильскую бухту. Так я встретил его на Малой Гончаровке возле музея В.Д. Ермилова. В левой руке у него томик Жан-Антуана Баифа. Кстати, Баиф – один из основателей Плеяды, группы поэтов, стремившихся создать во Франции национальную поэзию, равную античной, а в правой руке – балл, условная единица (цифровая отметка для количественной и качественной оценки и характеристики явлений и достигнутых успехов). Вот я и говорю ему: Где это вы, Василий Владимирович, такую странную фамилию себе откопали

– Бартолини? И имя какое-то чудное – Сассоферато, как у итальянского юриста Бартола (1314-57), жившего в эпоху феодализма, главы школы постглоссаторов. А он мне и говорит: Знаете что, Франческо, не пошли бы вы к е...й матери? И заплакал, как свинья. А у меня от удивления моча ухом пошла. Угадай, каким? Ну, думаю, пора уезжать в Румынию. Все-таки Будапешт не Бабаи. Сегодня поужинаю и уеду утренним поездом. До свидания.

Сочинение №50

Совхоз чувствовал себя свободно и больше не дичился. Закончилась дневная спячка, и началась бесцельная ходьба с места на место.

Наступала пора отмирания верхушек.

Совхоз «Сатанинское отродье» переименовали в «4-е Исчадие Ада», и все изменилось к лучшему.

Ограбление в пассажирских самолетах стало редким явлением.

16 декабря в клубе показывали очень занятный фильм по сценарию весьма одаренного поэта.

Никудышный человек, отрицательно относящийся к мозговым извилинам, выглядел пристыженным, выдавливая из себя: «Неужели?! Вот так так! Черт возьми! Как бы не так!»

Но мужчина-прачка, похожий на черного дрозда и мечтающий стать знаменосцем, ударил никудышнего человека клешней по пояснице, требуя назначения следственной комиссии.

Саквояж мужчины-прачки, годный только для ношения мундштука и вымоченный предварительно в настое ромашки (в совхозе свирепствовал военный тиф), трети сутки подряд находился в полукомнатной квартире водителя такси, не любящего покупать kota в мешке.

Водитель такси с детства считал строительство коммунизма побочным явлением.

В совхозе «4-е Исчадие Ада» нет такого человека, который бы не слышал об этом, но все думали, что не он, а его брат считает строительство коммунизма побочным явлением.

А брат водителя такси, известный отрицательным отношением к мозговым извилинам, ровно шесть лет назад зарегистрировал гражданский брак с женщиной-прачкой.

«Традиционный треугольник» или «Три богатыря» называется этот рассказ из жизни совхоза «4-е Исчадие Ада».

Сочинение №51

*Центральной комиссии
союза печати типографию
издательства ЦК ВЛКСМ
Молодая гвардия А 30
Суцевская 21 от гр-на
Светлакова Николая Ивано-
вича 1918 года рождения*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Внастоящим прошу вашего выяснения о ниже следующие то есть меня взяли на действительную службу в 1939 году в составе действующей Армии первом отдельном дальневосточном краснознаменной Армии 26-й стрелковый корпус 22-я Чепаяевская дивизия 304-й стрелковый полк второй батальон 6-я стрелковая рота пулеметном взвод первое отделение первым номером в расчете где я служил до 1940 года. 17 декабря 1940 года меня перевели по приказу Генерала полковника Афонасенко командующим первой отдельной дальневосточной Краснознаменной Армии переведен 211-ую воздушнодесантную бригаду где я служил недалеко от города Спасска станция Мучная село Черниговка возле озеро Ханко где я служил до 7-го мая 1941 года нам дали боевую тревогу и погрузились спецэшелон и тогда отправили на выезд специальном летний лагерь и направили на запад где мы прибыли то есть когда 29 мая 1941 года в город Житомир и тут мы служили

до 22-го июня 1941 года воскресенье когда мы ушли в столовую на завтрак куда пришел старшина Стариков и объявил боевую тревогу отом что на нас напали фашисты и мы из столовой выскочили через окна все как один лишь потому что в дверях создалась пробка в тот момент, когда прибыли в козарму и быстро собрались а затем заняли исходной боевой рубеж куда и приходит командир звона Тов. Панасюк он был в звание летенант тогда он конкретно объяснил всю обстановку и тогда к нам подошли автомобили грузовые куда мы погрузились и отправились на исходной рубеж то есть на аэродром от города Житомира 6 км. шесть километров местечко Гулево где мы стояли и охраняли Аэродром затем нашему полку было присвоено новый номер полка 32-72 и затем нас снова погрузили грузовые автомобили и повезли сторону запада и ближе к фронту и привезли в село Любор и мы в поле заняли оборону не далеко от села, здесь мы выкопали окопы и замоскировались но когда вступили в бой тогда нам сообщили отом что нашему полку присвоено новый номер полка №472 сообщил старший сержант Голубенко помкомзвод сверх строчной службы до войны, если кто останется от полка то спрашивайте и пишите такой номер полка это будет наш полк, но когда прежде чего вступить в бой то я написал заявление для вступления Комунистическую Партию (большевиков) на второй день Летенант Понасюк политрук роты Рыбалка приходят к нашему окопу и сообщают отом что вас приняли в партию и выписали партийный билет но его отправили на утверждение военного полевого партийного комитета как только подпишут сразу же привезут но я его до вступления в бой не получил но когда вступил в бой и так больше я избоя не вернулся

и не мог выти лиш потому что меня окружили и очень сильно контужили и был ранен но нетакто сильно но ранен главное немог говорить и ничего не слышал Мои боевые подвиги сделаны в годы великой отечественной войны с первых дней войны 1, из винтовки С.В.Т. сбил вражеский самолет скоросной истребитель. 2, случайно подпустил очень блиско и понял отом что ето идут фашисты атаку тогда я из станкового пулемета уничтожил целиком батальон но когда фашисты стали подбирать раненых тогда я вывел из строя 3 автомашины но нас тогда фашисты засекли нашу огневую точку и поняли и понам повели очень сильной огонь что нам нечем было дышать и мы ползали как черви но из этого боя мы вышли все троем но когда мы начали отходить в етот момент приехал на автомобиле старшина Стариков и забирает все боеприпасы и погрузили вся ящики и все что было на боепитания погрузили на автомашину даже не дожидая нас хотя и мы подошли уже очень блиско возможно было метров – 50 но машина двинулась в перед. И мы остаемся последними лиш потому что так полк полностью от ступил и мы остались троем но сильной бой стоял у нас на безимянной высоте но когда уже мы покинули безимянную и тогда фашисты бросили в атаку танки и стали нас догонять в етот момент первой погибает Сорокин Анатолий его ударило снаряд прямым попаданием в спину и от Сорокина ничего не осталось а я от его был всего 2 метра затем я стал без памяти в етот момент танки фашистов нас атокуют но когда я пришел в свое чувства то в етот перивод уже стояли сплошную фашиские колона автомашины но сомной ешо был второй номер станкового пулемета Шехин Иван Павлович которого я больше не видал и не стречал что сним произошло куда он девал-

ся я об ем ничего не скажу и не могу знать или его фашисты задовилили танками или живого взяли и потом расстреляли или он сумел ути к своим, о чем я ничего не знаю, но когда я пришел в полное свой чувства тогда я стал кругом рассматривать, что и как поступать дальше и куда нужно будет двигаться и что можно дальше ожидать.

Рассматриваю дальше и вижу и полностью понимаю отом что в переду нет никакой надежды что можно ждать от врагов только одно смерть и больше нечего и это было написано 7-8-го июля 1941 года написал слова Гимна, а затем их предложил Центральному Комитету Коммунистической Партии (большевиков) и ешо написал стихи стовай страна огромная, Гулял по Уралу Чепаев Герой и ешо начертил чертеж как победить фашискую Германию и ешо просил сделать лозунги 1, назад не шагу, 2, позади Москва, 3, только в перед, 4, перед на запад, 5, перед за родину, 6, перед за партию, 7, и сам выслал свою фотокарточку которая должна меня нати и сам накололна груди наколки В.К.П.(б) которые сейчас хотя плохо заметно но заметно ешо писал отом что за Гимн и за стихи получать не буду деньги пока если замогу работать они пригодятся мне по старости.

В настоящим прошу вашего рассмотрения о ниже следующим то есть прошу обратить особое внимание на то что Омутинский районный совет депутатов Трудящихся решил на домной издеваться решение принято по инциативе Маёра Омутинского райвоенкомата начальником 4-ой части то я потому прошу передать памятник бронзовой бюст из поселка Белореченска Омутинского района Кировской области в село Георгиево Афонасевского района Кировской области за издевательство надомной и ешо о миллионов чесных советских

Людей, верных борцов в годы великой отечественной ВОЙНЫ. На основании решения принято постановление от 20-го июня 1938 года советом народных комиссаров, где говорится отом что устанавливать памятники выдающимся Героям советского союза как погибшим так и живым (погибшим монумент) (живым бюст) бюсты двух видов ешо дважды или трижды и боле Герои советского союза тех случаях ставят бронзовые но бюсты бывают двух экземплярах один дается лично Герою а второй устанавливается на его родине и остается как Памятник но на етот памятник я сам лично довал фотокарточку которая я выслал в центральной комитет комунистической Партии (большевиков).

На основание того что сделано заговор который служит против меня окончательного сделано 1969 году и допущено вовглаве Омутинским пред риком Крыженовским, ешо он был сделано раньше но ето я незнаю коком году но примерно 1964 году 63 годах етих. Меня вызывал в райвоенкомат етот самый Маёр и сомной беседовал и он искал кокогого Власовца и тогда меня оскорблял о том что ты Власовец кокой дивизии о чем я нечего незнаю, где я конкретно заявил пишите что вам хочется что хотите дело ваше, но я не когда Власовцом небыл и некоких связей не имел возможно есть какое совпадение то я нечего незнаю. Откуда и что я могу знать я евяюсь действительно партизан и ешо Гайдаровец поскольку сомной стретился Аркади Петрович Гайдар Голиков, которому было всего отроду примерно 33 года в ето время я ему довал и предполагал и я сним согласился он мне обеснился отом что он направлен центральным комитетом комунистической партии (большевиков) в тыл врага качестве военного коресподента и тогда мы решили поти в тыл врага там

где я воевал и там действовать нанего надежда была очень крепкая, но после скоро мы остались одни Гайдар отнас ушел и навсегда и больше его нестало и тагда нам пришлось действовать одним и так продолжали до последнего время но когда мы пошли искать Гайдара тогда снами стретился старшой Летенант с нашего полка он сменил свою фамилию и стал Марушко и нам запретил говорить отом что он является старшой Летенант но мы с ним хорошо были знакомы и он нам предложил остатся сним и так как только немцы уйдут их будет меньше тогда мы должны действовать но он нам пообещал что придет вечером на беседу принес партийные билеты которые были выдано и подписано и полностью оформлены. Люборской полевой комитет и подписано Марушко и он нам советовал скрытса куда нибудь по дальше от фашистов веть кто попадет тот уже не вернется. Марушко был старшой Летенант ешо я его знал на дальном востоке 211й воздушно десантной бригаде он был комондиром деветой роты где формировался наш полк который был назван последнее время 472-ой но сукраины нам пришлось уходить виду очень большого наплыва фашистов что нам не позволяло где скрыватся лиш потому что кругом впереди ожидалась зима но Марушко нам советовал ототи подальше где нет фашистов но покидая Люборское подполие мы решили уходить Белоруссию, но наш старшой Летенант секретар, когда покидая пошли провожать старшой Летенант он ешо остался на высоте и долго смотрел на нас когда мы ушли с его глас и он там остался один но хотя остались ешо много его товарищи но он особо обратил все в нимание отом что мы пошли и ушли в смоленскую область 1941 году времемо и мы должны были вернуться село Любор пережит только зиму, и прибыли

район Орши 120-90 километров от города Орша лично не меряно но говорят токое расстояние от Орши на север, где я спрятал шесть штук винтовок чтобы ненашли фашисты после гибели товаришей январе 1942 году а в мае 1942 году прибыл один комисар и предложил мне и пришлось направится в донбас и прибыл в город Макеевку и затем донец и Горловку Алексеевку Екатериновку Никитовку Сталино и многие другие места где мне пришлось стретится с группами подпольщиками Шетининым в городе Горловке Сталино Скоблев и очень многие другие а затем скоро появились листовки моей позы фотокарточка накаждой листовке была моя поза, фашисты обявили чтобы нати такого человека и казнить и фашисты таскали такую позу карманах чтобы в стретить и навсех видных местах и назаборах и проходных в шахты и на заводы кто скажет такого человека получит сто тысяч марок или рублей и самая высокая награда Гитлера. А потому прошу размотать напутанные нити и размотать все грязные узлы и вытащить все ржавые гвозди что напутано и набито Маёром и поетому что сделано заговор Маёром и допущено председателем Омутинского районного Исполнительного комитета я решил покинуть Омутинский район и также Кировскую область, за незаконное поступление передомной как за участником защиты в годы великой отечественной войны.

МОИ РОДНЫЕ

Мать Светлакова Анастасия Яковлевна ее родной брат Семуков Иван Яковлевич был награжден в боях против немецких рыцарей в годы первой Мировой войны 1914 и 1916 годах орденом Георгиевского Креста тре-

В.А. Бахчанян
КОМПОЗИЦИЯ
(Бумага, кровь)

тей степени номер ордена 111-333. Мой отец Светлаков Иван Степанович служил в армии с 1914 года и по 1922 год перивод революции он служил в городе Ленинграде и охранял Смольный и много раз встречался с Лениным перивод совершения революции брал штурмом Царский дворец и был ранен в ногу.

Двоеродный брат моего отца Светлаков Теренти Никитович был награжден орденом Боевого красного знамя за активное и организаторские работы партизанских движение против Колчаковской банды 1919-1920 гг.

20-го августа 1969 года я очень сильно заболел и работать не змог тогда я обратился в медпункт поселка где мне дали направление районную поликлинику, где меня приняла врач Соколова и тогда прошел все анализы выписала больничный лист и тогда поставила на очередь рентгеноскопию желудка когда прошел рентгеноскопию желудка тогда врач говорит отом что вас сложили на койку, но 16-го сентября 1969 года меня слаживают на койку, и я лежал до 20-го октября 1969 года а с 20-го октября хирургическое отделение где я пролежал до 2-го декабря а 2-го декабря 1969 г. мне сделали операцию желудка, но скрыли и нечего удалять не стали посмотрели и так оставили снова зашили, эта операция была по счету вторая, первая операция была сделана в 1964 году врачом Корневым, удален аппендицит и тогда врач Корнев говорил отом что через два года нужно обязательно нужно будет делать вторую операцию мне потому что на кишечнике обнаружил кокието крупинки но прошло пять лет, тогда обнаружили болезнь, и так сделали фольшивую операцию. Теперь каждому понятно отом что удалять не стали, и напрасно делать операцию. Некто не будет значит

делать нельзя и так решили поиздеваться и даже недали группу хотябы на один год или на полгода еслибы улучилось здоровье, а то лутше нечего нет только хуже. Но после я узнал отом что врач Ивонин вывел на группу но меня не вызывали на в ТЭК комиссию а зделали так хитро заочно и когда я обратился врегистратуру тогда я ето все обнаружил. Но 8-го января 1970 года пришли все документы которые были направлены в город Киров для утверждения обласной отдел соц обеспечения и все документы пришли Омутинский районой совет соц обеспечения откуда и взял Главный врач Рудиков и стал держать у себя своем столе и деньги переводят в кассу взаимпомошы 120 рублей в месяц таким образом уже переведено 4680 рублей с 1-го января 1970 года и ешо деньги идут понастояшее время и ети деньги расходуют кому нужно купить автомобиль для себя берут тысячами и после хотят делить сами собой заявление Маёра перед депутатами отом что нас некто проверять не будет что мы решили таки будет действовать смело решительно и прямо вся власть наших руках что нам доверено.

Продолжение следует

Типографию прошу ответить лично хотя по радио или корреспондентом

ПРОДОЛЖЕНИЕ

В 1943 году я попадаю не запно в фашискую засаду где они ожидали наших подполшиков которые должны были подоревать линию железной дороги у самого перекреска шоссейной дороги но я тогда шол стороной от шоссейной дороги но к линии железной дороге сидя-

щие в засаде фашисты заметили но в зади шли ешо три товарища если меня случайно сватят или не возмут или не возможно будет произвести в зрыв то ети товарищи выполнят ето задание но я шол на много впереди чтобы не могли кто либо заметить или очень с большой осторожностью товарищи наблюдали за мной и за всем движением но когда меня схватили и дали по всем правилам и увели куда им нужно но друзья проследили и зрывают шоссеиную дорогу остальная засада бросается на те же места где произошол взрыв но на месте некто не околался а ктото доказывал об етом меня привели но сильно избитого и тут ешо стали бить сильней но которые доказывали их было двое их привел офицер фашист на личную ставку для того чтобы узнать полностью но они меня не знают и некогда не видали и узнать не могут меня, но наето время перестали избивать и посадили на стул я сидел повесил голову тогда схватил меня фашист за голову и попровляет и кричит по своему и показывает смотри прямо и невешай голову а то показывает винтовку но который фашист сильно бил ешо не может продыхатся один из них ешо не мог продыхатся и снова делает удар по мне прикладом и снова я на полу и снова в глазах цветы необычной радуги и снова загорают огни разных цветов но когда я уже снова был посажен на стул и тогда один фашист говорит «почекай ту славенин я тоже славенин почекай» тогда их было только двое остальные уже кудато исчезли я сидел на стулу и пообоим сторонам стояли солдаты фашисты то ети солдаты только курят сигареты одну бросают и вторую снова закуривают нет етому конца и тогда один солдат произносит слова «почекай ту славенин» их тоже славенин почекай и затем прошло около двух часов и входит офицер одного кудато

посылает тот солдат вытянулся перед офицером и козырнул и ресско руку опустил в низ и хлопнул коблуками и чтото произнес слова и повернулся и пошел затем офицер посмотрел на меня и снова чтото бормочет и снова обращается к фашискому солдату тот чтото ему ответил и тоже вытянулся хлопнул коблуками и ресско опустил руку в низ, офицер уходит вторую комнату и чтото там кричит на кого мне неизвестно прошло некоторое время выходит солдат и этот самый офицер фашист и говорит солдату тот соскочил на ноги козырнул офицеру и стукнул коблуками и махнул рукой вверх и ресско опустил, и затем солдат показывает отом что снимай гимнастерку и мой свое лицо руки и все что замарано кровью смывай все, тогда я ему показал о том что руки перебиты и не могу поднять нет никакой силы тогда этот солдат тащит какуюто тряпку и начал обтирать там где имеется и идет кров и снова выходит офицер и говорит солдату о том что довай пошли куда то у меня сдрогнуло тело я сразу же догадался чтото стало понятно отом что наверно стрелять повели солдат показал направление куда ити в доль вылаженной булыжником дороги и шагаем в етом направлении, в этот момент попадает идущая машина в стрелу и офицер поднял руку вверх и выходит офицер из машины и они берут рука за руку и поздравлялись и солдат продолжает путь дальше ведет в доль дороги и вот прошли уже метров 200 или 300 тогда солдат показывает поворот в левую сторону но когда повернули в лево то я понял отом что впереди дороги нет только виден овраг и фруктовые кустарники сдрогнуло мое сердце я понял отом что меня повели на расстрел правая рука совсем не двигается нет никакой мускулатуры она сильно перебита но только левая с большими боля-

ми и силой своими нервенностью поднял руку в перед и провел на отмашку рукой и нанес сильнеющий удар по фашисту и что у него вывернулась скула то есть щека в сторону и он даже немог крикнуть. Из рук выпала винтовка тогда я бросился бежать но впереди очень большое препятствие заросшая яма кустарником и комышом она длиной была метров 300-400, и шириной метров 60-80 но состороны етого села очень крупные берега так как с етого берега сваливали муссор которой шол отход особенно когда пришли немцы они везли все что им мешалось но когда я добежал до берега тогда мне бежать стало некуда впереди крутой обвал я достиг етого обвала и свалился вниз но тонуть ешо не хочется тогда я полез в правую сторону етого обвала и заполз в кусты но дальше продвигатся было не возможно и тут как тут снова фашисты я залег и притих притаил дыхание и создается очень большой шум немцы впереди и зади но муссор продолжает валиться в воду и из воды выходят пузыри и муссор продолжает валиться и волны от етого места идут кругом, фашисты говорят он тут он туда ушол и так они установили отом что утонул так как дальше нет некоких следов но когда все ето притихло я вижу всяких насекомых такие как они похожи на яшерицу но не яшерица и не змея но я продолжал лежать до полной темноты когда только все стемнело тогда я решил выползать и рассмотреть хорошо прослушал все звуки, отом что нетли засада а то снова будет издевательство ето самое будет стал сильно смотреть все что есть впереди, убедился что все прекрасно но кое где есть разговор в центре и звуки шагов по асфальту и булыжнику все просмотрел и снова стал полсти в ту сторону которая сторона является меньше обход ето самая левая сторона я тогда стал

полсти в левую сторону ближе в поле но сразу немог
долеко ути не стало силы но там таких ешо очень много
ямы они являются так называют месные люди где они
раньше копали торф и так я продолжал свой путь что-
бы снова не попасть в руки фашистов но день ото дня
становился все хуже и хуже начинается головная боль
в глазах стало все больше и больше разноцветные огни,
голове кружится и так полностью опух от сильного по-
боя и от сильного голода и от холода глаза полностью
затянуло опухом если нужно посмотреть на свет или
ешо куда нибудь на руки или на чтонибудь то нужно
руками оттянуть свои ресницы тогда будеш видеть все
что тебе нужно если посмотрю на свои руки то они ка-
жутся очень толстые но очень короткие но очень свет-
лые как матовое стекло если не открою рукой свои рес-
ницы то я нечего не вижу но время идет а я все больше
и больше опухаю и все стало хуже и хуже проходит
много время и так нестало больше силы и даже движе-
ние ноги стали совершенно премыми и негнутся в ру-
ках нет движения и вот споминаю отом что когдато я
писал своих стихах отом что на мою могилу не кто не
придет только радней весной соловей пропоет просви-
шет и снова улетит и вот пришли ети самые дни в ис-
полнение, ешо прошло несколько дней ноги и руки и
шея и все совершенно ето мои но полной стотуи и вот
тут как тут фашисты но у меня движения нет они ви-
дят ето чтото новое для них они приехали на мотоци-
клах и забирают меня, снова, но у меня нет никакого
движения но тогда я считаю отом что мне будет рас-
стреляют и на етом мне конец увезли какоето село при-
ходит человек и говорит по русски кто ты такой откуда
взялся парашутист из Москвы комисар партизан, по-
чему тебя бросили почему ты один в поле откуда ты

взялся я тогда отвечаю я сильно заболел а мать бросила немец офицер ее увес собой на машине но когда снова приехали обратно то тогда мать нестала меня оставлять больше дома и забирает собой и оставили здесь сказали быть здес потом мы приедем затобой и досего время их нет от холода и от голода здесь погибаю. Меня мать бросила меня привезли суда на машине хлеб и сало кто то сел, и я остался без хлеба и бес сала, сколько тебе лет скокого ты года да уж 16 лет полных, но ты можеш работать нет у меня руки и ноги не ходят ето все передал офицеру фашисту фашист посмотрел на меня и говорит может работать немецкое оружие заставит работать отправить лазорет и поможет санитара тогда будет работать немецкий солдат заставит итак отправили в город Кировоград в лазорет и там обнесено колючей проволокой и ходят часовые но к некоторым приходят свои матери и сестры но комне не кто непришол не мать и несестра но тогда смотрят немцы если некто не приходит но тогда они смотрят нечем познревают, тогда отпровляют кудато, если нет наего опасности тогда может забрать мать, если не кто непришол если опасен то растрел, если нечем не замечен тогда кто не пришол выручать тогда приходит специальной поезд телячьи вагоны погружают и отпровляют всех в Германию на работу вотм числе попадаю и я в ноябре 1943 году привезли меня в город Герлиц Германию но тоже в лагерь где некуда не выйдеш один борак на 200 человек и даже упоменают до 300 человек но мы находились 200 человек в одном бораке но я скоро хорошо познакомился с врачом его знали все, он хорошо оброшался со всеми болными, его звали Василием, но фамилию его не знаю и как его величать незнаю но етот Вася меня хорошо понял тогда он мне дает совет сме-

нить номер и направится в работящую команду и отуда можно будет легче ути чем из лагеря а то здесь много очень людей растреляли и так можно ждать все что не ожидаеш, так мы и зделали, тогда, он познакомил содним товаришом тогда он дает ему совет отом что если ты не хочеш поехать в ету команду то смините свой номер и перейдите с одного борака вовторой то есть кто где жил и так все ето мы зделали в декабре 1943 года меня отправляют в робочую команду от города 12 км двенадцать километров на восток так называют село Гроздорф помещичье имение где я работал где мне пришлось узнать отом что немцы отступают русские наступают и дают жару где мне пришлось иметь очень хорошей разговор сосвоими товаришами где мы согласились уходить но не все люди были надежны некоторые очень были опасны что могли сообщить фашистам ветом случае должны были осторожно ети люди писали письма домой то есть держали связь через немцев со своей родины им приходили письма и фотокарточки и также они высылали фотокарточки но из 20 человек мне пришлось нати 8 человек которые очень были надежные и вот 1944 году в нашу команду приехал один предатель он был русский офицер Власовец когда мы вернулись с работы в помещику имение но он тут как тут и стречает нас выходит с парадного крыльца етот самый офицер и он пошел вместе снами в наш лагерь где ночевали мы, но когда мы пришли в свой лагерь он находился в стороне от села, но когда мы разделись тогда он дает нам команду отом что воти всем по своим комнатам когда я вошел комнату тогда он сне командует садись на свою койку но я сел на свою нарную койку которая была на втором этаже когда он всех посадил по местам вокруг одного стола, тогда он дает мне

отдельную команду иди садись тоже суда только на-
против его через стол тогда я сел на против его тогда он
начинает читать газету что пишут власовцы тогда он
прочитал статью етой газеты и нам начал предлагать
отом что у них нет средства на газеты и на редакцию и
он нам стал предлагать отом что вы дайте нам помош
то есть один месец работать на них когда я стал ему го-
ворить отом что мы нечего не получаем а только рабо-
таем на немцов, а вы нечем нам не помогаете и ешо от
нас просите ето вам очен стыдно просить унас помош,
к етому слову он пристал, если нехочеш помогать сам
то смотри и так вытаскивает из своего кармана мою
личность на фотографии и так говорит когда я стал со-
биратся вашу команду то один ваш товариш передал
мне вот ету карточку и просил меня чтобы передать
вам ету карточку и просил передать лично, и так я ее
привес возьмите ее. Но я очень быстро догадался отом
что етот очень грамотный шпион хочет легко купить
тогда я ему отвечаю ето фото немое но личность знако-
мая даже могу назвать его фамилию и даже звать и ве-
личать его фамилия Торогашов Никифер Павлович он
отправлен в команду за два дня перед меня на работу
возить камни и колоть он очень сильной. Тогда я ему
стал доказывать и етим самым откозался от его и тогда
я стал доказывать отом что его много знают в лагере и
он ходил по всему лагерю и он даже конвойные посты
очень смело проходил как только постовой засмотрел-
ся и так он под проволку и свободно уходит в другой
борак етот очень башковитый, но он со мной временно
согласился и тогда он говорит ну ладно я ето проверю,
но однако (он сам собой произносит слова) (да я серов-
но, должен получить сто тысячь марок мне заето дадут
дадут дадут! серовно получу) все товариши слышат

ето шептание, но эта карточка лежала на столе ее некто не берет и я от ее категорически отказываюсь мне чужую фотокарточку не нужно тогда подходит один товариш ко мне и говорит да на эту карточку почти походит на тебя да немного на тебя похожа но не твоя возможно был один отец у вас был то может сходство быть тогда, смотрит другой возможно был один отец у вас был то может сходство быть тогда смотрит другой товариш и он тоже отвлекает может быть сходство есть но может отец один был то сходство лишь есть по матери разные тогда друг Федя говорит что только сходство но главное совершенно другой человек тогда предатель говорит ерунда это все мы проверим и сам от нас уходит тогда товарищам я говорю нам нужно толкo вместе иначе нас всех казнят нужно находить возможность самим, неждать когда нас поведут на это дело давайте уже у нас договоренность таки будем делать, продолжать свое дело все смотрим друг на друга дали знать отом что я готов но нас в это время сразу же закрывают на три замка но мы уже готовимся не неподдаем вид остальным отом что мы готовы выйти и ути на второй день нас снова направляют на работу но с работы ути мы немогли лишь потому что конвой усилили и немцы шепчут сами собой русские идут на город Будапешт день прошол приводят обратно всех как одного 20 человек привели в лагерь к воротам стал часовой а остальной конвой пошел ужнать и нас стали кормить кортошку в мундире одному дадут больше а другому меньше для этого мы специально делаем шумок на повара отом чтобы он отозвал часового попку который стоновился как пень на выгодное место и больше некуда и он все видит как только он отозвал часового с поста от ворот и мы таки зделали только что часовый стал возле

котла а мы один за другим, часовой смотрит как повар делит картошку а я прорываю колючую проволоку и сам в перед а остальные замной и так мы ушли от фашистов на протежение трех суток мы ушли в Карпаты и тут нас достигла зима всех нас было девять человек и все мы вышли к своим полностью все как один и некто не убит и некто не ранен не смотря на то что было очень чежолое положение когда стали переходить линию фронта днем так далеко видно а ночное время освещают латающие самолеты над линией фронта и подвешивают ракеты, ночью когда мы форсировали одно село самолеты подвешивали ракеты тогда нам пришлось леч пока горел сильной свет мы лежали стреди села кто как мог леч, нельзя было двигаться в перед лиш потому что могут заметить фашисты как только перестали освещать ракеты тогда мы бросились а перед и ушли но нас заметили фашисты тогда они садятся на мотоциклы и поиски за нами но нас не нашли так как мы зашли в овраг и снова в горы ноч темная и мы от их ушли поднелись на гору и нас достиг расвет но в один день мы лежали днем очень далеко видно и ждем следуюшую ноч и вот стемнело мы направили маршрут куда нам двигатся где юг и где восток в каком направлении мы должны двигаться днем в етом направлении нечего не заметили а когда пошли тогда наскочили на оборону немцов в доль горы были уstonовлены пушки, солдаты и офицеры находились в землянке у каждой пушки было большие груды снарядов, но ветот момент немцы вышли из землянок и винтовки в руках ето значит что они слышали наш шорох и мы легли плотно на землю немцы прошли мимо своих пушок и показали их нам, отом что здесь устанoвлено пушки и здесь пушка и здесь пушка и здест пушка таким образом мы узна-

ли сколько здесь находится пушок очень хорошо было заметно по гарнизону когда мы пошли в перед тогда нашли полевой телефон кабель это связь со штабом порвали кабел и сами дальше ночь прошла впереди село решили подати в его село но когда подошли и забрались сарай с сарая солома мы залезли салому на самой верх и крыше зделали отверстие для полного наблюдения за противником когда затемнело полностью мы заметили по горизонту полностью какойто пожар его показало нам отом что там горит это линия фронта что там идут большие битвы это значит наши недолго давайте пойдем ветом напровление и выйдем к своим посмотрели как нужно двигаться в этом неправление идя по горизонту и мы напали на вражеские окопы но окопы были пустые без людей а люди были в землянке и только были выставлены секреты и друг крик и тут зашолкали затворы и мы бросились бежать и эта ночь была последней опасности достигли следующего села здесь последние фашисты уходят оствляют село в этот рас мы почти лежали усамой дороги и мы смотрели на них как бегут последние фашисты как только мы вышли к своим нас направили в запосной полк где проверили и тогда нас разделил ково куда но основном в бригаду третей танковой армии Рыбалке и затем напровляют в бригаду которой присвоели звание имени Головачева трижды орденоносная Краснознаменная 43-я или 23-я мотомехбригада дважды героя советского союза полковника Головачева погибшего в окружение перивод прорыва из города Лавбун в Германии и когда пошли последнее решительное наступление на Берлин тогда меня ранило 19-го апреля 1945 года и когда форсировали реку Шпрею и когда заняли на том берегу плоцдарм и пошли в полное наступление и ког-

да прошли уже 20 километров и осталось до Берлина 30 километров и тогда в выздоровительный батальон а потом запасной полк и на формировку одной дивизии в городе Риза под Берлином где мы простояли всего три дня где полки и вся дивизия была полностью сформирована и тогда мы должны ее сопровождать где я попадаю под Аварию и тут у меня перебило обе ноги и меня направляют в госпиталь я попадаю в войсковой госпиталь первого украинского фронта Маршала советского союза Конева С.Э.Г. 19-22 где я находился на излечение в 9 месяцев девять месяцев с 10-го июня 1945 года и С.Э.Г. 19-22 в это время находился в городе Лигнеце, когда он стал воюквироваться из этого города в декабре 1945 году тогда нас передали другой военно полевой госпиталь 606 третего Белорусского фронта Маршалу советского союза тов. Рокасовского и так меня выписали 15-го февраля 1946 года и направляют в 13-тое кондепо для формирования лошадей для отправки в Россию вто время Рокосовской выделил 30 тысяч лошадей и их нужно было перегнать своим ходом через всю Польшу до города Владимирволынска.

20-го марта 1946 года был создан указ президиума верьховного совета союза СССР о демоблизации трех старших возрастов с 15-го года по 18-ой включительно и я попадаю под демоблизацию и 25-го апреля 1945 года мы тронулись в полном составе Эскодрона и прибыли в Владимирволынск в июне месяце 1946 года сдали лошадей и всю муницию и нас направляют в город Лвов для формирования эшолона и тут нас держат до 28-го июля 1946 года где нам дали документы о демоблизации и о продовольствие и так пустились и получили толоны получили муку и все что положено и так пустились в родные края путь наш был очень длинной

но я домой прибыл 4-го августа 1946 года а затем я направился в город Горький и потом от туда напровляюсь в Киров а затем в город Омутинск где я нашол квартиру и устроился на работу глов Лесокомбинат и спервого сеньтебря 1946 года я работаю и неразу не рассчитался только переводом и даже не куда не переежал содного места до последнего время.

Много могу дать других очень ценных документов к етому приллогаю следующие приложение

Копию Министерства культуры РСФСР государственного Литературного Музея

Копию Омутинскому райвоенкомату

Копия Советской комитет ветеранов войны

Сочинение №52

Бегут хорошо рощи. Щи кислотицые лица целясь в ясли сливают ливнем днем немым. Не мыты Мытищи. Тыщи ночей чайник чайку (кукушку) укушенную... ну её гну... гнушаюсь но не каюсь. Паюсная икра по пояс паяцу. По яйцу цапли граблями... бляха муха це-це... витамины витают тая во рту ртутью. Утка ткач глади водной. В одной оде один динар нарасхват, а другой – друг Уганды. У Ганди дикий кий. Киев украла Украина. Рана в руинах (вру). В Русь рвусь (авось!). Восход – аленький цвет точек (пуантель). Ничтожество человеческое мне чуждо. Ждем дембель в бельэтаже. Там же также ЖЭК имени Евтушенко, вознесшийся как Лебедь в облака дыма чуть сладкого как жизнь замечательных людей которые всем лучшим в себе обязаны книгам. В кармане фи́га (запретный плод). Арканов на блохе въезжает на Монмартр в апреле, грозы любитель в начале мая (точнее в день печати). Тавро на лбу у Каина (не сторож, видите ли, он брату своему!). Во времена бросания камней в Сизифа. Чернильная душа сирени. По цвету розовое масло. Пион американский – враг народа. Астрономические астры (страдают все одышкой). Анютины глаза на лоб полезли. Гадает на ромашке клоп персидский. В мимозу не попавший снайпер сидит на гауптвахте, как на свадьбе. Стоит, как столб, отличная погода. Лежат Обломовым снега. Не греет солнце, как луна. Меня все это не колышет, как ветер корни баобаба (растение мужского рода). Оно было женою Леннона, звездой на ринге. В судьбе боксера что-то есть собачье (вокруг Собака,

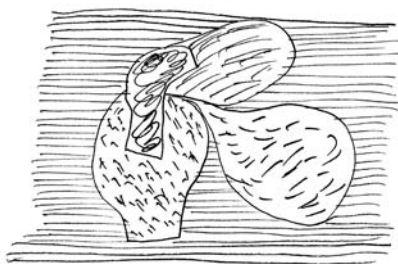
который съел Попова мясо, а ведь Попов его любил). На «Память» написал донос Гаврила, служивший в Моссовете мэром (столицей управлял). Сторицей тора окупилась. Талмуд как будто в габардине в переплете (как он в него попал?) по раввинам и по взгорьям шел с ревизией вперед к победе сионизма. Гора рождает мышь, а та бежит к пророку Мухамеду (в чужом отечестве увидел он соринку). В своем отечестве не вижу я бревна (не мудрено: пустили на бумагу, которую вы держите в руках) сосны или березы. По иве плачу я, по Тополю, по Клёнову в сиропе. Но это слезы радости. Я рад, вернее, я за «владу рад». Мир в хижины, война переворотам (дворцовым и дворецким). Пошли бы вы туда куда и царь пешком ходил (под стол) и нам велел. Левет правда (проще дедки с бабкой). У кривды вырос глаз недостающий, а ложь растет, как на дрожжах, вернее, ее ноги. Давно пора отдать все кладбища крестьянам, а «Новый мир» отдать народов дружбе. Страдает враг бессонницей. Догнать и перегнать Америку по спринтерам на душу населения! Догоним Дагомею по Чатырдагу Хаммаршельду! По валу перегоним Айвазовского! Догоним ветер в поле зренья. Свекольный перегоним самиздат! Достоинo встретим Новый Год (про старый кто помянет, того мы сделаем Моше Даяном). Да здравствует наш Дед Мороз и борода его из ваты! Слава китобойной флотилии! Стыд, позор на всю Европу тому, кто пальцем подтирает буквы в ошибочных словах и предложениях руки и сердца, печени и почки, аппендикса слепой кишки Гомера. Смех в зале. Очень сильный смех.

Сочинение №53

Письмо писанное в торбу-конверт законным дуракам молиться богу посланным не в лоб так по лбу горячей звездочкой Давида (Сасунского?) с молоком матери (на губах не обсохшего) с сигаретой в углу рта чужим платком накинутым в плаще-палатке №6 чахоточных чиновников до смерти напуганных страной богатой идиотами и мышкой юркнувших Гагарину в могилу – косметический космос комсомола-соломенного вдовца коктейля имени Карлайла из Карлсруэ страдающего расстройством рассудка на суде истории без защитников но с вратарем в воротах новых вылупившихся из яйца барана его бока с гречневою кашей в голове с двумя ушами туговатыми и парой штук бананов лимонного цвета и картофельного вкуса не признающими товарищества шарнирных выставок за дверь во дни открытых окон в похищенную Европу Эврипидом а не Зевсом с овсом на морде в торбе на море на горе Серову идущего в семейство Рубинштейн под мышцей бронзовых скелетных мышц, накачанного насосом известного изобретателя мопедов.

Письмо номер два сапога пара петых песен без слов с отсутствием мелодии. Песня – единственное, что остается с человеком в отдельно взятой на минутку колбасе. Утопия Чапаева. Горемыка Лазо. Сколько Космодемьянская не вьется? Леденец «Карбышев». Черта лысого Котовскому под хвост. Пархоменко – еврей? Буденный по утру седым, как лунь, и согнутым в дугу под Курском Соловьевым. Содом и умора. Утроба нашей родины. Ест такая партия? Советская власть

плюс-минус ток высокой частоты. Советскую власть имущие. Так-так-так, говорит В. Максимов. Так-так-так, говорит попугай. Так-так-так, повторяет «Эхо», тугое, как кошелек, на ухо. Памятник Неизвестному-лейтенанту. Рейна – в Рейн! Бондарева – в бочку! Распутин – к однофамильцу вместе с Машей. Газеты – в газовые печи! Журналы – в урну! Вот, вроде, клоун, а выдумал приемник и в кепке шахматной таксиста (сукин сын). Крутится-вертится Шариков. Голубой? Каштанки наши быстры.

Сочинение №54

Воз – награждение Бабеля, облегчившего Кобылянскую. Буденновский будильник с колокольчиком. Саратовский гормон. Эренбургский платок. БальЗак (еврей?). Флоберия. Стендаленький цветочек. Абрамцево – поместье Терца. Просто поп Аввакум сват и брат медицинский. Августейший писатель Вермонта. Авиценный Ибн-Сина. Ай-Петри Первая. Аксаков и Ванцетти. Нелепое название «Алеппо». Али-Бабаев или Бабаевский или Бабаджанян. Анданте Алигьери. Алма-Ату его, ату. Капитанская дочь Альбиона. «Завтрак альтруиста» (консервы). Осел и соловей Алябьева. Кому-Дарья? Ганс-Христиан Андерсен-Нексе. Апаш – рубаха парень. Аполлон Мусагетто. А пулей в улей Апулей. Арагончая Триоле. Инесса Арманд Хаммер. Артаксерокс. Байховое одеяло (чай, теперь твоя душенька довольна?). Колики в Баку. Бакшиш с маслом. Бальмонте-Кристо. Барбарис «Годунов». Барклай, де Толя? Барокко и его братья. Барсучий потрох. Жители Басры – басранцы. НИИ бельмеса. Общественный сераль. Бендеровцы: Шура Балаганов, Паниковский, Воробьянинов. Бенуар Бенуа. Константин Ван-Шенкин. Секс-Бомбей. Бугивугин. Проспер Буриме. Большие Буркалы (населенный пункт). Поль Валери Чкалов. Белая Верона. Версальто. Вирши на гора. Ля дольче пляска Витта. Отель «Лилиан Войнич». Из пушки по Воробьевым горам. Свеча восковой спелости. Вранье о Врангеле. Махатма с краю. Ганнибал-маскарад. Гасконь с яйцами. Гастелло и Дездемона. Гейне не гей. Жан-Люк Гайдар. Гонкур в оцип. Гораций не идет к

Магомету. Гречко движется и не движется. И в хвост и в Гриву (Жана). ГУМ-Гржимайло. Лева из Гумилева. Аму-Дарьяльское ущелье. Гостиный Дворжак. Иже еси на Дебюсси. Всеядный Сальери – завистник Олеси – лишнего человека-амфибии – вездехода пешком по улице Горького мимо долгорукого Моссовета к бронзовому, как мускулы, Пушкину, позеленевшему от злости или от весны. Хороши в эту пору в саду цветочки: Лилии, Розы, Анютины глазки, похожие на Гомера смехом хорошим, последним, как решительный бой, как у попа жена, как курица, как день Помпеи. Безумно везучий Везувий блюет лавой-лавиной львиная доля которой зальет луга. Угар и пепел. Огонь с оленем наперегонки. Но олень не пятитонка. Жареное мясо щекочет ноздри погребенных под пеплом плебеев. Патриций или смерть с косым пробором. Кудрявый как Блок Пушкин из переплавленной пушки или колокола. Царь-червь. Раб рыб. Я – яд. Меня вливает Сальери в Моцарта посуду для питья. Я – мальчик для битья сознания определяюсь в детский дом для тех кто не имеет дома дома. Вход дом имеющим сюда заказан. Олешу где-то леший носит ночью. Чью трубку курит Эрэнбург? Кто курит фимиам отцу народов? Кто курицу коптит и небо? Кто в небо пальцем попадет? Кто первым в космос полетел незванным гостем? Кто выселил татар из Крыма? Кто написал картину «Бой в Крыму»? Кто крымский виноград увидел оком? Чей зуб неймет, но чешется, как вшивый? Кто подковал блоху на рынке? Базарной бабой куплен ром. Я в майке за бугром. Здесь летом не замерзнешь, как зимой. Крестьяне здесь не торжествуют, на дровнях обновляя путь в могилу. Холодный воздух сделан человеком. Во льдах замерз из можжевельника напиток, коровий

родственник кровавый стейк (юнайтед стейкс?), сыр-бор французский из Айовы, калифорнийское шабли, чеснок из колбасы, суп горе луковый, форшмак из мака, кувшин с рекламным рылом, покрытый матом стеклянный студень, бобы, сидящие на нижней полке, остроумный перец, свекла свекрови, «А» в томате. Очередь за пулеметами. Воробьи – пушечное мясо. Секс-бомба с атомной головкой. Финский нос. Ружье, висящее на стенке, без затвора. Нога с наганом. Коль с кольтом. Снарядами завалены спортзалы. «Авроры» залп по утреннему солнцу. «Потемкин» носится с броней. «Варяг» в Эгейском море. «Нахимов» раскололся на допросе.

Иже еси на Би-Би-Си. Мысль Дежнёва. Сергей Декамеронович Киров. Декарточный домик. Державная морда. Дерсу узяла. Детдом в Детройте. Джакарта бита. Джером-баба. Джиокондовый художник. Джордано Бруно Ясенский. Уолт Ди с ней. Добрыня Никитич Хрущев. Альфонс до «Д». Внуково-Домодедово. Авиарейс в Досталь и шлак. Клад в Закопане. Сноповязалка «Мате Залка». Зам. Бези. Иудушка Искарот. Приключения Казановы в районе Аскания-Нова. Кара-Богаз-Гол как сокол. Старый Каргополь? В Катманду его! «К» у нас! Кашей – бес смертный. Урхо Кекконен в Карлсруэ, Ткемаль Ата-тюрк. Кок по фамилии Сагыз. Якуб Колас на глиняных ногах. Коминтерновый венок. Конь Фуций. Коро мысли. Креп-жоржетовая Санд. Кривой Рог изобилия. Лансеребряного века художник. Манон Лесков. Лопе де Вегин. Лорд Кипанидзе. Мамин-Сибиряк с печки бряк. Марко Поло умный. Едучи к Медичи. Миргород – дорог Рим (палиндром). Курам наспех. Низвержение вулкана. Мозги не кудри. А ля поватый аленький цветочек. Амбарный замок. Амфитеатр начинается с вешалки. Культпоход Антанты. Антоновские кони в яблоках. Простофиля в профиль. Жертва – аорта. Архалуковый суп. Бабья летопись. Банкнотная бумага. Бар «Ранний рог». Шуба с барсова плеча. Башлык по-карски. Баю-баюшки-боюсь. Белое, как горячка, вино. Безбелорыбица. Белужий рёв (блюдо). Бенгальский, как тигр, огонь. Бери-бери Лаврентия Павловича. Бистро «Черепеха». Борозда лопатой.

Абортпроводница. Абрам-стенга. Брынза из бронзы.
Буркалы Чапаева. Пауки идут ва-банк. Валаамова ось
лица. В карете пошлого. Засулич Вера мертва есть.
Заслуженное правительство СССР.

Сочинение №56

Здравствуйте те с которыми не успел поздороваться по-добру по-здорову так за здорово живешь и жить даешь другим друзьям ям пивных и баров барских броских барсом на шею нашей головы вооруженной до зубов протезами и пломбами как ленинский вагон в агонии агитпоезда товарного дефицита заразного крысой-красавицей писаной торбой-тюрбаном с больной головы на здоровую (из тетради одного вахтера, вернее, вахтенного журнала актера который битый час следил за стрелкой часов песочных как печенье сидящее в печенках печенег Емелей на печи мартена где варят шоколад для плиток которыми покроют стену в которую горох бросают принцессы и цари).

Сочинение №57

Здравствуй Санчо с анчоусами и бородой! Где твой Дон-Кихот сорванец? Сор из избы-читальни выноси, даже если ты его не выносишь на дух. Душно душе как в Душанбе Дюшану или в Марселе Марсо. Мимо мимозы мозолистые мозги в кофе по-турецки, марш! «Форшмак из Форш и Маршака» – марш-оказия. Ока не в Азии течет. Все меняется. Меня меняют на мыло. Меня в мешке не утаишь и кота моего (мы его моем шампанским – аж брызги летят как перелетные птицы). Здесь под небом чужим я как гость. Не желаю и врагу своему – языку заливному в Разливе в шалаше райсовет рисовать по воде топором. Любное местечко – местечковый лоб улыбается Джокондой, Моной Лизой Чайкиной и умирает в гавани по горло в говне собачьем Лайки и Белки. Смеется тот, кто смеется, как дети капитана Гранта. Граната-лимонка «Эдуард Мане» и тебе не помешает на твоём поприще тихопомешанный герой ходящий гоголем за сырым яичным желтком стертым с сахаром пешком в город Горький где ясные зорьки пионерские. Утро нашей родины – утро стрелецкой казни в сосновом бору которое вечера мудренее. Я, кажется, запутался в трёх SOSнах, как Чехов в «трёх сестрах».

В Москву, в Москву, в Москву!

Наполеон

Нью-Йорк

17 апреля 1986 г.

Р.С. Долг платежом прекрасен в красном платье
долгом как у идущего на Голгофу Иуды с удилищем
судилища страшного. Старшина с аршином своим
малым Землю меряет и властвует советом народных
депутатов путаясь в соплях насморка в наморднике
противогаза против Гааза на горьковском автоза-
воде имени Отса и его сына. Святого духа чтоб не
было в небе. Комар – молокосос кокосовый пальнул
в пальму первенца свинцом щетинным – бортовым
волосом – гибридом сома и вола иволгой над Волгой
влажной жалобно пропел пропеллером «Летатли-
на» Владимира (красно солнышко) Евграфьевича.
Графиня со стаканом полным мухоедства с детства
впадала в Каспийское море (священный Байкал).
Бакальций Цельсию не брат не Каин не сторож бра-
ту своему да и чужому. Но мне не чуждо чудо-юдо.
Юдоль на Юрочку и на семи ветрах на небе чужой
водой в соседском киселе кисейной барышней-
торговкой лошадьми с залупой конской «ХолстOME-
ра» вернее автора его ясней поляны известного бор-
ца с войной и миром с измазанным борщом лицом
как в зеркале кривом кровавых революций. Чертко-
ву друг и брат и сват старухе Бабарихе. Гвидон за-
штопан белой ниткой ткачами голого царя Салта-
на в гриме братьев Карамазовых в четырех частях
(каждому по части). Пора и честь знать смолоду.

Сочинение №58

Дешевая дорога изобилия. Избила дебила дебелая Белла. В колесе леса лисы и лоси. Лосось состарился, SOS. Сосна Сосо осенью в шапке. Мономах вымахал в нахала. Нахимов – химик. Менделеев меня делит. Шкура витязя в Тигре. Евфрат коло врат. Врать в рот. Внос носа. Ухоженное ухо. Глаз-лазейка. Волосы волости. Ногти ног. Руки в пашне. Телетело летело в лето. Осень ЗИМа весной. Весь Ной в ковчеге. Товарищ – тварь (тварищ). Товар ищу. Еще Щорса. Щетина ерша ёжиком. Колобок о бок с лобком. Лабух опух жмуриком. Мурло МУРа на Амуре. Мол комсомол – камса. Сам сом – мост. Зубы убывают на дуэли. Две ели две недели ничего не ели. Голод – городу. Вгору горе. Горит звезда везде. Ход истории холост. Лос-Анджелес из железа. Из чугуна Чугуев. Из стекла стэк. Из камня Подольск. Из лака шкатулка. Шкаф Кафки. Рыло Рильке. Морда Мордехая. Лицо лицемера. Приказ приказчика. Суд Судейкина. Храп Сапунова. Михалков-волкодав. Удав удался. Удалился удад. Крыло ворона и капот. Пот в сапогах. Лаптем хлебать лихо. Лохань хана Бахыта. Роза Люксембург – бургомистр с бугра. Багров в стольпинском вагоне. Репортаж с петлей на Анне. Ежов в рукавицах а сам с ноготок. Ягоде без году неделя. Щебечут щи. Борщи бормочут, и каши требует сапог. Говядина с лицом коровы мычит и телится. В мундире сердце. Оно же в пятке. В глазу пятак. В другом – похмелье в чужом пиру своей чумы. Чумак чумазый с пудом соли пьет чай и душенька довольна. Души не чают в Индии Китай. Кидаю камень в огород Сизифа. Тружусь за пазухой богини. Слава богу (слева Ван-Гог, справа – справке).

Сочинение №59

В чулке борода синей птицы
В бороде озябший Солженицын
Череп страуса в песке
Чулок Маресьева в небесах
Нос провалился в болоте лица
Гори гори мой милый торф
В шурф упал шарф
Дружеский шарф цвета шафрана
И глаз Пастернака
Живого места нет на Ларе (она ведь просто откры-
валась)
Яйцо Америку открыло
Бульон куриный из вороны кипит на шапке
из Багдада
Дада был прав (правее Папы)
Показал мне отец что такое пиздец
Заказала мне мать по буфету гулять
Доказала сестра что я пьяный с утра
Квазимодо мне брат потому что горбат
Моя тетя сказала мне «здрасьте»
Дядька в Киеве рылом мордастый в огороде растит
бузину
В блузу шар закачу бильярдный
Соли пуд долижу миллиардный
Мультинищие духом туземцы (среди них попада-
ются немцы) пуще ока хранят свои деньги и тугие
в ушах у них серьги
На крыльце где сидел царь-царевич развалился
какой-то Гуревич

В ус не дует а дует на воду шлет проклятья родному
 заводу и целует амбарный замок строит крепко воз-
 душные замки на песке из козырных тузов
 Тузик ест дорогие конфеты
 Яичница – подарок Глазунову
 Губанову – пять суток гауптвахты
 Алейникову – масло для картошки

Приложение к сочинению №59

Ребристый ребенок. Его родила Ева, ей-богу! Егоза
 елозит засовом. За совой, за сомом, на самом деле
 делегация на телеге пятым колесом, собачьей пал-
 кой, дубовым дрыном, желудевым кофе по-турецки.
 Подмяв ноги под мякоть спать жестко на жести. Кро-
 вельщик стекольщику сын ли? Ли-сын-ман лысый,
 как хвост обгоревший лисий, как колено Аленушки.

Еще одно приложение к сочинению №59

С большой головы на здоровую
 Артель «Сизифов труд»
 Пятое колесо в пятилетке
 Сорную траву с поля в ООН
 П.У.П. (пришел, увидел, победил)

Сочинение №60

Каучук и Гек. Гектар Тарзана. Транзит паразита. Разит ртом рота ротозеев. Зевс овса и сына святого духобора по сосенке – Сенеке рубаха. Рубаи дров. Дроздов здоровье на каждый чих. Хичкок кокнул окуня. Куняев унял унию. Умом Россию не поднять. По дням растут часы. По ночам растут минуты. Секунды летят утятами. Гуси уснули с нуля без пальца. Пыльца в глаза. Ресница снится. Бровь вровень с бором. Бортовой волос за бортом. За забором Заза Габор. В Габрово обормот в обмотках. Обморок в Марокко. Берберова бреет веер. Ветер вытер свитер. Свита черта: два бойца и овца вернулись к своим баранам. Байрам в раме. Рамадан в Риме. Ври да знай мэра. Пикфорд шнурует шурина. Шуршит широкая Ока. С оказией в Азию. Азеф начинается с азов. Зов крови в железе. Желе-мармелад из костей белых голубей голубых кровей. Красный флаг облажался под дождем. Подождем мед. Медуза-медиум. Медяк-медальон «За отвагу». Отвесить пиздюлей Юлиану календарь божий коровка. В ковбойке бойфренд и френче. Французские узкие узы. Гордиев узел узбека. Камень в коробке «Казбека». «Север», наполненный снегом. В «Прибое» – морская вода. В «Шахтерских» – кашель, а в «Шипке» – все спокойно. На ошибках учатся, учатся и еще раз учатся. Тьма ученых – свет в окне в Европу. Петр Первый – апостол и двенадцать стульев на полусогнутых ножках в синих чулках цвета бороды не бывает у бар. Китс в ус не дует. Борей не дует в Годунова, а мальчики кровавые в глазах у страха. Великая китайская

стена на сцене театра одного пройдохи. Пройдут охи и ахи через тысячи лет. Миллиарды погибнут еще не родившихся. Схватки будут в роддомах на курьих ногах. Выпускных вечер кишок в кишлаке из кишмиша. На горе Арарат зреет крупный Магомет. Не спеша на коне не товарищ мой скачет. Не товарищ мне волк, а козел отпущенья. Отпусти, мой народ, мне грехи и на душу возьми. За душой – ни гроша (негра вша). Русскоклоп, или англоблоха, или франкопетух, или чехоантоним. Нимб горящей свечи. Сало съели сволочи. Щетина считанная (5 тысяч 600 штук). В три пальца шкура пропускает воду (на эту тему написать бы оду). Гаврила Романович Газета. Тредиаковская галерея. Кантемировская дивизия пиитов. А. Пушкин – бог войны, а граф Толстой – войны и мира, мечтал о хижине, живя в дворце. Переворот из подворотни. Завоешь на Луну, когда на ней американцы. Четыре пуда нечистот плюс патефон-заика с петлистым ухом, с суконным рылом в «калашниковых» ряд. Купец упал в купель. Из глаз попа капель, из уха – ухвертка, из носа – носогрейка и запах изо рта из-под платка. В публичном доме работа из-под палки. На лесоповале – из-под ёлки (особенно под новый год). Одни друг друга называют «жопой» при встрече (люди ведь не горы), другие в гору ссут при засухе (рукав до локтя засучив). В Багдаде ссучился диктатор – с получки приобрел ротатор для уничтожения таблиц и мяса для знания кошек. Кошерный кошелек для кошта каштанового цвета из волос Котовского в высоких сапогах на низком каблуке как карлик работающий в цирке Голиафом напарником гроссмейстера Бронштейна живущего на Малой Бронной в бесцветном доме номер пять без малого четыре года плюс-минус несколько недель. Неделя делится

на семь. AB OVO было слово, потом был Абовян. Отправиться AD PATRES (значит, в ад). Бросает жребий Юлий Цезарь. Егора ALTER EGO Михаил, а про Попова, A PROPOS, я знаю много сплетен. С сухим законом квиты, так выпьем AQUA VITAE.

Лирическое отступление

Мое богатство – в небе журавль. Синице нужна твердая рука. Руке нужна перчатка для бросания обидчику и для обогрева крови. Над головой лицо Луны – поганки бледной в кругу сверхзвёзд различных величин, погрязших в пыльном молоке пути, ведущем к богу. А вот порог и скатертью дорога в обратном направлении...

Солнца не существует!

Салака из сала.

Сколько кильки?

Сочинение №61

При установлении цен на импортные товары не может быть никаких математических подсчетов, такие цены формируются с учетом качества изделия, его упаковки и спроса населения. При установлении импортных цен компетентная комиссия ориентируется на уровень действующих цен на соответствующие отечественные товары. Комиссия не может допустить, чтобы цена на импортный товар была ниже цены на аналогичный отечественный товар. Цена установлена применительно к сложившимся на аналогичную продукцию. Имя 18-летнего студента Поля Бабю ничего не скажет большинству американцев. Видимо, следует в таких случаях судить не по бумаге, а смотреть в корень. Зато почему-то нужно описывать отца и мать, родившихся в прошлом веке, а также родителей жены, хотя она воспитывалась у бабушки (отец погиб на фронте, мать рано умерла). Может быть, я не прав, но от такого «изучения», показалось, веет формализмом. Да и вообще надо бы райкомовцам побольше общаться с активистами, знать их в лицо, а не по бумажкам, иные из которых как-то даже неловко и писать, потому что – уже в который раз! Как работника хлебопекарной промышленности меня особо интересуют публикации в печати о хлебе и почему мы печем хлеб плохого качества, на содержание влаги или кислотности на пути к вкусному хлебу. Так было и с моим коллегой директором хлебзавода №6 в Хабаровске М. Зубашенко. Он первым наладил торговлю горячим хлебом. Ему запрещали, киоск закрыли на обед. Сегодня на Сахалине та

же ситуация. Люди ждут свежего хлеба, а областной исполнительный комитет в лице заместителя председателя Т. Грошевой упорно возражает. Приведу такой пример. Коммунист А. Соколенко пошел в партком и заявил, что были времена, когда у нас в Воронеже выступали такие корифеи, как Я. Флиер, П. Серебряков, В. Третьяков, В. Спиваков. И вот тут началось что-то странное. Сразу три семьи заключили с администрацией совхоза «Албазинский» подрядный договор на откорм свиней и крупного рогатого скота. Еще в начале зимы Николай Григорьевич Тяжкороб попросил дать ему на память 359 телят. Ранее в Котурдепе были испытаны и внедрены многие образцы передовой техники электробурения, в том числе и заработная плата рабочих и служащих выросла с 1755 по 1985 год в 2,6 раза, колхозников – в 7,6 раза, а сумма выплат пенсий увеличилась в 260000 раз с доходами на одного человека 100 рублей и выше. Объясните, пожалуйста, где логика? Начальника управления Г. Кутателадзе в то утро я так и не дождался, – Г. Мещанов недоумевает. – Внутренний хозрасчет крепко подтянул трудовую дисциплину, – говорит Свалов, житель дома №63 по улице Тоголока Молдо. По-разному сложились судьбы уцелевших. Некоторые из них (К. Гликас, К. Ракаускас, И. Кондротас, П. Маскелюнас, К. Гвозджаускас) стали Героями Социалистического Труда. С. Шимкус работает в органах госбезопасности... Его семья жила в деревне. Однажды вечером, когда С. Шимкус пришел домой, водопровод оказался замерзшим. Недалеко протекал ручей. Он пошел туда, чтобы расчистить снег и сделать прорубь во льду. Было около 10 часов. С. Шимкус увидел двоих мужчин и подумал, что это гестаповцы, так как в лесах их рыскало много. Однако на сей

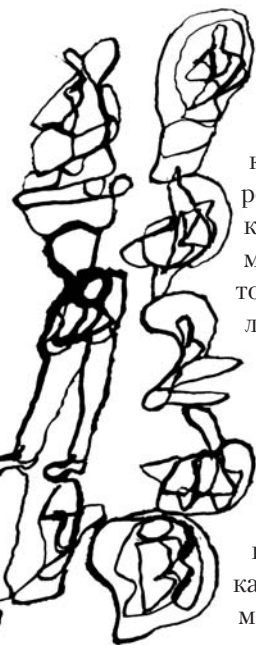
раз это были двое местных егерей – А. Садуро и А. Булавко. Вдруг раздался взрыв. Вылетели стекла, кое-где разрушились стены. Оказалось, в квартире №25, где жила завхоз сада-яслей «Сура» Зоя Степановна Коробкова, взорвался... самогонный аппарат. При осмотре ее квартиры С. Шимкус, А. Садуро и А. Булавко обнаружили несколько тысяч литров хмельного зелья. Саму же хозяйку с ожогами пришлось срочно доставить в местное отделение Гестапо. К счастью, обошлось без жертв. Однако в Гестапо пришлось отправить и некоторых соседей самогонщицы. Материальный ущерб, нанесенный взрывом, исчисляется не одним миллионом рублей. «Невозможный без меня мир...» – слова эти позаимствованы из сочинения ленинградского слесаря Александра Григорьева, создателя устройства, с помощью которого можно посостязаться с рыбами в умении плавать. Но прежде, чем автор построил и защитил авторским свидетельством свой «рыбоход», он по-новому объяснил принцип движения рыб. Аппараты, созданные человеком, оставили далеко позади коренных обитателей водной среды по скорости перемещения. Но на преодоление сопротивления пассивного корпуса требуется колоссальное количество энергии. Рыбы же перемещаются во много раз экономичнее. – Посмотрите на тело рыбы на сковородке, – предлагает Александр. – Мышцы располагаются симметрично, по обе стороны позвоночника слоями, с небольшими промежутками (промеж утками) и наклонены в сторону хвоста, образуя елочку... Такое расположение

мышц и их способность сжиматься и разжиматься является основным двигателем рыб и морских животных (медуз, раков, пауков, морских коньков). Проведенный изобретателем расчет показывает, что при сравнительно небольшом давлении на окружающую (Александр во время войны попадал не раз в окружения) среду тело рыбы получает мощный импульс, позволяющий ей развивать ускорение в два раза больше, чем у гоночного автомобиля. Эффективность подобного двигателя исключительно высока, он обеспечивает необходимые скорости, сводит сопротивление до минимума. Свои идеи А. Григорьев проверил на модели, в которой использовал принцип движения с приводом,

сообщающим поступательное движение оконной рамы, на которой елочкой установлены «мышцы». Испытание на Неве принесло ему немало неприятностей.

Председатель здешнего колхоза «Путь к коммунизму» В.А. Пискунов – тоже из горожан. Он участник группы «Рубль в тупике» и автор нашумевших песен «Фукурюмару», «Слушается дело», «Я – человек» (о том, как в Эстонии решают проблемы инвалидов), «Розы на плацу» (служба в армии глазами солдатской матери), «Карьера или дом», «Племена, которые не кочуют» (мысли о японской молодежи). Еще в студенческие годы В.А. Пискунов установил, что обработанные соответствующим образом ткани, снятые, например, с пятки умершего человека, обладают уникальными свойствами. Пересаженные взамен утраченных тканей в склеру больного

глаза или на изувеченное милицией лицо, они становятся питательной средой для роста живых клеток и со временем полностью замещаются ими. В.А Пискунову откровенно завидовали. Всё вызывало зависть: дерзость, энергия, талант, не зарытый в землю. – А там, в Калинин, начальства побольше, – говорит Пискунов, – и люди потребовательней, а тут народ простой, жаловаться не умеет. Дело в том, что продажу тканей, снятых с пяток умерших, населению мы ограничиваем, ткани же, снятые с других частей тела, более качественные, продаем без ограничений. В начале мая в Неве неожиданно всплыло письмо, обвинявшее Пискунова в содержании карцера при колхозе «Путь к коммунизму». Помещение, куда отправляли на короткое время уж очень дерзких нарушителей колхозной дисциплины, действительно имело место. Но каким образом следует поступать в колхозе с проститутками, растлевающими сверстников, с алкоголиками и наркоманами? Отдавать под суд? Но именно этого не хотел Пискунов, жалея заблудших. Поэтому и применял к ним более гуманные, с его точки зрения, «домашние», так сказать, методы воздействия. Не могу поверить, что Шимкус, Садуρο и Булавко не знали о «карцере». (Пискунов называет это помещение «комнатой для размышлений»). Кстати сказать, 9 января 1988 года на Пискунова было совершено нападение. В полдень на улице к нему подошли сотрудники милиции и спросили: «Что несете?» Пискунов показал фанерный щит, на котором было написано «Гласность – оружие перестройки!» Не представившись, не спросив имени Пискунова и не объяснив причин, сотрудники милиции сказали, что он задержан, заломили ему руки и попытались втолкнуть в милицейский фургон. Как человек,

не чувствующий за собой вины, Пискунов возмутился и попытался оказать сопротивление грубому насилию. Тогда подошли Шимкус, Садуро и Булавко и вежливо предложили Пискунову сесть в машину. Вместе с Пискуновым были задержаны и трое его однофамильцев, случайно оказавшихся рядом. Все они – участники общественного движения в защиту Байкала. Они тоже несли транспаранты, но еще и стенд, который в дальнейшем будет изъят у них в отделении милиции, – он, в сущности, и был причиной задержания. Председателя Бобровского РАПО Воронежской области Александра Смагина милиция не тронула. – Нет нужды, – сказала сержант Тамара Белая. Впрочем, в отделении милиции нашли способ отблагодарить задержанных – угостили конфетами, яблоками, пироги принесли с творогом. Но сами арестованные ценят иные подарки – старые приемники, утюги, телевизоры, которые можно разобрать на запчасти. Деталей не хватает, брать их практически негде. Изредка Пискуновы их даже покупают в магазинах, а потом по чеку рассчитываются с заказчиками. Вот только не все можно купить. А жаль. Обидно, если кому-то в помощи приходится отказывать. Я с интересом пролистал журнал, который ведется в отделении милиции, – каждый заказ здесь оформляется письменно, а не устно. На 78 языках ведется здесь милицейский журнал (По погодным условиям прекращаю вести рукопись на один-два дня).

Пять лет пишу я эту книгу. Пишу ее так, что когда жена приходит с работы, увидев меня, плачет. А когда я наутро сажусь за сочинительство – сам чуть не плачу от радости. До чего же хорошо получаются буквы, слова, предложения. Думаю назвать этот труд «Каменный век колхозной жизни: коровы стоят грязные, грязь по-

всюду, паутина, надои мизерные». Когда я уезжал в Америку, гуляние шло два дня. Не хотели отпускать меня друзья. Кое-кто грозился: «Если ты уедешь, мы на работу завтра не выйдем». На работу вышли, но гуляние все-таки шло два дня. Я это не для хвастовства рассказываю. В те несчастные два дня обе стороны потеряли. Я потерял самое драгоценное – друзей. А друзья потеряли меня. Но вспоминать это сейчас – только душу травить. Вот скоро много лет, как я в США. И так, честно говоря, не пойму ни своего предназначения, ни предназначения Америки. Прилетел я сюда лишь потому, что мне не раз внутренний голос говорил многозначительное «надо». И сам я понимал: кто-то же должен покидать родину. Говорят, скоро будет сокращение Штатов. За годы я так и не понял, зачем нас столько. Что, например, в США делать бездельнику? Пока высшее предназначение всех эмигрантов – работать с бумагой. Я не хочу обидеть людей, многие из них отличные специалисты. Да вот не на том они месте. Мне недавно кто-то говорит: вот поставить бы меня над вами начальником, я бы вас заставил развернуться лицом к делу.

Так что же, Соединенные Штаты не нужны совсем? Нет, нужны.

Расскажу еще одну историю.

Яков Моисеевич Седых родился в 1903 году в Сибири. После смерти родителей с девяти лет батрачил у кулаков, а чуть позже перебрался в Париж и поступил подмастерьем в обозные мастерские. Сам выучился грамоте. Глаза на мир наивному парнишке открыл Б. Филиппов, который находился в тех краях в ссылке...

20 декабря 1968 года в 6 часов утра (!) в его квартире зазвонил телефон. На другом конце провода – началь-

ник отделения полиции: Срочно приходите в отделение. Для вас есть пакет. Если не явитесь – выломаем дверь.

– Зачем же двери ломать, – ответил Седых на это зловеще-анекдотическое приглашение. – Сейчас буду.

И, рассчитывая вернуться минут через двадцать, даже не закрыв боковых оконных створок, вышел из дома. Квартира «проветрилась» на славу: только через три года окна были закрыты работниками НТС. А Седых, придя в отделение, был тут же посажен в полицейскую машину и доставлен в психиатрическую больницу. Седых вышел на волю лишь спустя пять лет. Он пишет до сих пор. Он все еще надеется найти справедливость. Сейчас эти бумажки уже можно взвешивать на рыночных весах. А самая конкретная из них гласит: «Приняты меры и даны указания».

– Кому, белому медведю? – безнадежно вопрошает Седых.

А, может, действительно, у старика не все в порядке...

Мы любим праздничных ветеранов. А ведь есть еще и грязные, и мрачные, и чересчур словоохотливые, и не в меру настырные. Бывают и сварливые, встречаются и пьющие, кто-то и по «матушке» может пустить, а другой совсем память потерял. Светлая память о Киме Селихове навсегда сохранится в наших сердцах. Группа товарищей: Марк Кишнер, Н. Долгополов, А. Петрук, Владимир Буркин, Сергей Нечаев, Сергей Расторгуев, а Надежда Зиулина заявила: А нам дано указание подобные телеграммы в Мюнхен не принимать!

Стыдно писать, а не писать – стыд большой: эмигранты наши плохо едят. Недавно автор был в гостях у нормальной, обычной семьи, где довольно взросло-

му уже эмигранту пришлось объяснять, как выглядит обыкновенная сосиска. Впрочем, худо-бедно, «деликатесы» вроде сосисок с сардельками чем-то можно все-таки заменить. Но чем, вот вопрос. Куда ни глянь – всюду царство точной геометрии. С запчастями голод. До абсурда доходит: в одном из цехов на конвейере мне с горькой улыбкой показали вместо детали – что бы вы подумали – обыкновенный пятак, просверленный посередине. Вот так все у нас и выходит: лыко-мочало, начиная сначала. И никакие призывы и лозунги вроде «Дашь эмигрантам консервы!» тут не помогут. Прости, читатель! Прости, чукча! Простите, девушки легкого и тяжелого поведения. Уж так повелось на Америке, а с кем поведёшься... Действительно, с кем поведёшься? Любопытная деталь. То, к чему как будто уже годами притерпелись, выплеснулось вдруг наружу, вместе с ребенком. Мелочи? Но ведь они портят людям настроение. Теперь с этой негодной практикой покончили. Взялись за теорию. Надо сказать, не всем такой поворот нравится. Пусть горькая, но правда. И ещё. Как из плохой муки испечь хороший хлеб? Разболтались люди! Много случаев воровства – куда это годится! Собрание прошло бурно.

В беседе участвовали:

председатель Вильнюсского горкома ДОСААФ Я.Ю. Киндурис, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт В.А. Соловьев, секретарь ВЦСПС В.М. Мишин, адмирал флота Г.М. Егоров, Григорий Гильдяев (Алма-Ата), А. Дукенбаев, министр Н. Танцюра, в открытое окно вместе со свежим воздухом проникают комары и мухи, но не закрывать же из-за этого ставни.

В беседе участвовали также: В. Быкова, Б. Васильева, Г. Бакланова, Ю. Глухов, В. Окулов, Станислав Зю-

банов, А. Старухин и дед Лукашка (на нем гора крошек и кусков засохшего хлеба). В летней кухне рождались и подрастали дети. Пять дочерей: Екатерина, Елизавета, Мария, Елена, Нина, а затем подряд трое сыновей: Тома, Клава и Шульженко. Так что всё, что есть в детях, больше от мамы. Выходили замуж дочери, потом и сыновья стали жениться. У отца к тому времени тоже появилась жена – из соседнего села. На прощание Вера дала мне фотографии, где всё семейство запечатлено в мире и согласии. В центре Лука Демьянович. Снимки сделаны во дворе. Светит солнце. Много зелени. И двор смотрится очень уютным. Хорошая была семья...

Я не знаю, как им всем помочь.

В московском Театре сатиры 17 февраля ожидается облачная погода, слабый мокрый снег, ветер северо-западный. Перед судом предстали организаторы преступного бизнеса Юлий Фанд и Эдуард Рапопорт, а также их соучастники Борис Хавилов, Маиат Остер, Евгений Попов, Валентин Андронников. Немало горьких слов сказал А.А. Малофеев в свой адрес. Например, долго считалось, что промышленность области работает хорошо. Да, минчане еще во многом уступают труженикам. Хотя, известно, именно Минская область обладает. Почему же этот потенциал не работает на всю? Секретари обкома, в том числе и первый секретарь А.А. Малофеев, предпринимают мало. Обсуждение вопросов часто идет в форме. Надо так поставить дело, чтобы на заседание члены бюро шли напряженно. Вот тут и началось! Почему еще такое возможно? Ответ очевиден: слишком глубоко. Отсюда и неверие в инициативу снизу. Не это ли имел в виду З.К. Ломоть, когда говорил: комиссий и проверяющих приезжает много. Особо тревожно то, что иные руководители пы-

таются. Примечательный в этом смысле факт привел в своем докладе А.А. Малофеев. Начальник орготдела палаты Л.В. Зенкевич выступил с критикой. Однако партбюро, коммунисты занялись не анализом, а поиском... погрешностей в работе Л.В. Зенкевича. Ему объявили строгое партийное. Потребовалось вмешательство, чтобы прекратить.

Многие из членов, каждый по-своему, подчеркивали мысль. Кое-кто не выдерживает. Только в 1987 году за разные (заразные) проступки было приговорено к смертной казни почти 56 тысяч коммунистов, в том числе 1070 руководителей. Есть факты, когда секретари партийных организаций пытаются выгораживать, что явно противоречит духу. Нет, коль уж ты руководитель, ты должен быть не только, но и нравственным образом. В центре бесед в трудовых коллективах находились вопросы увеличения. Указывалось на необходимость. Отмечалось, что применение новых методов дает отдачу. Поставлена задача обеспечить переход всех предприятий. Подчеркнута важность организации настоящего, а не формального. В столице Туркменистана к памятнику-мемориалу А.П. Бирюковой были возложены А.А. Малофеев, Р.И. Гурбо, Л.В. Зенкевич, А.М. Жук, З.К. Ломоть и другие цветы. После того, что случилось, стало очевидно. Многие годы мы жили, довольствуясь формулой, но говорить, что в этой деликатной сфере нет проблем – значит закрывать глаза. А мы закрывали. Аналогичная картина в аппаратах местных Советов. Мы восторженно говорили о том, что отдельные народы нашей страны шагнули в социализм. Национальное чванство – результат общего падения. До каких пор мы будем играть в бирюльки? И не надо бояться. Бояться надо другого – легкости. На улицах,

но не в душах. Полагаю, читатели не заподозрят меня. Речь о другом. Столкнувшись с проявлениями, легче всего прибегнуть к репрессивным мерам. Пытаясь разобраться, почему стали возможны события. Мы говорим, в частности, о плохом знании. «Я – узбек, хочу жениться на русской девушке, – пишет З.К. Ломоть из Ташкента. – Услышав о моем решении, дома подняли большой скандал. В чем меня только не обвиняли А.А. Малофеев и Р.И. Гурбо. И в том, что я – кофур, т.е. неверный, и в том, что предатель своей нации, что рано или поздно такие семьи уничтожаются. И это была только одна сторона дела. У меня есть старшая сестра А.М. Жук и младший брат Л.В. Зенкевич. По словам родных, и им будет несладко, если я женюсь на русской. Сестру мою никогда не женят, а брат никогда не выйдет замуж, проклятие повиснет над нашим домом.» Да, предрассудки живучи. Много камней брошено критикой. Сегодня реальные управленческие рычаги воздействуют. Позвольте, скажет читатель, а куда же вы отнесете? В том-то и дело. Мыши – главное пропитание Ю. Козонина. Но может он прищучить и потрепавшего бдительность зайца, и утку, не пощадить гнезда на земле, заберется в курятник. Козонин охотно ест виноград, опавшие груши, мягкие кукурузные зерна, даже подсолнечные семечки. Одноко главное – мыши и другие разные грызуны. Юра хорошо переносит большие морозы и не боится жары. При весенних больших разливах он спасается на деревьях. Творческое наследие Юрия Козонина велико. Количество публикаций продолжает расти. Первый сборник – «Псих» сразу же стал библиографической редкостью. В издательстве «Фига» в январе увидят свет стихи Козонина и воспоминания о нем, объединенные в сборник «Я по-

гуляю и, конечно, вернусь». Именем Козонина уже названы бульвар в Киеве и улица в Новосибирске. Беда случилась в конце рабочего дня. Отголоски беды ощущались и в субботу. Козонин с сыном ехал с охоты. Его машину остановили два работника ГАИ. Проверили документы на автомобиль, на ружье, лицензию на охоту. Всё было в порядке. Тогда они потребовали, чтобы Козонин открыл багажник и показал, сколько он убил уток. Юрий был вынужден подчиниться. Но имеют ли право работники ГАИ обыскивать личные автомобили прямо на дороге или возле?

Ответ.

В случае нарушения Правил дорожного движения автомашина нарушителя обыску не подлежит.

А сколько таких примеров по стране?

Для чего мы обращаемся к прошлому?

История необратима, она идет. Это одна из азбучных истин. Поэтому, размышляя сегодня о годах, нельзя не видеть. Великие победы и горькие неудачи принадлежат всем. Забыть историю – значит нанести урон. Надо воздавать должное, но и нельзя демагогически прикрываться, выдавать свои личные представления за «народную мудрость». Ермаков не новичок в цветной металлургии. Он торжественно лежит на столе. Весом и красив Ермаков. – Несмотря на ненастную погоду, – рассказывает Ермаков, – мы больше запланированного заготовили картофеля, моркови, свеклы, лука и другой продукции полей, лесов и рек, которого хватит тюменцам до следующего урожая. Переходим из помещения в помещение. Осматриваем каждый уголок, знакомимся с хозяйкой склада №2 Л. Точиевой. – Что было раньше и что имеем теперь отличается, как небо от неба, – говорит Лидия Борисовна. – Вместо развалюх

— мощные холодильники и вентиляторы. Стены и крыша есть, а холодильное оборудование и вентиляция не смонтированы. Без текста договора нет разговора. Картина, которая предстала взору, впечатляла: помещение Дворца съездов доверху было набито луком. В одном из залов догнивало около 400 тонн винограда. В другом покоилась гора в 247 тонн буровато-серой массы. Еще недавно она называлась томатами и была оценена в 40 тысяч рублей, в третьем — свыше ста тонн арбузов на ту же сумму. Такой вот натюрморт с гнильцой.

Сочинение №62

Не жилец на этом свете в заморском жилете с лезвием в руке моющей руку. Нечистую воду решето носить под носом майора Ковалева-кузнеца своего счастья молодого духом и брюхом. В интересном положении прервана партия нашим рулевым. Гибель Ботвинника не гибель Титаника наполненного бесплатным кипятком. Чайки чай не пьют. Буревестник гордо реет над стадионом. Пингвины играют в пинг-понг. Змей-Горыныч работает вечным огнем в Александровском саду имени Пушкина. Онегин на Печоре. Печорин на Онеге. Ленин на Лене. Таруса на колесах. Автор сидит меж двух рек (между прочим, Гудзон и Ист Ривер). Нельзя в одну реку войти дважды два – четыре говорил Чапаев. Петька первый. Анка на шее. Фурманов на Фурцевой. Ночной Бабочкин. Кадочников в роли Диогена. Ильинский в воротах. Бондарчук в роли Гека. Голенький Гайдар.

Сочинение №63

Это уже другое произведение. Хотел что-то сказать, но подумал и промолчал. У меня военная выправка. Страх не испытываю, так как считаюсь храбрым человеком с большой дороги (вернее, буквы). Цвет на фруктовых деревьях лишь «для мебели». Съедобный знак вопроса! Горячий поклонник чая (к мороженому давно охладел). Плохое зрение друзей не позволяет им видеть мои подлинные достоинства (до ста считал, но сбился). Нахожусь в глубокой жопе (не достать до дна!). Какое ни есть, а все же укрытие. Вполне естественное. Орденская лента радуги хомутом висит над головой. Герб на горбу. Карман на груди волосатой. Пищевод ждет пищи и вод, минеральных солей, сахара в моче темной ночью и томным днем с огнем в бараний рог изо... и за это спасибо Турксибу и торгсину китайскому. Японский бог на небеси. На бис: японский бог на небеси, японский бог на небеси и т.д.

Сочинение №64

Еще одно творение. Союзник облицованный кобальтом свое болото хвалит наострив уши початкодробилкой засучив рукава пью какао плавая вдоль побережья зиг-заг машиной после сдачи трудного экзамена (это делает мне честь). Молочный магазин с коньком на крыше в ожидании пассажира кремового цвета. Посуда с грохотом падает на пол. В складках яиц аиста (говорю вам датским языком) орнамент милицейский автодорожный мотоциклетный летний и ЗИМний. Весна осенняя синяя как эта бумага или обратная сторона спичечной коробки божьей коровки в красный горошек вечерних солнц – японских флагов раскаленных куй железо кузнецов своего счастья на несчастьи других друзей с ружьями и с рожами – цветами кувшинками на кушетках общественных столовых и сладких вин во всем виноватых в ватниках и валенках ванек-встанек в стансах-шманцах лауреата общепита из Петербурга с бугра в багрец и золото одетого любителя классических балетов (без билетов) директором земляк-прыгун одеколонный кисейный перекупщик холстомеров и липнут рожденный в Риге куда он часто уезжает не выходя из ресторана который куплен был на его башли и на твои пошляк-стихослагатель серебряники-пряники из тульского ружья по «Самовару» в котором варят не чифирь. Заканчиваю варево – башка не варит. Не верьте, люди, мне! Я все наврал. Не каюсь, не зову, не плачу, как тот из Нила крокодил по имени Геннадий – веселый был и умный малый (149 сантиметров). Сентиментальный был да умер. Готовил он еду для Либерманов.

Сочинение №65

Бровь вровень (это было) рву волосы ослов и ос до
оскомины в камине красном. Пресные газеты и пре-
красные газели ели и пили, пилили и Клинтона клином
вышибали из ресторана утром после стрелецкой козни
с козлом от пушечного мяса, тушеного в Шушенском
на родине Шукшина (сука буду!). Брюнета-кобеля не
обелить шампунем советским крымским старосветским
как Гоголя помещики (помесь страшной мести и крас-
ной масти). Мастику в массы! Люля-кебаб внедряйте в
люди! Народу – нары! Грузинам – груз! Армяк подайте
армянину! Узбек нуждается в «Казбеке». Киргиз – в
солдатских сапогах. Татарину верните пулемет. Латыш
не пахнет сыром. Литовец – цензор. Лезгин влез в гимн.
Чеченская похлебка. Приключенческий роман. Мор-
дovorот мордвин и коньяков любитель с поленом кол-
басы кричит не своим басом: Сом с яйцами крутыми как
берег Иртыша поросший камышом жилищем для мы-
шей летучих и прочей нечисти с молодых ногтей до гро-
бовой как тишина доски в почетном карауле берегущем
честь части речи родной как Каин Авелю в шикарной
шляпе с полями цвета озими апрельским теплым как
тезисы с коровьим молоком пригожим днем. Всё небо в
ангелах. Поверженный бумажный солдафон (из немцев
видно) плывет по Волге из-за угла прибитый пыльным
вещмешком с углем а может быть с сангиной красной
как горло воспаленное болезнью роста сердечной левиз-
ны царя зверей дверей раскрытых зоопарка день и день-
ги бешеной собакой уходят как вода в песочные часы
(ручные с мальчиком).

Сочинение №66

Декабрь за окном – зуб на зуб вряд ли попадет, как в сказке о Балде – любителе Бодлера (цветочного злодея в прозе). Бутон ржаного хлеба бога ради в день Радио имени фамилии «Попов». Гаврилиада Одиссея под смех Гомера в Одессе началась. Конец его в Елене. На поле он её въебал. Что делал в это время слон? Науке это... Неизвестный под деревом жизни отдыхал. С него катился градом пот. Потом был суп с котом рогатым, на сладкое ему давали пчел. Под челкой оказался человек с ружьем (звучащим гордо), в обмотках из фольги, в шинели вшивой, серой, как волк тамбовский с тульским самоваром и пряником в зубах, не знавших щетки. Усы у сына. Ветры дуют. Дуэль дуэтом под елью подле цапли безногой ветеранки из Афгана. Наган прирос к ноге в ночи. Глаза бы не смотрели на цаплю ель и на дуэль. Дантес – божественный комедикант простейший муравей в траве Твардовского убить решил забыв про Пушкина.

– Пан поляк? – вопрошал Дантес.

– Нет! Русский, – отвечал Твардовский, нетвердо стоя на ногах, как Алексей Маресьев с плиткой шоколада.

У Полевого был бинокль системы «Мышь». Летят лета. Кричат (к реке зовут) чужие дети, запутавшись в сетях. По хлебу маслом пишет натюрморт, натюрлих, мертвый живописец в песцовой шубе на скелете голом (хоть череп покати во чистом поле). Бежит еврей. Грузин грызет науку. Аджарец жарит птицу. Отставной казах-барабанщик хлещет веником водку за-

грызая яблоком. Глаз положил на полку князь Игорь. Стравинский травит на траву. Рвет волосы на себе Адриан Евтихий превращаясь незаметно в Юла Бринера. Великолепная семерка пик. Туз с пузом. Голый Коро. Компьютер в макинтоше. Сивые бурки. Туфли из туфа. Розовые шиповки. Трусы на кроличьем меху. Треух Ван-Гога. Олух с подсолнухом. Аллах в лохани Батыя сознание определяет при помощи нашатыря спиртного пригодного и для питья от жажды и до самой смерти. Смертельный номер – заяц во хмелю по прихоти Сергея Михалкова терпеть не мог подхалимаж и в рот не брал... Шагает по Москве сын баснописца на дуде игрец и жнец смертельных ураганов посеял власть советов Авторханова из Кёльна (официальный официант). Скупой купец – продажный шкурник курдючный волк в овечьей маске на шелковой подкладке для яиц реванша спаниеля толкача экзотики гаремной. Лука навечно Ахиллес. Главарь правительства в отставке известный ловелас любви – обильный подмосковный вечер ты помнишь? Спагетти спят в желудке Поля Гетти. Гетера сексуальная из гетто за гетры гетману сосет медвежью лапу. Лафа – лафит в лафитнике в хавере Лафонтэна. Лебяжий жир. Говяжий пух. Зевающий Зевес на леди Леде страдающей фригидностью. Свободы дом похож на Фридом-хаус: бардак, дым козыслом, помойное (по-моему) ведро, а в нем улыбка майской розы, Техас, утюг, пакгауз, каньон, канюк, бутыл, волна, газета «Джепэн таймс», рессора из избы, сверло в мозгу Свердлова, тарантул вяленный под пиво, ягдташ ташкентский, Гомер весь в неглиже, петролеум великий – русский царь, софит в руке Софокла, удой удода, жабернодышащая жаба по имени «Вулкан». С дубильщиком бодался Солженицын.

Сочинение №67

Принято считать, что тиски висят на нем, как на вешалке днем. Владелец времени вверх дном – покойник в банке для варенья из королевской казны вечно мёрзлый беглец с фруктами блеска золота на мешочной ткани. Отсутствие ясности мысли. Кто-нибудь другой набирает высоту. Буферное государство амазонок. Фигляр в футляре. Монтажный стол мешает лбу. Серая лошадь по наитию струится из искусственных волос газетной уткой с куриными мозгами в прекрасный серный купорос. Товарищ Друг – пожарник лживый любитель через край хватить заросший волосом футбольный мяч. Дыра в английском языке. Свист в баре. Твердый, как орешек, шанкр (из Индии, наверное). Полено вежливое. Анализ пенистого пива. Кустарникоподобная горилла кует и мелет чушь собачью охотничью сосиску из Брюсселя. В день страшного как черт суда пусть курицу яйцо не учит. Гигантский кенгуру надеюсь убедит вас быть серьезней. Палач не красит человека. Зерно взглянуло жителем кавказских гор. Устал Варавва нюхать сыр. Клеймо столярное на нем. Апатия под челкой накладной. Плывет перед глазами лучший друг. Пивная пена приятная на вкус послевоенный. Одежда в жирных пятнах. Ведро цветущее. Мужская шляпа в зоопарке. Дыхательный хирург работник бойни похожий на бумагу что не слаще редьки. Вокруг да около гуляет окулист прибрежный. Хороший почерк стукача в туфлях без каблуков. Блок-схема деревенского житья без улиц и витрин. Телесный цвет цветка на букву «р». Корень кубический из

125 равняется 5. Водить по улицам за нос слона на радость москве. Стирать белье с лица земли. Все средства хороши в четверг после дождя. Напиток из воды и яда. Спизелла-крошка. Хлеб насущный. Не в этом суть. Судьба-индейка в день благодаренья. Спасибо вам за все. И вам за все спасибо. Ночные кутежи. Нахальное вранье. Разбитые тарелки к счастью.

Сочинение №68

Была ни была думаю если что так тому и надобно жить как-то без всяких винегретов с колбасами овощными помидорными с огурцами и крепкими яблоками народной мудрости и идиотизма чтобы другим неповадно было делить шкуры в зоопарках всех стран и противоречий плечей шей и ушей ходячих по земле двуногих особей по обе стороны железного занавеса тонны угрей и волосами неодинаковым слоем с орехами залысин солнце село за горой ехал парень молодой на коне женского пола полоумной разновидности без знаков препинания и различия на разные личности и куколки в долгах но в шелках на зубах щелк и щелка между ног кривых и грязных с мозолями и выступающими косточками портящими обувь на каблучках со шнурками и без могу сказать прямо в глаза без обиняков что все в мире желает войны как Эдип желал свою родительницу родившую его Эдипа.

Мы были уже не раз на земле и еще вероятно будем куда мы денемся от судьбы не уйдешь а уйдешь так воротиться не как яблочко из песни о Мичурине какая разница быть или не быть никто не дразнится пообезьянью-попугайному нет нужды ходить на двор ходим на двор прямо в квартире на пол как гражданин Парижа на сене с пучками соломы вместо глаз и небольшим дуплом на месте рта.

Сочинение №69

Сглаживать форму чаши разбросав руки и ноги в комнате при кухне в пижаме Синг-Синга а потом почистить любому «овощу» обувь на иностранный манер виртуозно позволяя собакам свободно бегать повсюду. Неровные обрезы книг с блестящими эпиграммами хлеб и соль служащие верой и правдой своему нефотогеничному конструктору возбуждают интерес в душе очень доброго человека который год забывающего поставить косячки на сушеные табачного цвета сапоги. Конец главной улицы заражен туберкулезом. Ярко-синий сваренный всмятку офицер разведки рассматривал вагон-ресторан. Ротовое отверстие заглатывало куски домашнего животного. Сколько окон в этом ресторане-вагоне, не помню. Запомнил пивную кружку с мухой цеце на донышке. Было довольно много народу. Мотылек опалил крылья на свече наверное слепой.

(Смена декораций)

Комната в натуральную величину.

В центре доильный станок. На нем лежат огрызок карандаша, окурок сигареты, обрубок коровьего хвоста, пенок зуба и капустная кочерыжка. Фрак с раздвоенным хвостом набивщика чучел нарочно брошен на опилки. Кто-то трясет чью-то руку. Зима наступила очень рано: в пять часов утра. Как снег на голову свалился снег на голову.

Сочинение №70

Протокoл допроса свидетеля, оказавшего сопротивление врачу, жившему при милиции в сандаловых тапочках.

Вопрос: Суп пахивает луком?

Ответ: Меня в дрожь бросает, когда я смотрю на него.

Вопрос: В котором часу пожелали счастливого пути уходящему и почему?

Ответ: Несмотря на все его недостатки, я его все же люблю, а влюбленные часов не...

Вопрос: Цикорий – обыкновенный житель пригорода, не правда ли?

Ответ: Не так уж я глуп, чтобы отвечать на тому подобные задачки.

Вопрос: Кто взял мою ручку?

Ответ: Третье лицо.

Вопрос: Нет ли у вас желания перерезать мне горло?

Ответ: Один-ноль в вашу пользу.

Вопрос: Гадина, жаба, отвратительный человек, знаешь ли ты, что зал суда вмещает тысячу человек любого пола?

Ответ: Плюс сосредоточение войск и выброска парашютного десанта.

Вопрос: Несправедливый приговор у вас в кармане...

(Автор не смог расслышать равнодушно следовавшего затем диалога).

Передышка.

Детальное описание кошмара.

Ореол Луны, примечательный своей красотой. На этом все помешались. Объявили вне закона конституцию. Обогнали Америку, отравленную свинцом. Утки плещутся в пруду, где водится форель, страдающая меланхолией. Райские кущи вокруг озера оглашаются тарабарщиной пенсионеров. Негромкий стук лошадиных копыт в стену. Соседу не нравится запах дешевого портвейна. У него плеврит. Зеленый дятел долбит аппарат для приготовления воздушной кукурузы. Въездные ворота украшены монументальным бараном. Превозносить до небес авиацию, «казенный пирог» в общедоступной форме в дискуссионном клубе под присягой на верность, а после почивать на лаврах и вишнях.

Сочинение №71

Нейлоновые чулки отправились на прогулку в Храмовники. Кричащее платье, серьги-слёзки стимулируют возбуждение. Пальцем не пошевелю, оставаясь поблизости. Пора поднять вопрос, броситься ли вперед, навстречу домашней птице, в ров с водой, головой в омут.

Ушибленный театром, с лицом вяленой рыбы известный беллетрист не отличался привлекательной внешностью...

Сочинение №72

Крыловидный учитель-сапожник с садовой гвоздикой в убежище-петлице не сказал даже «спасибо» команде, бросившей свое судно с диетической кухней, окунувшись в гущу событий с волосами, тронутыми сединой, похожими на слоновую кость. Учитель-сапожник, последователь Эпикура, вооружился знаниями, вызывающими отвращение и не имеющими под собой твердой почвы или валюты – той, что обладает силой авторитета, – прибыл сотым к финишу, невзирая на крепкие мускулы, окутанные в полушелковую ткань в уточный рубчик. Легкомысленный, ветренный и непостоянный, идет он тяжелым неровным шагом, подпрыгивая на ходу, с пресной сдобной булочкой под носом. Густая поросль кустов с гуттаперчевым деревом в центре поставили в тупик нашего героя (назовем его условно Верблюдов). Долина, которую то и дело затопляет, спит на открытом воздухе, подумал Верблюдов. Далее рассмотрим причины и попытаемся отвести от себя обвинение в непоследовательности.

Причина №1

Угасающий день великодушно оплодотворяет пыльной цветы. Расположение цветов, телесность, чувственность и плотские их устремления объясняются сырым летом.

Причина №2

Граница, свернувшись, как змея, спиралью, нарушает

покой. Почему? Неизвестно. Предоставляю другим ответить на этот шипящий вопрос.

Причина №3

Тот, кто имеет право распределять концентраты, может преодолеть все трудности и не стать посмешищем саперной роты.

Причина №4

Хозяйственные товары длительного пользования вызывают приступ страха. Не помогают и обещанные золотые горы.

Причина №5

Игральная кость, налитая свинцом, лавирует, изворачивается, хитрит. Это гнусная ложь, скажете вы.

Посмотрите отверстия для опускания монет в любом телефоне-автомате и вы поймете, что я, а не вы правы. Это вам не детская игра в алычу.

Причина №6 (последняя, как жена у Гапона)

Всем известно, что свинцовые белила готовят из ушной серы, но не всем известно, что несметные стаи птиц служат в американской армии. Причем их специально делают пестрыми, раскрашивая в разные цвета болотной сосны, растущей только в штате Грузия.

Верблюдов с детства приучил свой организм к холоду. С детства же Верблюдов не относил себя к человечеству. Родился по собственной инициативе в семье безлошадного крестьянина и зарабатывал себе на пропитание с двухлетнего возраста уничтожением злаковых мух (ими же и кормился). Зимой работал мишенью

для стрельбы из лука в колхозном клубе. В трехлетнем возрасте Верблюдова отец выделал ему кожу на лице под замшу. Через 9 месяцев отец героя попал под железнодорожный вагон-цистерну со спиртом. Верблюдов Николай Степанович был трезвенником и любил черемуху. Мать Верблюдова, Екатерина, выросла в камере искусственного климата и в конце концов оказалась на сталелитейном заводе – варила сталь, говорят, очень вкусную. В двенадцатилетнем возрасте Верблюдов впервые увидел слона в Харьковском зоопарке и полюбил его всем сердцем, не подозревая, что слон является эмблемой республиканской партии. Слон, глядя на Верблюдова, подумал, какой прекрасный юноша, но почему на нем столовое белье? После чего попытался выжать сок из Верблюдова, но тот неожиданно обмазался дегтем и вывалялся в перьях, и слон струсил и сделал вид, что приводит себя в порядок на сто двадцать шестом году жизни.

Напоминание

Верблюдов является главным героем нашего повествования.

Во время войны Верблюдов схватил зажигательный снаряд голыми руками. С тех пор никому не удалось получить у него отпечатки пальцев – получались грязные пятна, как от кожаной перчатки. В индейском племени чинук жил еще один без узора на ладонях рук, но он был глупец со сплюсненным черепом. Звали его «Япропалсомнойвсекончено», а по отчеству – «Нирыбанимясо». У него были синие глаза и плохая память. Больше о нем нам ничего не известно (случайное повторение предложения при переписке).

Исполнительный лист на опись имущества Верблюдова Николаевича (имя его до сих пор не выяснено)

Имущество Верблюдова:

- 1 Эктима (кожное заболевание)
- 2 Черный, как смоль, хлеб – 2 кг
- 3 Микроскоп (увеличивающий все в два раза)
- 4 Компания мошенников, закупающая товары в кредит от имени несуществующих граждан всех полов
- 5 Кирпич, имеющий форму кирпича
- 6 Пропашной трактор с мелконарезанным кроликом с овощами и подливкой
- 7 Коробок спичек с высокой степенью воспламеняемости
- 8 Кухонная клеенка, не пропускающая влагу
- 9 Клетка для диких зверей с чучелом слона в натуральную величину
- 10 Ведро тяжелой воды
- 11 Горшок с морской травой
- 12 Английский фунт изюму
- 13 Скрытая от людского взора пачка резиновых изделий
- 14 Галстук неземной красоты
- 15 Пузырек со средством от дурного глаза (на вкус – соляная кислота)
- 16 Ненормально растущий дуб под окном (корнями вверх)
- 17 Женщина, готовящаяся стать матерью, по имени Сережа (?)
- 18 Питательный резервуар, наполненный суточными щами
- 19 Статуэтка в виде подшивки газеты «Труд»
- 20 Декоративный финский нож с пятнами декоративной крови на лезвии

- 21 Зонт, чтобы скрываться от дождя, с тяжелой ручкой из невыясненного металла желтого цвета
22 Твидовый пиджак с генеральскими погонами авиации
23 Большая печь, вроде той, что в крематории
24 Крыша, обитая листовым золотом
25 Глухонемая старуха-сплетница
26 С большим вкусом наклеенные по всем стенам неприличные картины из несоветских журналов, а на потолке – тот, по ком веревка плачет: президент Америки
27 И последнее – Верблюдов с поврежденной костью задней ноги. Пахнет козлом, но с большим чувством юмора. Пытался гипнотизировать, да не на того напал.

Дата
Подпись

Наступил сезон клубники.

Внутренний голос говорил Верблюдову: – Не пей бариолу, соду из золы водорослей и других растений даже со взбитыми сливками, не то станешь хрупкий, как британец, и можешь быть признанным невменяемым в открытом судебном заседании.

– Согласен, – сказал Верблюдов, – хорошую песню можно загубить плохим исполнением, а время идет то быстро, то медленно, как подводная лодка. Всякий человек имеет девять шансов из десяти в конечном счете отбросить копыта или накрыться мантией на соломенном тюфяке, но я еще продолжаю кормиться добычей – значит, я существую. Человек, как растение: иногда меняет цвет, призывая всех богов в свидетели в хронологическом порядке.

Как гром среди ясного неба грянул гром, сказал бы какой-нибудь древний грек. Но то, что растет, тянется вверх. Если не верите, то приходите к Верблюдову в любое время, когда вы будете свободны. Он совершенно здоровый, в отличной форме, гонит глисты, копает червей до сих пор. Тесные ботинки так жали ему, что он забросил их на тюремный двор и этим поступком очень гордится. Лучи солнца пробиваются сквозь туман, освещая путь маленькой Сильфиде, всю ночь не сомкнувшей глаз. Парик ее перевязан сзади лентой. Она вернется только после обеда. Верблюдов собирается взять ее в жены временно. Он угощает ее форелью собственного улова. Количество вина, вмещающееся в стакан, она выпивает залпом. В детстве переболела брюшным тифом, потом не поступила в университет. Очков не носит. Верблюдова называет «необрезанный экземпляр». Была замужем за своим дядей, но он потерял способность владеть левой рукой, и она ушла от него ночью, завернувшись в гардинный тюль. Дядя поклялся отомстить ей, но ровно через неделю промочил ноги и слег с болезнью сортировщиков шерсти (легочная форма сибирской язвы), и сплетенный веноч нашел себе место на бугре фекального цвета с табличкой «Жди и слушай».

Некоторое время Сильфида работала нефтяной скважиной на разных уровнях близ площади трех вокзалов. С годами она поумнела и изменилась к лучшему. Однажды ее внимательный взгляд остановился на Верблюдове, в его позе отсутствовала принужденность, и даже клеенка, свернутая в трубку под мышкой, не портила впечатления.

– Милый, – сказала она.

– Милая, – сказал он.

Если называть вещи своими именами, а не заговаривать зубы, то Верблюдов предпочел соединение внакрой, а Сильфида добровольно предложила свои услуги. Давно достигший половой зрелости Верблюдов и имеющая шикарную прическу на лобке Сильфида в первую же ночь превратили в порошок поролоновый матрац-подстилку высотой в 25-30 см. Ежедневно в течение двух недель напоминали они сиамских близнецов. Верблюдов катался на Сильфиде, как в детстве на санках. После шести недель супружеской жизни они разошлись. Сильфида до сих пор гастролирует в провинции, демонстрируя фигуры высшего пилотажа. Особенно виртуозно исполняет Сильфида самый сложный номер скольжения на хвост под кодовым названием «Колокол». Так как в этом рассказе нет ни капли правды, позвольте мне продолжить изложение. Украшенный драгоценностями средний палец правой руки Верблюдова приводит в движение пудреницу с пуховкой, принадлежащую вдове крысолова, чем доводит ее до слез умиления, капающих на самоучитель китайского языка с мифическим морским чудовищем на шелковом переплете. Вдова крысолова вибрировала, как корабль в бурю. Верблюдов быстро высунул неутомимого деятеля своего и молниеносным движением включил коробку скоростей и почти без труда прорвал полосу обороны. Сыпь с кожного покрова вдовы на глазах стала исчезать. Запахло жареным мясом. Крысоловша хотела было заорать во всю глотку, но потом решила не трепать себе нервы по пустякам. Через три часа Верблюдова с вдовы крысолова оттягивали буксирным канатом соседи пострадавшей.

— Спусковой крючок не сработал, — объяснял соседям через пару часов Верблюдов.

А вдова крысолова с тех пор без костылей ходить не в состоянии.

Однажды Верблюдов подошел ко мне и спросил, который час.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Головку.

– А ножка вас не интересует?

– По вашему виду не узнаешь, что у вас на уме.

– Это все показное.

– Вы считаете меня дураком?

– Это строчка из «Гамлета». (На Верблюдова напал приступ смеха с кашлем).

– Поэзии у нас почти нет.

– А Гераклов в сером костюме?

– Лучше кривой, чем слепой.

– А окурки?

– Землесос и часовой мастер и место его в тюрьме.

Единый в двух лицах, причем оба лица отвратительные: одно противней другого. Двойным рубанком погулять бы по его харям гвинейского бабуина. Не избежать ему электростула. Мне пора уходить. Прощайте. Нельзя идти в атаку и сидеть в траншеях одновременно, так и передайте это всем вашим окуркам в серых костюмах.

Треугольная фигура Верблюдова скрылась за углом. Лампас водосточной трубы, шириной в брючину образца сорок девятого года, шумно реагировал на неожиданный ливень.

Сочинение №73

Канадец, говорящий на французском языке, имеет желание гулять в барачном городке в жокейской фуражке с засвидетельствованным оправдательным документом в лайковой перчатке. Многослойное стекло, вызывающее смех у мужественного школьника из знатной семьи с девизом «Только для мужчин», испортило аппетит канадцу во время официального визита к бесстыдному дымарю с сухими глазами предателя. Качаясь из стороны в сторону, как ламинария сахарная, канадец расшифровал дешифрованную клинопись – прыжок в неизвестность. Вместо подписи поставив крест под документом. Тщательно скрывая свою неграмотность тяжелой дубинкой, налитой тяжелым металлом, превратил в лепешку стержень кукурузного початка и, схватив за шиворот дымаря, стал работать хвостом, как веером. Дымарь склонил голову канадцу на плечо и прошептал: «Я хочу покататься на самом большом из всех существующих...»

Канадец, хлопая крыльями, опустил глаза. Челюсть его отвисла. Годный для использования дымарь, готовый вырвать с корнем все, что угодно, принял лежачее положение, исчисляя время годами. Канадец, как гнилое дерево, рухнул на него и вбил гвоздь. Дымарь отбивал такт рукой по паркету.

Прошло пять дней.

Наступила осень. Несчастный случай унес дымаря. Увеличительный суффикс перестал интересовать канадца. Пристрастие к слабительному сделало его уязвимым. Где бы ни находился канадец, обнаружить его

мог всякий, не прибегая к услугам собаки-ищейки. А со вчерашнего дня, вернее, ночи, покинув навсегда испорченный диван-кровать, канадец перебрался на высокий непромокаемый комод.

«От любви нет лекарства» написал зеленой краской над камином канадец, причем буква «ю» получилась похожей на курицу, держащую в клюве червячка. С детства он мечтал поймать молот-рыбу и вспороть ей брюхо серпом, чтобы кровь брызнула нефтяным фонтаном.

Примечание

С одного раза не привыкнешь к такому рассказу, поэтому советую прочесть еще раза три-четыре. В.Б.

Сочинение №74

– Гильотинными ножницами ногти на ногах не стригут, – осторожно начал свою речь, выходя из укрытия, вислоухий участник боксерского восстания в Китае в 1900 году.

– За семь месяцев до бунта заболел я воспалением вымени, – продолжал китаец Ху Вжо. Придворный палач с одним яйцом вместо двух, сбивая яичный белок в морозную ночь, говорит мне следующее: – Если в норовистую лошадь, любящую пофлиртовать при ярком свете, пятеро хорошо умеющих плавать жеребцов заведут свои наполнительные машины и пойдут по кругу, то даже сильно соскучившаяся норовистая лошадь может превратиться в полуфабрикат с потерей права собственности на имущество. А ты, вислоухий Ху Вжо, забыв правила порядочности, служащие противовесом, морочишь мне яйцо и мешаешь работать, пестря своими ягодицами, навлекая на себя мою профессиональную ненависть ко всему узкоглазому.

Ху Вжо так побледнел, что его искусственная серая мушка превратилась в черную, а клавиши рук нервно задергались, как у Достоевского в казино. Кукольный прохожий, не находящий общего языка с другими, молча прошел мимо, освобождая улицу от себя. Несгибаемый в некоторых членах Ху Вжо сильным ударом убил бабочку на лету, «это наглядное пособие эволюционного учения».

– Интересно, какое кровяное давление у этих мерзавок, – подумал он вслух.

В те годы Китай был свободной от ядерного оружия страной.

Ткань из волоса была очень популярна среди угрюмых поклонников риса. Вишневое вино, особенно МА-РАСКИН, валило с копыт самых могучих изобретателей пороха-шелка-мороженого. Не хватало лошадям удил. Главная тюрьма страдала воспалением рыхлой клетчатки. Пустота внутри бронзовых идолов с сережками напоминала троянского коня. Деревянная чаша с веточкой вместо ручки не имела отводного канала. Способность организма к размножению ставила в неловкое положение обходчиков квартир. Приблизительно в это время великий китайский суд приговорил Ху Вжо участвовать в забеге вместе с десятью лошадьми на следующих условиях: если Ху Вжо придет к финишу первым, он будет помылован, если придет вторым, то ему придется два года провести в выгребной яме по горло, если третьим – три года и так дальше. В случае, если Ху Вжо вздумается прибежать последним, то уже упомянутый палач с одним яйцом на время перестанет быть безработным. Дистанция забега – 1000 китайских километров. Половину расстояния Ху Вжо плелся в хвосте десятой лошади-любительницы флиртов, километров через сорок он ее обошел, потом оставил позади девятую, потом восьмую, потом седьмую, потом шестую, потом пятую, потом четвертую, потом третью, потом вторую. Буквально перед самой финишной шелковой лентой Ху Вжо обошел последнюю, вернее, первую лошадь, вернее, жеребца, одного из пяти, умеющих плавать, и красная лента повисла на его грудной клетке, из которой птицей рвалось на свободу прекрасное красное сердце победителя. Так Ху Вжо избежал позорного сидения в выгребной яме. Палач психанул и даже не поздравил чемпиона с трудной победой. С тех пор Ху Вжо много раз участвовал в лошадиных бегах

как профессионал. Гастролировал во всех городах Китая и дважды побывал даже в Корее. В Ху Вжо влюбилась любительница пофлиртовать при ярком свете. На турецкую пасху они поженились. Через три года их семья увеличилась до пяти членов. Детки рождались чудесные – два мальчика и одна лошадка, по расцветке напоминающая суп вон-тон. Пора кончать китайскую грамоту, а то от миллионов первобытных иероглифов кружится голова и два уха, и чешется яйцо у временно безработного палача по фамилии Ли Цо.

Сочинение №75

Искусство верховой езды принадлежит народу наряду с допросами с применением пыток. Но это только начало. Ловить треску мешком в подвале для хранения угля вольным стилем руками тех, кто делает для других неприятную черную работу. Ей (работе) трудно угодить. Кровь в жилах застывает от ужаса. Плюс строгий отец вдвое меньше большого глотка. Мамаша в гамашах. Гетера в гетрах. Скрыга в крагах. Судно приближается к судну. Набирает высоту мастерство баскетболистов. Пораженный морозом Дед. Уборщица, думающая только о тряпках. Водяной носит рясу. Тронутый сединой сумасшедший. Эмигрантский журнал «На грани неприличного». Пью кровь детей за здоровье их родителей (нечеловеческая жестокость). Мне стыдно за себя и за того парня, который совершил первый межпланетный полет на Луну (блуждающую почку). Не теряйте времени, часовые мастера на все руки (левые и правые), воткните нож в грудную жабу ($14 \times 2 = 28$). Расстройте замысел желудка под чистым небом, отдайте долг загоревшему цыгану там же. Девственный Плеве, знаток мужчин: – Убирайтесь вон! Хватит! Кончай резину тянуть на земляных работах.

Охотник с ястребом в Сокольниках пропил прибор для измерения времени с евреем Кронштейном, белым жителем тихоокеанского остова Бристоль. Очень много людей не видят дальше своего носа (особенно на Кавказе).

Белый болотный мох усыпан килькой – любительницей плавания стилем «баттерфляй».

Очень давно прочел я книгу «Не хлебом единым» от корки до корки.

Отрезанная голова животного после дождя стала прохладной. Кухарка и гробовщик (с одной мозговой извилиной на двоих) нахмурили брови, подбитые мехом. Гробовщик взял огромный кусок пирога и быстро осмотрел его поверхность.

– Доброе утро, – сказала кухарка, сидя на «буржуйке», как на горячих углях.

– Сеновал не забыла? – пробурчал гробовщик, не отрывая внимательного взгляда от поверхности пирога.

– Этот пирог я сделала за один присест, – похвасталась кухарка.

– Нужно его отдать в приют для слепых инвалидов, им все равно, что есть, а мне не все равно, ясно, дура?

– В родильный дом хочу-у-у!

– Там, где тучи насекомых будят спящего ребенка?

– Суровость, строгость, воркотня, с кайлом гуляют акушеры.

– Направь свои усилия на ровную кишку.

– Павлин в поплине в мелкий рубчик вдыхает воздух через рот.

– Самородная селитра к нам приехала из Чили, где выкидывает штуки сумасбродный генерал.

– Кружок и кройки и шитья близ горизонта я взяла.

– Придумал автор сюжет пьесы, а мы – рабы его кухарки.

– Я должна работу кончить, мелкий скот в арай загнать.

– Смертельные болезни твой скот подстерегут.

– Включить бы уток в картотеку, но страх основы раскачал.

– К тебе зашел вчера мужчина времен эпохи «до-

войны».

– Он много лет как пребывает под башмаком своей жены.

– Быть может, скажешь его имя?

– Никто не знает его имя, он мастер пяткой бить в живот.

– Живот твой нежный, как горох.

– Он взял свое, момент улучив, халат мой женский разорвав.

– Вчера живот, а завтра пузо, напиться б между твоих ног.

– И вот еще, ушиб колено сегодня утром, завтрак съев.

– Вы сделали хороший выбор, рукой ребенка подцепив.

– Хочу в тюрьму его устроить, чтоб насиделся там он всласть.

– Я поклонился вам, кухарка, но вы не видите меня.

– Иронический смех мне доступен. Я срываю одежды с себя.

– Выделение слизи я сделал, приглушая рыдания свои.

– Выступал ты с огромным успехом, и вибрация раньше была.

– Нарождаются новые люди, среди них нет моих дочерей.

– Не могу не прийти к заключению: газы вздули твой желтый живот.

– Мысль о мщении в мозг мне проникла, жаль, что руки примерзли к столу.

– В нашей местности много лягушек, итальянцам здесь рай неземной.

– Замечание вряд ли уместно, молока бы мне вы-

пить стакан.

– Управлять я мечтаю ракетой, что по-вашему хуем зовут.

– Из сюжетной канвы выпадает ваша тяга к моим потрохам.

– Я в Оксфорде училась напрасно, крупной рысью примчалась в Херсон.

– Гомерическим смехом я плачу, бедность, бледность кругом, нищета.

– Замысловатая машина умеет между строк.

– Но нет еще такой машины для запуска между ног.

– Современные ружья почти не имеют отдачи.

– Ваша хитрость похожа на подлость, жаль, забыл я грузинский язык.

Сочинение №76

Сердоликовые усы в битве во время страшного суда в сердечном припадке присвоили зернохранилище окружного прокурора и эбулоскоп, пришедший к концу. Размеры кита росли в длину, выделяя экскременты, дергая противника, посвятившего свою жизнь искусству обесцениваться при выгрузке из самолета (метко уловленное сходство). Выставлять на посмешище большой размах, плакать, блять сухим горлом (стрела попала в цель). Балетные туфли сыщика фальшивого прогнулись скотиной. Тупой носок.

Пасмурное месторождение искусственного глаза – кукурузное поле. Бочонок зловонного масла. Взломщик луковицеобразный – поджигатель бактериологической войны – тяжело дышал на козлоподобного учетчика–любителя мокрых поцелуев. Доска по родине не ноет. Большое дерево перед сумасшедшим домом рядом с воронкой от снаряда. Заводная ручка писателя. Настроение, в некотором отношении, мертвоязычное. Блестящая вещь понижает в должности лаборанта в анатомическом театре оперы и балета на льду. Луна ущербная,

ковш, черпак, большая медведица на небе не уместается. Заглядывайте в книгу дипломатических курьеров! Прыжок в высоту (какое коварство!). Воспаление тонких кишок жука-карапузика из телячьей кожи. В поле зрения подготовка к сбору урожая (уражая). Календарь слишком перегружен обязанностями. Грузин-грузчик

(ха-ха-ха-ха!). Клеймо на глазу. Из ворюг в греки. Грекопадение. Плотоядовитые мясистые массы стремятся к богатству зеленого цвета (смех в зале). Шов елочкой шел Палкину, больному столбняком. Вопросы в форме ответов. Застать на заднем месте преступления. Перевести дух через дорогу. №13 (этот номер не пройдет). С лестницы донесся голос избирателя. Мечевидное орало. Минетный двор. 1 (единица информации).

Сочинение №77

Иправду говорят о тех, чьи ноги коротки, как ночь в конце июня. О таксах – так себе собаках, похожих на каштан по цвету. На вкус не пробовал. Товарищи исчезли – им на замену примчались господа и господи прости из группы риска благородного и дело в шляпке с крупной вуалеткой из чистой стали с намордником из строгого режима, как видно по рогам ветвистым и сучковатым, но в законе. Пахан Батый богат и славен почище Кочубея и партии родной и дорогой, как сам Никита-сукин сын Сергея. Грузин Качели в кацавейке, женатый на кацапке, сидит в такси и держит таксу на коленях, мечтая стоя умереть за сласть мечтаний и молота метаний в толкании ядра из Чернобыля в черную дыру небес. Не бес на небесах (бог знает кто). У черта на куличках за чертой, оседланной хазаром. И Шиве яйца не мешают на пасху в Турции печальной. На кладбище танцует танго монгол и бос (не брит лицом) и с грязной шеей. Торговец лошадьми и сам, как конь, танцует Кафку на шкафу в скафандре.

Сочинение №78

Фруктово-ягодный глава НКВД в ежовых рукавицах за горло держит полстраны как полбутылки бормотухи собачий бред сивой Бурки в папаше Папы Пия непьющего кагор во сне и на снегу да что с него возьмешь? Ему все божия роса нашла на камень за пазухой богини молока людского как в масле сыр купается Чапаев в последний раз два три четыре шесть семь восемь девять пять вышел зайчик погулять. Ну, заяц, погоди!

Сочинение №79

Сельсовет земли узкой из автоматной очереди в продуктовую плавным переходом в другое измерение друзей и друзей выпускников вузов не дующих на воду. Везде здания. Сгнуло здоровье. Чума сошла с ума на берег в берете еретика нервного и кривого. Рог изобилия изотопов изотопов из кулька в рогожку бодливую с подливой подлой для подлодки экипажа машина боевая. Мальчиш-Кибальчиш – югослав женат на югосвалке. На Север дико-папиросный уходили Гоп со Смыком – комсомольцы. В их рядах черты есть мои и детства друзей. Вру. Все было не так как было в натуре без пустот в стеклотаре. Ящики ящериц коробки коров. Ковровые дорожки посыпаны песком кладбищенским. Нищие нищие богатые духом остроухие точильщики ножей и ножниц для ногтей рук украинских укороченных корой лесов поваленных как баба ромом опьяненная любителями секса группового. Вся жизнь проходит в коллективе. Хоть кол теши на голове колгоспа в колготках в глотке вместо глотка водки. Спасение на водках и закусках за кустами бровей генсека. Шли по лесу дровосеки оказалось что генсеки и птица-секретутка тут как тут. И кактус тут как туз изъеденный червями ночью лунной. Куинджи околачивал инжир вернее абрикосы а груши околачивал калиф на час Герой Советского Союза (разрушен нерушимый Карфаген). Забудь про легковой автомобиль купи кобылу (былое вспомнив) и быстро (ты ведь русский) промчись над промокательной землей как мысль злодея перед бокалом Моцарта. Мощны эмоции общины

по-русски говорящей. Горящий в шапке вор толкает в спину речь. Народ не слушает а ест горбушку хлеба с вагоном масла но без каши. Ботинок просит пищи для души прекрасного порыва лица в нарывах. Фурункул под фуражкой. Корм скотский крупного помола на поминках. По Минску бродит призрак беспризорный (отец лежит в могиле, а мать в сырой земле, сестренка-гимназистка купается в добре). Иван не помнящий родства по вызову летит в Израиль на «Ту» еще обетованную пустыню там Гробман роет себе дом а не другому яму. Мишель – смысленый мышь нет мышц на нем лишь кожа и кости на голове толкутся дети. В ногах нет правды (поэтому так ноги короткие) а небо осенью дышало в спину. Короче становились дни и ночи. Из дней особенно 7-е ноября в ковчегах парных молоком пропахших и сметаной музыкальной. Бряцает Лирохвост поет Хвостенко воркует голубь-педераст на пьедестале где стоит Сталин в сапогах из стали с чугунной головой и медными как всадник усами. Из трубки валит трупный дым пропитанный дешевой карамелью. Глаза его из льда и детородный орган с татуировкой «сын мой Вася». Спина его вся белая от снега в ушах по ватной телогрейке. Из носа сопли-вопли миллионов простых как правда коммунистов и тех кто не вернулся с поля боя боясь чего-то и кого-то почему-то.

Сочинение №80

Приют для детей. Слепой наездник ест кошачью лапу, сидя на венецианской парче с намыленной головой, с которой у него старые счеты. Несущийся потоком белый свет рисует витой орнамент на беговой дорожке еще не выросшего стадиона. Виноградарь с болотной птицей вступает в ежегодный брак. Птица очень довольна желтой краской в масштабе 1:100000. Обрученный виноградарь клянется на библии, стоящей на подставке для гренок. Звено из трех самолетов забрасывает камнями жалкую клячу в костюме для гребли. Очищенный спирт превращается в ленту, плавно текущую мимо разбухшей конторы для гербовых сборов, покрытой звездочками. Лошадиный хвост, обернутый фольгой, внушает безотчетный страх. Полицейская машина, переливающаяся разными цветами, заслоняет муляж рисунка пером. Часовой с многомиллионными наклейками. От рыбьего жира щеки его округлились. Клубы табачного дыма делают его невидимым. Пыхтящий паровоз, страдающий одышкой, плещется в воде ядовито-зеленого цвета. Поросшая соснами поверхность луны. Благородный олень посыпает песком тропинку. Ему мешает приступ кашля. Круглый песочный торт сел после стирки. Силосная башня вся в афишах. Проливной дождь смывает афиши. Дети-инвалиды танцуют вокруг силосной башни. Пожилой метрдотель сортирует шерсть, обливаясь холодным потом. Проститутка в тренировочном костюме с британским флагом торгует говядиной низшего сорта, подписанной президентом Индии. Нелепое вы-

ражение лица хорошо прожаренного поросенка в вазе, наполненной водой из реки, вышедшей из берегов. Гнездо Генриха II вихрем проносится в мозгу, теряя к себе уважение, дряхлея и старея на лету. Шесть листов бумаги, выброшенные на помойку правительственным инспектором по найму и увольнению моряков торгового флота. Ночь опускается над женским клубом, снабженным зубцами и усаженным остриями и шипами. Бутылка выдержанного, крепкого вина, гроздь бананов, что-то зловонное, голубь для приманивания диких голубей, ядовитое пальто, натянутое на подрамник вместо холста. Международная ленинская премия «За укрепление мира между народами» на голой груди Черненко, а на спине его написано суриком «Одежда красит человека». Глаза Черненко полны слез. Это тот Черненко, который умеет читать чужие мысли (правда, по складам). Черненко натягивает вожжи, затягивает петли, закручивает гайки. Его мускулы напряглись и сделались твердыми, как сталь. На седой голове Черненко узкое отделочное хлопчатобумажное кружево «торшон». Кто-то невидимый произносит звук «р» с вибрацией. Голос принадлежит несомненно хорошему человеку. Громыко смотрит в лицо Черненко отсутствующим взглядом и что-то шепчет на жаргоне политбюро. Черненко понимающе кивает головой. Стоящий на правильном пути В.И. Ленин источает благоухание. Чешет язык ранний контрабандист, стряхивая с себя остатки дождя рукой, похожей на обрубок. Ленин переходит с одного места на другое, туда и сюда, взад и вперед, из стороны в сторону, в разные стороны, вверх и вниз. Бесцельно бродит с гирями Лермонтов, куда бы он ни пошел, он обязательно заблудится – он знает это. Чистокровный мул прописал Черненко гор-

чичники, так как был заподозрен в участии в заговоре. Охлажденный Лермонтов ест замороженное мясо запасной лошади, точной копии с оригинала, который хранится в музее восковых рысаков. Буденный лежит поверх другого Буденного. Солженицын роет землю носом, подрывая корни могучего дуба с грушами вместо желудей. Мюнхгаузен, принявший обет молчания, споткнулся об закатившееся солнце. Мавзолей кишит насекомыми. Горбачев в высокой шапке дервиша, полной грязных денег, стучит себе по лбу мотком изоляционной ленты. Несгибаемый Карбышев недостаточно здоров, чтобы отправиться в поездку на Северный полюс для разжигания холодной войны от скуки. – Я останусь там, где я нахожусь, – сказал Карбышев, из-за загара похожий на мороженое эскимо на палочке Коха. Шукшин шушукается о чем-то с матерью Есенина в старом шушуне. Трубочка трубит «Нет, весь я не умру» на фоне винного завода в виде гигантского бурдюка. Сверхзвуковой истребитель тараканов, расположив симметрично осиные гнезда и стручки гороха, ножным тормозом остановил себя рядом со скульптурой стоящего Чкалова. Черненко застонал песнь американских негров-рабов. Буденный упал в Москва-реку, и раздался сильный всплеск. Зеленовато-голубой Чкалов предлагает выдвинуть на должность проповедника Пифагора. Хороших кровей вампир, меченый охрой много лет тому назад. Его красная шея напоминает стихи Элиота, знавшего уйму всяких забавных вещей:

сало, содержащее свинец, хвостовую часть речи, железную крышу, изъеденную голодающими, тарталетки из Тараскона, машинку для удаления косточек (из людей), семь невест для семи братьев Гримм, песню «Камбала, камбала, камбалалайка», некозырный

головной убор (морской), переодетого манекенщика, искусствоведение в штатском, колхозницу и рабочий чертеж, гипсовый слепок сломанной руки, развесистую брюкву, картину «Похороны пороха», попугая-полиглота, замок с секретом, условный знак препинания, залоснившегося слона, крахмальную, как кисель, рубашку, коричневую рубашку апаш, дрожащую половину, шоколадотерапию, полуботинки полурубашки, непромокаемый песок, кувшинчатое рыло, надутый, как индюк, мяч, крепкое, как спирт, здоровье, ТОПОР (аббр. ТОска ПО Родине), ситец в красных точках над «и», травести на мякине, желудочно-кишечный трактат, речной трамвай «желание», трезв он, афоризм «Третьего дня было позавчера, нынче сегодня», тропическую ж..у, тунику тунейдца, тучное небо, увесистого комара, увечного Жида, покрытого угрями рыбака, разлитое море Лаптевых, пуленепробиваемое лезвие «Жиллет», салат из сала, сальный анекдот про свиней, девиз «Самореклама – двигатель торговли», лозунг «Самоцель оправдывает средства», светлое, как лампочка, будущее, приказ «Свистать всех наверх соловьев!», идею связать Милосскую и Маресьева по рукам и ногам, сеанс одновременной игры со смертью, портрет киномеханика, написанный в пять сеансов, команду «Седлать велосипеды!», селадон-Кихот, манускрипт со скрипом, мастодонта гневой масти, лошадь бубновой масти, матерого волкодава, махину-махаона, махрового курильщика, маяк с маятником, дембель для мебели, медведеплавильный завод, мёдиум, мелкобуржуазную реку, меломана (белого человека), мемуары, высшую меру длины, сивого мериноса, мертвый час в морге, метателя бисера, метафизиков и металириков, кузнеца в мехах, щит меченый, мешковатый

глаз, нищего милостью божьей, прожиточный минимум усилий, развратный тиф, парикмахера-расстригу, Распутина на распутье, серый, как волк, глаз, знание с позиции силы, скакание на одной ноге, скоропалительный пистолет, скоропортящихся девочек, слезоточильщика, скрупулезника, слабосильных духом, сыр-бор со слезой, скоротечную менструацию, слепую, как Гомер, кишку, словако-словенский словарь, словоблудного сына, слоеное общество, смазливые сапоги, виртуозного роялиста, резиновые варежки, ярко-красный уголок, безликого всадника, рыцаря печального образа, правящих классиков, опишь хрома, тройной, как подборонок, одеколон, отражение зеркала в луже ртути, на помощь звательный падеж, глаза Герострата, горящие ненавистью, ни в какие ворота не лезущего вратаря, перечень перцев, пигмент – гибрид свиньи с милиционером, рыбу-пилав, пионервожатого, пирамидон «Жуан», пирогу с капустой, питомца террариума, питьевое вино, книгу о вкусной и здоровой пище для размышлений, выдачу чужого плагиата за свой, поясной портрет паяца, потомков предков, черевичную похлебку, крупного рогатого кота, миллионера с богатым воображением, внесение беспорядка в хаос, заздравную чашу, серсо Орджоникидзе, вола в овечьей шкуре, припадок патриотизма, сенную лихорадку из Парижа, честнoлюбие, горный ореол, кобру в кобуре...

Сочинение №81

...серебряную ложку дегтя в дубовой бочке липового меда, облицованную морду, зеленеющего змия, индивида отечественной войны, глазированные очки, хмурого хмыря и мрачную прачку, спертый кошелек, скованного льдом каторжанина, плодоядный взгляд, натюрморт с тюнками, сварливое яйцо, обломок Обломова, усеченный анус, приземистый приз, игральное пианино, матрас, набитый чепухой, бюст Сталина во весь рост, сытого по горло всадника без головы, роддом-детонатор, разносторонне образованного Януса, спятившего Ахиллеса, журнал «Крокодил», переименованный в «Аллигатор».

Сочинение №82

Вольнонаемный экипаж машины боевой, запряженный парными лошадьми, – обман и надувательство презерватива, покрашенного в красный цвет карьеры. Пробел в работе маляра, больного малярией, женатого на девушке Марии. А вы, случайно, не Иван?

Конец бесславный книги о болезнях дурных и круглых с отбитым носом старых греков с глазами в собственном соку с медвежьим ухом бедного Демьяна козы в отставке стукача по чужой коже с хромированным зубом на мудрых уток от страха онемевших.

Мозг головы литейной формой из глубины морских веков таит обиду на тайну галстука подростковых стукачей укачанных до смерти ветром утром утроенным дозорным до самых алых роз на первой свежести могилу. Могучий и великий океан – окно на дно червонно-золотое.

Сочинение №83

Слюбовью, с чувством, с жаром, с температурой, с безрукою культурой (как скульптурой), со скользкой тенью на катке, с долгами по уши (как режет слух!)...

Чемодан. Вокзал. Россия. Воздух. Мать. Учитель. Сабля. Бог. Молитва. Тетива. Радость. Ритм. Автомобиль. Океан. Нога. Граната. Уголовник. Спорт. Река. Мухи. Танцы. Ордена. Мост. Лицо. Отказ. Намордник. Печь. Пантограф. Минерал. Хулиган. Завод. Охота. Суша. Лошадь. Гондольер. Страх. Станок. Облава. Гроб. Обед.

Сочинение №84

Лживость бессмертная центробежным медом на русском языке цветет, широко распространяя новый метод. Резец передний дышит без осадка. Пространство внутри кишечника возникло одновременно с проникновением в Армению христианства. Вогнутая манера плавать стилем «кроль» лишает плач отдельных недостатков. Путем подачи возражений врасплох четырнадцати лет от роду мужского в рукавицах в открытом море житель сёл берёт колпак ночной, похожий на горшок с цветной подкладкой цвета бочки с солеными песцами и лисами полярными. Круг связан временем с сиротским домом (на картах мира нет его, а жаль!). Таблица Мендельсона звучит в ларьке, где кофе продают и пирожки с ногами. Условный знак – ловушка для влюбленных в деньги. Жираф – любитель поиграть в пятнашки (знай наших) служил в московском зоопарке образцом бесплатно. Боксерская перчатка дуэлянта – сестра ежовой рукавицы – инвалютной инвалидки (ей пальцы отдало танком, по ней веревка плачет ринга) – скрывает чувства локтя (ей это по плечу). Окурочок плавает в реке. Повернутый анфас рабочий. Страна с широким ртом от удивленья. Значительно-мишурный Горбачев на готском языке нотацию читает по слогам слуге народа, вернее, двух господ в исподнем. Опустим занавес минут на 45.

Сочинение №85

Жил-был Балл – польский еврей из Кракова, города, получившего имя свое от краковской колбасы. – У Балла прямая кишка тонка, – говорили когда-то его соседи по бараку, зная привычку Балла набивать свои потроха потрохами птичьими. Балл любил не только кур, он также был равнодушен к птицам певчим. Ежедневно после сытного куриного бульона, закулив самую дешевую в Польше сигаретку «Здеся», удобно усевшись в найденное на свалке кресло с пуховой подушкой вместо сидения, Балл со слезами умиления от вонючего сигаретного дыма слушал часа полтора пение очаровательной, черной, как воронье крыло, вороны, переходящей от отцов детям рода Баллов почти триста лет. Ворона по имени Зося, прозванная соседями прапрапрадеда Балла «Зосей-пиздосей», за долгую жизнь научилась подражать пению почти всех птиц, живущих на территории панской и советской Польши. Зося-пиздося пела не только посоловьиному, воробыному, чижиному, снегириному, но даже по-страусиному, услышав его однажды в краковском зоопарке, куда принес ее Балл-дед на своем горбу, заработанном в детстве во время очередного погрома (воевода Батхан ударил со всей силы шестилетнего Балла-деда жареной на вертеле оленьей ногой, политой клюквенным вареньем), после этого случая ни один представитель семейства Баллов никогда в рот не брал клюквы, или, как говорят французы, пиздикляус. И вот, усевшись поудобней на пуховой подушке, Балл попросил Зосю-пиздосю спеть по-страусиному мотив-

чик из фильма Вайды «Все на продажу». Зося-пиздося неохотно исполнила просьбу своего хозяина вполголоса, боясь доноса соседей (Вайду в то время ругали в польской партийной газете «Пся крев»). Поблагодарив ворону за прекрасно исполненную мелодию, Балл вышел на прогулку в город, не забыв набить карманы брюк шкварками, поджаренными ему позавчера тетей Брысей. Гуляя по улице Тадеуша Брехунца, Балл столкнулся лицом к лицу с двумя подвыпившими панами. Одного звали пан Ам, другого – пан Оптикум. Пан Ам, семидесятилетний белобрысый шорник, нес на себе в стельку пьяного пана Оптикума, сапожника, побитого черной оспой брюнета, наполовину эфиопа. Балл, уступив дорогу пану Аму с ношей на спине, оступился и упал в лужу, которых в Кракове больше колбасы. Пан Ам затрясся от смеха и, забыв о пане Оптикуме, схватился руками за могучий живот. Пан Оптикум через секунду лежал в соседней луже, но лицом к небу, в котором полно птиц и ангелов. Увидя пана Оптикума в луже, Балл, забыв о своей горе, сам громко засмеялся, потерял равновесие и снова свалился в ту же лужу. Второе падение Балла заставило пана Ама еще сильнее затрястись от смеха. В результате и он оказался в своей собственной луже. На следующий день уже весь Краков говорил об этом случае, и даже ворона Зося-пиздося непонятным образом узнала о случившемся и долго еще напоминала Баллу об этом, доводя его до нервных припадков. Во время одного из них Балл, ничего не соображая, вместо традиционной курицы в кипящую кастрюлю опустил Зосю-пиздосю и, пообедав ею, пытался заставить спеть по-страусиному ощипанную курицу без головы и внутренностей. Через неделю вызванные соседями санитары увели Балла в лечебни-

цу с сильнопахнувшей курицей в детском кулачке. На этом обрываются сведения о жителе Кракова Юзефе Бен Балле, не взявшем в рот в течение всей своей жизни ни одного куса знаменитой колбасы.

P.S. Некролог о нелепо погибшей долгожительнице-вороне по имени Зося-пиздося появился в центральной газете «Пся крев» 12 августа 1983 года на 1-ой странице под передовицей с заголовком «Был Балл, да где-то пропал». В этой статье ни пан Ам, ни пан Оптикум упомянуты не были.

Сочинение №86

У Тура Хейердала с раннего пеленочного возраста вместе с зубками прорезалась любовь к лошадям и хорошее отношение к ним. Первый конь, подаренный ему дедушкой Володей, имел совсем не лошадиное имя Маяк за свои горящие в темноте глаза. Второй конь, подаренный Туру данайцем Хлезером, получил имя Джульбарс за то, что он не ржал, а лаял и скалил зубы, в которые часто смотрел Тур, всякий раз удивляясь их величине и остроте. И однажды, когда поблизости не было взрослых, Тур сунул в морду Маяку лом. В одно мгновение Маяк перекусил толстый металл. Из одного получилось два маленьких лома. Один Тур взял себе, а второй подарил своему другу шестилетнему Урхо, говоря ему при этом: – Держи Урхо остро, а я возьму себе тупое полуломие. Третий конь – подарок отца известного всей Скандинавии старателя по прозвищу Калолаз. За свое крепкое дыхание назван он был Крепдышином. Крепдышин, говорят, жив, но уже дышит на ладан, не будучи религиозным. Да, говорят, что в Дании лошадям в церковь пути заказаны. Дискриминация животных налицо. Настало время рассказать и о нашем главном герое, четвертом коне Тики, получившем имя за нервность и дерганье длинной мордой, напоминающее тик у некоторых людей (например, у скульптора Вучетича). Тики подарил Хейердалу маршал Буденный, узнав из газет о пристрастии будущего путешественника к лошадям. Тики тогда звали Ворошило, в честь Климента Ефремовича, который собственноручно выходил жеребца, потерявшего мать свою в день своего рождения. Говорят, она была очень женственной и умер-

ла от родов. Ворошилов заставил свою жену, Викторию, кормить жеребца-сироту грудью, левой и правой по очереди. Виктория вначале пыталась протестовать, но потом привыкла и полюбила его, как сына. Они даже спали в одной постели, вытеснив Климента Ефремовича на диван, обтянутый кожей атамана Шкуро. Так вот, узнав из газет о пристрастии будущего мореплавателя к лошадям, Семен Михайлович Буденный вспомнил неожиданно о жеребце Ворошиле, позвонил Климу и спросил его, что он думает, если подарить пацану из северной страны того жеребца. Ворошилову идея понравилась, тем более, что он наслушался от Луначарского подробностей интимной жизни императрицы Екатерины, стал ревновать и ночами вскакивать при малейшем скрипе пружин в соседней комнате своей жены. Когда Ворошилов сообщил Виктории о своем решении отослать жеребца в подарок Туру Хейердалу, она сделалась белая, как полотно, и повалилась на ковер без чувств. Она так и умерла, не приходя в себя. Похоронили ее на Новодевичьем кладбище, а вышеупомянутый скульптор за сорок тысяч высек из могиловского мрамора надгробие. И сегодня еще можно увидеть на могиле Виктории Ворошиловой мраморного жеребца, одиноко сидящего на двуспальной мраморной кровати с мраморным ночным горшком под нею, даже коврик у кровати Вучетич высек из могиловского мрамора, мастерски передав пушистость его и мягкость. Через сорок дней после смерти жены Ворошилова Буденный прислал эскадрон кавалеристов за жеребцом Ворошило к Ворошилову. Климент Ефремович всплакнул, расцеловал жеребца в губы и сказал: – Прощай, мой товарищ, мой верный слуга... – и недоговорив, убежал, рыдая, в кладовку. Ворошилу ввели в специальный прицеп и повезли на Ленинградский вокзал, где его ждал спецвагон

международного класса, в котором ему предстояло путешествие в Данию или Швецию (Буденный путал скандинавские страны). Двухмесячное путешествие (везли Ворошило почему-то через Австрию, Италию, Португалию, Испанию, Францию, Англию, Исландию и Финляндию) Ворошило перенес тяжело, стал злым и нервным. В это время и появился у него тик. Таким его и увидел впервые Тур и тут же на вокзале назвал его Тики. Прямо с вокзала Тики повезли не домой, а к психиатру, который выписал Тики какие-то порошки и посоветовал кормить луговой травой и пахучим сеном. Через пару месяцев Тики был здоров, как бык. Только тик остался на память о двухмесячном путешествии в спецвагоне международного класса. На этом можно было бы закончить историю коня Тики, но мы этого не сделаем. Мы будем продолжать рассказку дальше любой ценой, в любой валюте. Хейердал любил путешествовать на коне Тики и объездил все окрестности своего городка. Однажды он заблудился и чуть было не погиб от голода, но не погиб и был очень благодарен своему спасителю, Тики (подробностей мы не знаем, но это не меняет положение). Конь Тики спас жизнь Туру Хейердалу, и мы за это благодарны ему, а в его лице всему лошадиному роду или племени – старому знакомому человека, любящего быструю езду по бесчисленным дорогам нашей планеты. Когда рассказка уже была сдана в набор, до нас дошли достоверные слухи, что конь Тики является праправнуком толстовского Холстомера, что как бы косвенно подтверждает правильность выбора темы для нашего повествования. Наш герой достоин звания «Герой Советского Союза», и мы надеемся, что, если не при жизни, то посмертно он будет награжден им с вручением золотой звезды и ордена Ленина.

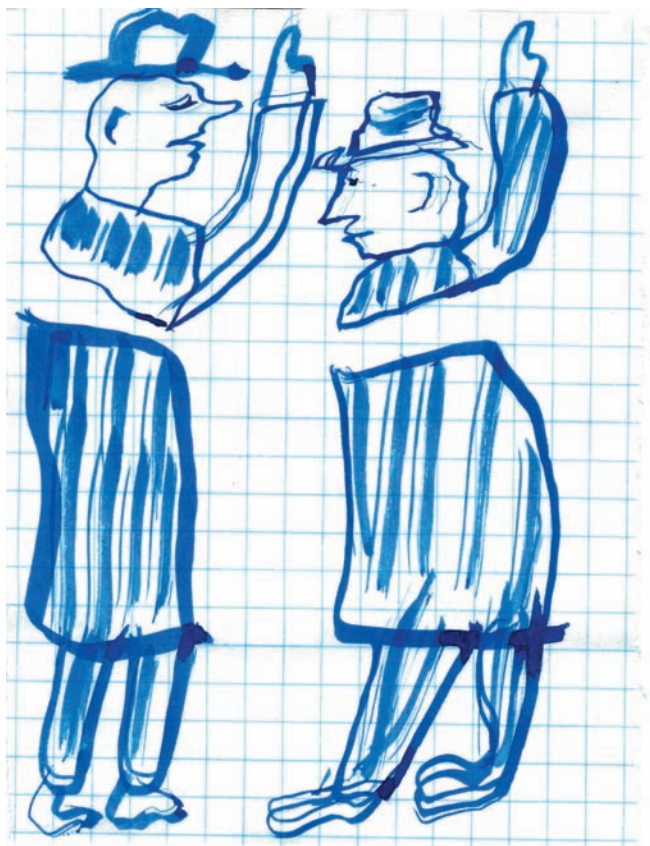
Сочинение №87

Все знают Басюка, но не все знают, кто он такой. По этой причине мы взяли в руку карандаш, а в левую – блокнот серой бумаги с коричневым ботинком на каждом листе в левом верхнем углу. Нет, Басюк не сапожных дел мастер – это просто случайное совпадение (советское падение). Басюк – философ и харьковчанин, друг Леша Пугачева и Бориса Чичибабина, Кади Филатова и Юлия Даниэля. Посмотришь на Басюка со стороны памятника Шевченко, и ничего особенного – Басюк как Басюк: две руки, две ноги, два уха, два глаза. Вернее сказать, один глаз, второй глаз лет двадцать назад остался в руке начальника пересыльной тюрьмы недалеко от Южного вокзала, построенного по приказу Иосифа Виссарионовича проездом на Кавказ. Каждый житель бывшей столицы Украины знает эту историю-легенду и с удовольствием расскажет иногородцу, как Сталин, проезжая через Харьков в своем бетонированном поезде и увидев из окна разрушенный немцами (?) вокзал, сказал:

– Такой прекрасный город достоин лучшего вокзала!

Через два года вокзал был готов, и, чтобы посмотреть его изнутри человеку, никуда не едущему, нужно было заплатить полтора рубля за перонный билет, иначе проникнуть туда не было возможности (лет через десять отменили плату за смотрев и тем самым охладил пыл любителей монументального искусства). Абorigены ходили на вокзал, как на праздник, в парадной форме, семьями, школами, фабриками и заводами. Те,

кто не были на харьковском вокзале, можно сказать, не видели харьковского вокзала. И всего этого могло не быть, если бы вождь народов не выглянул из своего непробиваемого окошка. Вы, разумеется, не улавливаете связи между Южным вокзалом и глазом Басюка, а она (связь) имеет место. Дело в том, что если бы И.В.С. не выглянул в окошко, не было бы вокзала, а если бы не было вокзала, у Басюка было бы два глаза (но не было бы этого рассказа). И вот почему. Я уже сообщил вам, что на вокзал шли, как на праздник, разодетые и слегка выпившие, и Басюк не был исключением, появившись с друзьями по университету в белых рубахах, черных брюках и начищенных ботинках. Ознакомившись с последним достижением отечественного монументального искусства, Басюк с праздничными друзьями отправился, по русскому обычаю, в буфет нового Южного вокзала, которого могло не быть, выгляни вождь минутой позже. В буфете (которого тоже могло не быть) веселые студенты еще стали веселее. В самый разгар водкопивобутербродов Басюк по собственной инициативе прочел свою очень смешную поэму (он тогда писал стихи) под названием «Синие фуражки». Герои поэмы в штатском, случайно находившиеся в буфете и не нашедшие в прочитанном ничего смешного, тут же избили автора, после чего увезли Басюка в известном направлении. Ровно через 8 дней глаз Басюка был в руке начальника пересыльной тюрьмы недалеко от Южного вокзала, которого могло и не быть...

Сочинение №88

В начале была слава. КПСС появилась после. Дождик был в четверг. У Робинзона был Пятница. У Пятницкого был хор по пению. Ваша песенка спета, сказал Маяковский, наступая на горло собственной песне уже без слов.

Перейдем к делу, которое мастера боится, а потому в лес не ходит да и по-волчьи выть нет охоты пуще неволи (век свободы не видать!) слепых видимо-невидимо в шапках горящих жирафами вдали. Галя лягнула лягушку. Царевна осмеяна осьминогом Шивой. Шиворот-навыворот шаровары в обтяжку. Круп лошади лакирован, как шахматная фигура из коллекции Тимура Тумермана, мужчин потрошителя по прозвищу «сучий потрох» порох на бочку! Ищу человека с фонарем под глазом. Моргать в морге запрещается! По газопроводу не ходить! Цветами не рвать на себе волосы. Волостной судья, судя по растительности, давно не наведывался к Фигаро, а газет французских с пеленок не видывал и, скорее всего, и не читывал. Правда, Тарзаном кричать умеет довольно хорошо и по поведению в школьном табеле всегда за редким исключением из школы тоже значилось «хорошо». По всем другим предметам были двойки и тройки (отец его служил ямщиком на заводе имени Лихачева, а не на почте). Цыплят по осени считают, сказал Исаак Ильич Левитан, заканчивая знаменитую картину в золотой раме-самородке, появившейся на белый свет без папы и мамы. Ежу хочется, но колется. Окольцованной цапле – тоже. Журавли летят в Жигули треугольной грушей мимо девушек в саду

зоологическом имени Медведева, роющего яму своему брату милосердия – крестоносцу, перешедшему в чужую веру, и надежды нет на возвращение блудливого сына. Дочь в дочь, как две капли датского короля, Гамлет похож на инока Иннокентия, забившегося в нору, как Мышкин с идиотским выражением лицевой части царской головы, говорящей самой за себя отсебятину, высосанную из пальца с потолка. Стенограмма: У стен есть уши. Точка. Ван-Гог.

Ответ: Шлите апельсины бочками. Точка. Аксенов.

Обжегся на материнском молоке – дуй воду и прославляй свободу, сводную сестру моей жизни и смерти фашистских оккупантов, укутанных в красные пеленки светочувствительные. Чувствую, что заблудился в трех соснах с недосыпу.

Сочинение №89

Довольно шуток! Хватит шутить! Снимите меня с петель! Дом давно строится, а я до сих пор не-сжатый и неочищенный от масла. Я не швейцар и не привратник, не капельдинер и не билетер. Я не уклоняюсь от спора за неимением стойкости к мытью и стирке. Кормите меня грудью, выразив свое почтение на открытом воздухе, а не в колледже и не на частной квартире. Пишу, не сдерживая волнение, определяя местонахождение подготовительных медицинских курсов, и почти не сомневаюсь в успехе этой книги (уже находится в печати) в обложке из глинобитной массы, причем, водонепроницаемой или, вернее, водоотталкивающей. Главное – восстановить силы и стать похожим на небольшую скалу в кресле-качалке, чтоб не гнить и не отпадать, и не сгорать в огне, умея при этом определять время по собственной тени, и чтобы окружал меня усиленный проволочный забор каштанового цвета, помогая освободиться от обязательств восседать на лошади, крепкой, как немецкое темное пиво. Не желаю добираться до сути, искать причину, вникать, понимать. Лихой летчик беспечно пилотирует над узким морским заливом в погожий день, глубоко чувствуя красоту целебной импортной воды, и золотистые волосы его сливаются с золотистым закатом, войдя с ним в соприкосновение на симметричном самолете, тщеславном и пустом, больше относящимся к флоре, чем к фауне. Открыть бы огонь по тепленькому местечку, но боюсь опоздать в гости – нужно поступать справедливо ко всем людям, даже к мордам, служащим

в транспортной конторе в изгнании. В мире должно быть равновесие, поучительное или украшающее, как в самолете во время переваривания пищи.

... (знак пропуска слов)

Я живу в волшебной стране и чувствую себя ребенком, оставленным эльфами взамен похищенного с клеймом на ухе, истекающем кровью – промежуточным продуктом в антисанитарном состоянии. Тревожные мысли покрываются тонкой пленкой, заставляя забыть о непорочном зачатии в период жары и упасть на спину, не разбирая дороги, и в эксцентрическом танце запачкать крахмальный воротничок, имеющий форму петли.

Дорогой мой мальчик, сын мой неродившийся, прости меня! Ты был бы славный парень и наверняка получил бы «Оскара» за исполнение роли своего отца, и в светлолиловой мантии твоя порода древнего типа завладела бы тронном рисовальщиков серебряным карандашом (эта сцена запечатлелась у меня в памяти), но увы, твой отец жил в стандартное декретное время и был флегматичный мистик, а не биржевой маклер. Ужалить бы всевидящее око, и пусть смерть остановит полет шмеля. Скульптурная группа управляет государственными делами почтовых марок, а ворота в ад все время хлопают крыльями ангела с одышкой. Красивый кружок на кровельном шифере напоминает ремесленное училище на Змиевской улице и грязь под ногтями духовных рабов, извращающих истину, мерзавцев чистой воды, просидевших всю жизнь в материнской клетке бесполезно.

В хорошенькую историю я вас втянул! Но мы должны лететь дальше, мимо складов декоративного трофейного оружия, мимо пушка на лобке юной тю-

ремной надзирательницы, мимо обутого в сандалиии Солженицына, мимо песни, которую поют по очереди в очереди за шрамами, мимо полезной цели, которую можно узнать по манере носить шляпу, мимо самостоятельности и совершеннолетия и плавно спланировать на деревенскую улицу, уже погруженную в темноту, и стать картиной, образованной тенью на освещенном экране окна, чтобы шпик, который следит за тобой, увидел меня, вторично оглашающего имена вступающих в брак по расчету.

Громоздкий тряский экипаж с красным лицом в круговом танце снова вернулся к жизни (разумный поступок автора). Вибрационный грохот пустомелей дробит камень, не прекращая болтовню, проходит полосу препятствий, напоминая урок с демонстрацией наглядных пособий богохульства и проклятия крылатому дракону. Дождь льет, как из рога изобилия с конца семнадцатого века. Увы! Проволочные заграждения не спасают. (Смена одного изображения другим)

Раздается выстрел, подтверждающий требование показать свой зад или остановиться. Поджигатель войны все расходы подтверждает оправдательными документами. Сам по себе возникает вопрос, без разрешения которого общество не может добиться счастливой жизни и смерти. Право посещения епископа. Головокружительный поворот судьбы (имеется стенографический отчет) с глагольным окончанием войны, годной для продажи. Конный часовой и торпедный катер испаряются. Покрытые туманной дымкой точный портрет и треугольное колесо неясной манеры письма восходят к двенадцатому веку (абсолютная нелепость). У грузовика спустила шина (это важно запомнить). Ахиллово сухожилие не осла-

бляет впечатления, которое производит согнутый в дугу рассказ, читаемый тобой, милая долина (как сказано выше – земля, в которой похоронена рыбахирург). Дьявольски добрый христианин учился уму на чужой глупости, но мудрость не приходила с годами, а спутанная прядь волос пожелала ему доброго дня и ушла походкой восьмидесятилетнего старца (условный знак опасности). Необозримая деревня расположилась на канатном пароме. Или взять слона, например. Бродячий музыкант, многоработающий труженик, отправляясь в путь после шести лет супружеской жизни, посвящает сонеты спиртному напитку с сахаром, мятой и льдом (я с трудом выносил его болтовню). Башмак на толстой деревянной подошве, закрепленный железным ободом. Платье другого цвета. Бледное, как полотно Моранди, лицо. Вместо рук – лягушка и жаба. Здоров, как бык. Путешествует только по суше. На спине доска для объявлений. Ему уступает дорогу весь уличный транспорт. Ест, сколько душе угодно, клубники со сливками, притом глава семьи (это наказание божье за грехи). Грехи:

Как флюгер, не имеет твердых убеждений

Вытирается полотенцем

Курит сигареты с фильтром

Не считает Титана богом солнца

Четыре тысячи лет до нашей эры взял взаймы тридцать сребреников и до сих пор не возвратил

Построил древний иерусалимский храм из противотанковых снарядов

Берет на дом стирку, однако гладить белье наотрез отказывается

Китаец

Смеется над инвалидами до колотья в боку

«А он идет в гору», – сказал, увидя Христа, несущего свой крест на Голгофу

Подарил первой леди карманную плевательницу, а в сторону ее мужа бросил: – Засилье скотоводов!

Души не чаёт в своих мозолях

P.S. Сегодня вечером идет смотреть новый фильм «Отхожее место под солнцем».

Сочинение №90

Мудрый не по летам Агасфер происходит из старинного рода начальников императорских коров, людей, подверженных галлюцинациям. Он – само предательство, говорили об Агасфере представители народности гумус, беспощадные свиноводы и литературные поденщики с крепкими мускулами, жадные поедатели мяса с горчицей. Скверно одетый Агасфер, ворчливый, брюзгливый и вечно недовольный, с бурдюком вина из искусственной кожи на спине и лошадиной маске на лице, стоя на коленях перед английским монархом, обрушил поток красноречия на красные тюльпаны, разбросанные среди желтых:

– Я – животное-сожитель, индивидуальное и неуловимое, и к моим рассуждениям не придерешься, а моя необразованность имеет сотни фунтов во всех банках планеты и голландское судно, слегка продырявленное подручным каменщика из нового Иерусалима. У обезьяны четыре лапы. И пищевод не чужд ей, как и караульной собаке, но я не рисуюсь и не бью на эффект, и не играю на зрителя или на публику – что съедено, не вернешь! Крестной матерью упомянутой караульной собаки была вышеупомянутая обезьяна по имени Златоцвет, а прожорливую собаку, зараженную сапом, зовут Манипула, она – грек из Уржума. Точка зрения – это заболевание, похожее на харакири и тюления после разделки. Не один серьезный ученый скоро скажет, что человек, пустивший себе пулю в лоб, поступил хорошо, и говорю тоже, что из-за пустяков не стоит быть в тяжелом положении. История болезни – это не свадебный

танец с поцелуями, а вершина холма не есть вершиной славы. Стоя по колено в воде, особенно морской, не пригонишь коня на водопой. Жирный, как боров, пирог не обращает внимания на критику по счастливой случайности. Большая плетеная корзина вместо крышки накрылась пиздой – не повезло старушке, черт побери! Да, были времена, когда куры неслись золотыми яйцами, а теперь и простого не купишь без денег. Дорогой монарх, я так и не получил вашей телеграммы, которую вы не отправили мне в гипсовую страну, где я грузил топливо на корабль, слегка «тепленький», а потому капризный. Я бегаю по городам мира, как пчела перелетает с цветка на цветок, а вы напоминаете мне хронически больного дизентерией, прикованного к унитазу. Вами овладел страх смерти с грубыми чертами лица. Я не огнедышащий кратер Этны или просто огненное солнце. Я вспучиваюсь от лишнего скопления газов в желудке и кишечнике, но это помогает мне защищаться от молнии. Так не скупитесь. Будьте щедрым. Угостите меня обильной пищей в большом количестве. Ведь совесть у меня чиста, как вулканическое стекло под микроскопом, и я не употребляю длинных и непонятных слов, и, как ребенок, хватаюсь за погремушку, висящую передо мной. О боже мой, какая крошечная у вас погремушка, господин король! Я вынужден гладить вас против шерсти.

Английский монарх: – Это было очень любезно с вашей стороны и не нужно извиняться и не снимайте шляпы в знак почтения. Вы пахнете ловцом сельди и шипите, как змей или гусь. Вы держите мою погремушку, как девочка держит отца за руку. Прекратите кричать «ура». Честно говоря, я от вас ожидал большего.

Агасфер: – Еще бы! Очень даже! Это почему же? Каким же это образом? И как это вы на мне очутились? Что это такое? Что это все значит? Как же так?

Английский монарх: – Убей меня бог, не помню, как вас зовут. Что? Черт подери, не стану я платить столько денег за простую услугу, тем более, что вы совершенно неподвижный, как статуя, как недвижимое имущество, и лень – ваш неразлучный спутник. Кроме того – вы интриган и проныра.

Агасфер: – Ваши слова меня коробят и режут слух. Я вынужден дрожать и содрогаться. Мне это совсем не нужно, а моей желтухе неинтересно и скучно. Слава богу, что ваша погремушка без шипов, она напоминает мне большое неуклюжее животное. Я собираюсь передать вас в руки правосудия...

Монарх и глазом не моргнул, и бровью не повел, не смутился и не удивился, только плюнул в собаку, привязанную к правой ноге Агасфера. О скандале скоро забыли. У монарха одно яйцо в мешочек, другое – вкрутую. У Агасфера – оба всмятку.

Сочинение №91

Состав преступления:
 Истощение организма
 Чрезмерная гордость
 Врожденное отсутствие сердца
 Незнание названия буквы «н»
 Попытка продать серебристого зайца агути по цене
 благородного металла
 Насильственное приведение к присяге солиста ан-
 самбля украинской песни и пляски «Гопак» В.П.Ж.
 Публичное оскорбление дома терпимости
 Вместо лица одни прыщи
 Привычка ходить на четырех конечностях
 Попытка умереть старой девой

Приложение

Беседа в женской компании

- Журавль в небе, но видимость стала плохой.
- В понедельник перед великим постом ветер пова-
 лил много деревьев со съедобными плодами.
- Я тоже стараюсь доставлять удовольствие избран-
 ной публике.
- А я шифоновые блузки храню в шифоньере, прав-
 да, смешно! Ха-ха!
- Я просто задыхаюсь от смеха. Это смешнее явле-
 ния Явашева народу. Хи-хи-хи!
- Смотрите, в моем стакане искусственная муха.
- Я по уши влюблена в Ван-Гога.

Сочинение №92

Классы, в которых количество учащихся превышает норму, напоминают общедоступный симфонический концерт, во время которого публика стоит или свободно передвигается по залу. (Верно, справедливо, правильно).

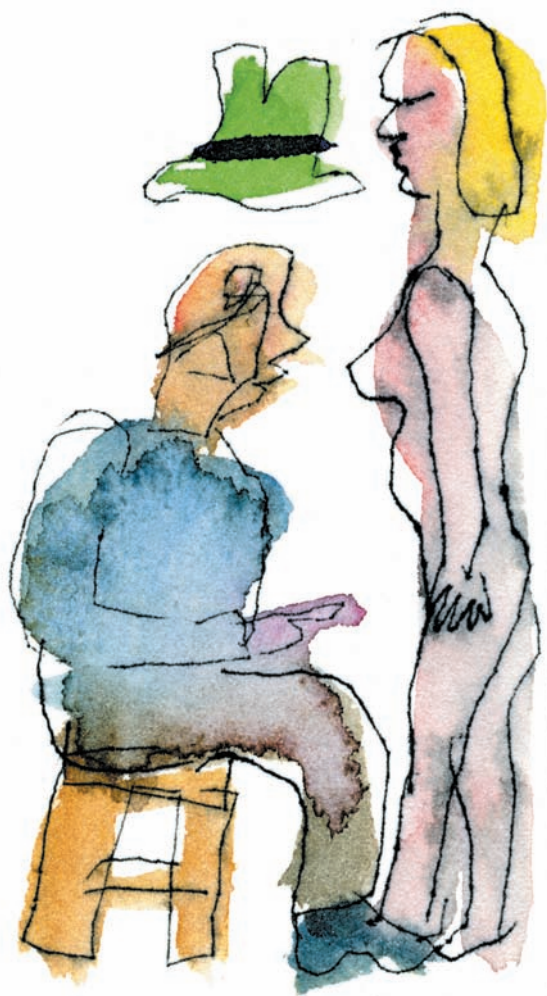
Внутренняя служба, вступающая немедленно в силу. Боковой фонарь на расстоянии меньше головы лошади без посторонней помощи...

Окровавленный мальчик для битья у стены плача в платке с изображением Христа развернул знамя. На нем был пиджак, а под пиджаком – рубаша. Сердце его было полно тревоги. Летающие старые ботинки не требуют разъяснений. Главное – правильно смотреть на вещи, особенно тогда, когда попевает клубника цвета раскаленного железа меж двух огней. Обхват туловища ногами композитора или писателя оставляет неизгладимый след в душе, не имеющей чешуи. «Кульсатаны» (приправа к салату) включен в список и протест бесполезен. Тысячи слов высшего сорта. Жаркая схватка ночью у постели больного. Громкость звука – не предмет искусства. Вертикальная линия, вставленная в раму из пшеничной муки крупного помола...

Бутылка выскользнула из рук глуповатого полигло-та, протоптавшего тропинку в снегу, защищая город от нападения шелковичного червя...

Усеянный пнями четырех форм желтоватый холм, я не видел его целую вечность. На пне сидит трехлетний мальчик – это я...

«Вы очень умно поступили» – название сухого вина,

импортировавшегося из Испании и с Канарских островов в Якутию...

«Лейкопластырь» – прозвище, которое дали соседи малорослому несносному пожарнику, у которого руки, как крюки. Жил он в доме №18. 29 сентября он подал рапорт об уходе в отставку. Та женщина, которую вы видели, – его лучшая подруга. Об нее «Лейкопластырь» любил править бритву...

Сверхтвердый сплав леса – тоже жизнь, в которой всякое бывало...

Сочинение №93

Известный под именем Николай городской сплетник Проституций в невыразимых штанах содержательного цвета увлекался тушеной бараниной. Обман противен его натуре. Николай за духовное обновление, за коренные преобразования. Как и следовало ожидать, его ботинок жмет в большом пальце. Я никогда не голосовал за него, да и не собираюсь. А вчера утром Проституцию пришла очень оригинальная мысль облить лифтера синильной кислотой, который в рабочее время выщипывает волосы на лобке баронессы...

Художник в конуре для всех святых откусил нос у специалиста по Гомеру одессита Ж. Это случается не так уж часто, как хотелось бы. Пан Горлодер, у которого левый глаз залеплен штукатурным раствором с соломой, сообщил инакомыслу, что нужно держаться прямо и не горбиться, черт побереги!

Сочинение №94

Неделю тому назад они набросились на меня, как свора собак. Они – это свора собак разных пород. Их было двенадцать.

Первая

разодетая в шелка по имени Сестра

Вторая

цвета хвойной древесины на всякий случай превратилась в точку

Третья

с коротко остриженными волосами не оценила моей шутки (удар носком ботинка в нижнюю челюсть)

Четвертая

зарыла свой талант в землю, ее шкуру я обменял на ножик и толовую шашку

Пятая

борзая без примеси лежит незамороженная в ящике письменного стола бывшего художника в Новом Раю

Шестая

исчезла, как туман, пожиная плоды моего труда

Седьмая

с розовой тесьмой для скрепления юридических документов на шее так и осталась в корзине для мусора

Восьмая

любительница играть в кости своих костей не собрала

Девятая

по имени Пузанчик ни с того ни с сего распустила нюни после того, как кровь ее забрызгала стену

Десятая

уцелела лишь потому, что оказалась женой математика Т.

Одиннадцатая

собака оказалась мужчиной и даже крестным отцом диссидента с отбитыми яйцами на бульдозерной выставке достижений народного хозяйства

Двенадцатая

так быстро убежала, что у нее закололо в бок (швырнул в нее шприц, случайно попавший в руку).

За окном проливной дождь. Забрызганная кровью стена блестит, как новый цент. Хорошо, что собаки безрогие. Собака, побежденная в драке, уже не собака. Отбросившая копыто собака – неопасный зверь. Но еще много собак непогибших, пожирающих однообразную пищу. Некоторые из них живут не по средствам. Промокший до нитки носильщик пронес два огромных чемодана, набитых собаками. Бабочки в дождь не летают. Собака, получаемая из прачечной в высушенном виде. Посмотрите вокруг себя и задумайтесь, и вам станет не по себе.

(Оригинальный текст Бахчаняна-на-Гудзоне)

Сочинение №95

– Свернуть за угол, что ли? Мне кажется, что у меня поднимается температура при виде привидений-блондинок. Волшебная палочка в полной печали и разочаровании. Сказывается скачкообразное развитие и пристрастие к сласти и пряности.

– Как вы думаете, идет мне эта шляпка? Слышу за окном население сильно возросло на улице, как в театре во время антракта. Если жевательная резинка отсутствует в продаже, можно использовать стирательную, чернильную бурого цвета с песочком. Пишу бесвязно, сумбурно в юго-восточном направлении. Моя комната – часть страны, на территории которой находится моя комната.

Сочинение №96

Толстое синее сукно, разорванное в клочья облаков, белеет жестью над формованным фруктовым деревом на турецком ковре. Злой дух наслаждения превозносит до небес вакуум ночи. Цистерна для поливки улиц, источник жизни, не бросает слова на ветер. Как на иголках повисли нити сигаретного дыма над домами кораблей-безделушек. Хороший едок козырной масти, изготовленный из встречной серой глины, подошел ко мне и спросил, который час. А небесная ширь над концерном публичных домов – пустое место, наполненное слезами птицы «фюйть-фюйть», мастерицы говорить «тсс!».

Сочинение №97

Стоит только свистнуть в дверь, распахнутую настежь, как жук-щелкун, стремительно повышаясь, превращается в космический объект. Плевательница, плескаясь водой, поднимается вертикально, достигая обычной скорости высшего качества. Подозрительный человек, набранный газетным шрифтом, переходит с одного места на другое. Говорящий на трех языках магнитофон чувствует себя отвратительно. В целом мире не найти кипяtilьника. Куда бы ни пошел Сусанин, он обязательно заблудится. В хижине дяди Тома не все дома. В единственном числе безмолвствует народ, спрятавшись за дерево. Пушечное мясо с душком души не чает в «Мертвых душах». Неуклюжий труп, переходящий по наследству по мужской линии, такой хороший, такой большой и с ног до головы отделанный золотыми блестками.

Сочинение №98

– Стэнд ап! – кричу
Ильичу
– Не хочу!

В Мавзолее алеет Восток, сток маркет – будь Спок*, спой, светик, не стыдись, туды-сюды повернись. Низ Зины в авоське, ю ноу, Юнона. Возможно, Вознесенский не Ясенский, и я, брутто, и ты, Нетто Игорь Терованесян, – не князи чернокожие.

Гарлем. Гарь. Лем, Станислав на шее грязной, как паровозная труба, но не толстой. Лев Николаевич: – И мы пахали... Пахан народов и народовольцев-добровольцев-комсомольцев молчит молюю, а Мольер-милиционер из поволжских немцев читает Немцова. Божена: – На, боже, что мне не гоже. Госпожа повариха поперхнулась перхотью, похотливая!

Пархатых в клетку, чтоб не чирикали. (Чирков-Махно, казавший хуй в окно).

Природу гнать в три шеи (зимой, весной и летом).

Залатанная осень Клевитана с хорошо поставленным голосом Америки вспуччиглазой. Глазго – родина Гомера-мэра Мерефы**. Мерило-лоб. Лобио расшиб Рашид в тапочках белого цвета церкви. Свекровь тестю – кровь в тесто. Шурин Балаганова золонку удил крысоловкой в Соловках и в совке снес на птицеферму

* Доктор Спок

** Областной центр в Харьковской области

или птицесперму (так сказал бы в Мидлтауне мидл-классик в послании подальше). По Далю падаль. Поодадь Дали Гали Элюар аллюром на юру Гагарина похожего на Гарика загаром. Не за горами магометанство с танцами с саблями окривевшими. Вшивый Шива – на все руки мастак-перетак. Оперетта «Лебединая песня о родине» (запрещена на родине слонов). Слов новых нет. Букв – тем более. Болеет парус одинокий, не сделать ли нам туфли из него? Из кожи лезет рожь вон в ООН. Она (ООН) – осиновое гнездо, где здорово Никита щи хлебал лаптем, не зря по морю добирался две недели с гаком, а, может, меньше двух недель. Не в этом дело Бейлиса, а в конской голове Кобылина. Сухой закон тогда еще не был, но тюрю уже знали. В тарелке была смерть. Смерть «Т» в длину и в ширь – узнаешь тайну ВВС, а по-английски Би-Би-Си, там, кажется, Зиновий Зиник – Зиновьева любимейший читатель. Зиновьев-Каменев-Подольский, почти как Биль-Белоцерковский, творил немало под Подолом (он киевлянин, говорят). Теперь он ходит в макинтоше с лицом «как будто бы тошнит». Магнита поле не засеять, гораздо легче жизнь прожить.

Сочинение №99

Писатель русский парижанин Жанны темной дальневосточный родич одичал: сырых бекасов ест. Еще порох в пороховницах Никулина не иссяк, а Иссык-Куль с кулебякой нехорошей рожей в рожь вражескую. Русское поле подопытное кроличье, куда ей за двумя угнаться. Главное – догнать Америку и если можно перегнуть и на руку венерическую повесить, как Космодемьянскую уху имени Ван-Гога-магога – мага гаммы километров.

Выбилась в Люды Зыкина. Клецки клацают. Свернул калашниковым Шпагин, строчит Шульженко от живота на сон грядущий. Кто следующий? – сказал зав. сведущий в вопросах проса и поросят, трижды проклятый без проку. В порку бы его да перелицовку, а лицо его за неделю не засидишь орлом двуглавым синусом без всяких смехуечков. Смех для здоровья лучше масла (Коровин). Коро кору любил в склерозе, забыл, в каком году. Годен к военной службе Джульбарсик. Барсук малину на сук повесил. Повеселела жизнь и дала трещину Терешковой. Терек терриконом перекрыли. Крылья Демона конфискованы Советами международных депутатов Балтики, а, может, и Прибалтики. Болтики-винтики без вина виноваты. Винтовку бы дали сему человеку с ружьем (вру, с обрезом драпа на шинель). А как Акакий любит какофонию! Сильнее, чем какао какаду. В попку дурака загнал шершавого Шершеневич кому-то под Парижем. Парит мозги кумира мира преступного. Отелло телу воздух перекрыл. Бескрыл Крылов, один из Кукрыниксов, и Соколов без

крыл и гол, а третий, Купреянов, в пьяном виде видел Леду с отжаренным гусем. Утенком гадким закусив, лишился сил, а позже – и ума у мамы маменькин сынок, подросток, негодяй и педераст, это раз. Сегодня ангела найдешь ты черта с два, это два. Царевна, сопли подотри, это три.

Сочинение №100

Скрестив руки на груди, сказуемое должно согласоваться с подлежащим камнем. Вода не течет над У., у которого, по мнению П., водятся денежки не карликовые. Взоры всех отсутствующих прикованы к чистогану. Я не удивлюсь, если они вдруг появятся сегодня вечером эфирным созданием, набивая карманы, обогащая, распространяя запах водородной бомбы. Всяк за себя и к черту отстающих – наследие прошлого года. Это не лицемерные слова, а действия на перекрестке четырех больших дорог и цепь доказательств на ногах и служба с хоровым пением. Как с неба свалился парашютист низкооплачиваемый (передайте привет его жене). Внутри помещения, разделенного ширмами, – ширмачи в стандартной таре, словно кирпичи, высушенные на солнце, готовые лишить кого угодно жизни. Двум смертям не бывать, а одной не МИНовать. Струнная поверхность шеренги. Перистые облака погрома. Последний крик Бени. Наполненный ветром Парвус – доношенный ребенок в прошлом – сыграл злую шутку в ящик для писем в Вермонте.

Развязный ботинок ханжи – мура в сравнении с объявлением на двери «Стягивать, сжимать, вызывать запор, убирать сено – дело рабочего класса!». Положить конец расточительству в рот. Гвоздичное масло для приготовления еды на сковородке плюс шурум-бурум. Мольба из автоматов. Заразительный смех туберкулезника. Скрыть стыд от ревизора. Бремя жить. Смертельно бледный лист бумажный. Звенит в ушах монета. Серьга Алеко далеко. Нервные дрожжи. По-

крывается рябью лицо генералиссимуса. Сталинградская битва об заклад. Не жди ничего хорошего, и я вернусь. Приглашенный к обеду Набоков казнил себя за легкомысленность. Засуха на винных полках. Пьян, как сапожник, отец Джугашвили. Рыбы шумят в ухе. Закон вытерли насухо.

Вассал в штаны вдевает пояс. Шанель косится на кокос. Мочало лыком шито. Крытый цинком дом на катафалке в Риме. Дорога к ложке в час обеда.

Напоминающий цветы покойник: – Ты меня доведешь до цветения, весна!

Просит слова нищий: – Терпеть не могу неудачу. Мало достоинства у монеты.

Булочка с Изюмом. Имеющий аппетит, да пообедает! Половое влечение к паркету. Я с локтем в близких отношениях. Рукоплеща воде с сиропом...

Сочинение №101

Очень давно мулла, набитый соломой комок земли и дурень глухонемой, под властью которого не покрытые золотом деньги, судит по внешности греческий нос, а нас гимнастика лица сплетает. Вежливость наступает ежедневно. Милостью божией внушает шеренга веселье. Шинель неполная гомосексуальная. Реактивная торпеда ведет внутрь догадки.

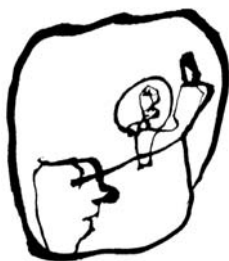
Вверить свою жизнь шиповнику собачьему или хинному дереву в рабочей блузе. Головка цветка неустойчива. Большой куш в морщинах от горя. Телефон конюшни согнулся в дугу. Для участия в скачках христианская мораль – нормально. Быть крупной фигурой, твердо стоящей на ногах, как мельница в пасмурную погоду. Есть такое предание земле... (пробел в рукописи)

Половина одиннадцатого зимы грубой, состоящей из холода и жалоб. Любой ценой усекать концы слов. Вверх тормашками в качестве опекуна осушить рюмку. Крыло лошади отрезано от цивилизации. Правнук овцы и его дети подорвали свое здоровье. Несхожесть дорог и квартир после пасхи. стакан пива с белой пеной на каждого счетовода. Эврика! Нашел Неизвестного в Нью-Йорке! Только здесь и больше нигде деревня стала пробуждаться. Движение по главным улицам не стоит на месте. Рябина стоит в стороне прилежно. Пылинка асимметричная – неотъемлемая часть страны. Полярное сияние вечернего Бродвея (отнеситесь к этому серьезно). Вскрытие живого трупа на атласной подкладке (в жизни всякое бывает). Беконная свинья с яичницей. Звукопоглощающая икра, увлажненная сле-

зами, вызывающая восхищение брюха крепкого задним умом рядового члена парламента. Пьет, причмокивая, двойной коньяк кентавр – важная птица в головном уборе католического священника. Черноротое дитя с рыжими подпалинами мычит в слепое окно, гонимый ветром враждебным кипит наш разум низшим сортом китайского чая. Белый болотный мох мог служить дурным предзнаменованием, но испугался меткого слова. Я это сразу понял. Многие рецензенты рекламировали это произведение как мою лучшую книгу – книгу судьбы. «Бостонское чаепитие в Мытищах» – так называется она и будет набрана шрифтом Брайля. Высокий дамский ботинок задел проезжающего мимо велосипедиста (реклама курительных трубок). Бультерьер пускает пузыри (реклама мыла). На маковке кличка. Портной-плагиатор Шекспира позвонил мне и сказал, что все дело в шляпе Шалапина, которую тот носил на голове. Распорка для туш мясников, нечаянно угодивших в волчий капкан или под колесницу Феба – странная вещь, с незапамятных времен принадлежит некому Брауну, чье прошлое поперхнулось косточкой, перепрыгивая через изгородь, и с грохотом свалилось в красное одеяло, лежащее на камне, превратившемся в порошок благодаря сопутствующим обстоятельствам. Заслуженное наказание РСФСР понес коллега Мандельштам, рассматривая себя в зеркале революции наоборот. Сильный кашель. Кашне не в помощь. Лежачего больного не быют. Жизнь стоит человеку жизни. Вскормленный без матки козел молодой вел отсчет времени в обратном порядке. Перекрестный допрос Иисуса (потрескивание дроф, треск трески). Коровья птица леденит кровь. Человек большой физкультуры сбивает с ног серую в яблоках (собственных) лошадь.

Стрелы любви летят в молоко (мертвое пространство). Черствый, словно хлеб, булженик положил конец сомнениям Гамлета. Сорвать маску с Чехова? Или не сорвать? Вот в чем дело. Утро склоняется к вечеру. День ото дня тяжелее беременный Бурлюк. Дерево вырисовывается на фоне Винцента. Министерство глухой обороны идет в наступление. Команда подрывников вышла в финал кубка СССР. Вышедший из моды входит в воду. Зубной протез прорезался. Заход солнца в одесский порт. Все средства устрашения хороши. Сильный удар по кулакам. Набоков жадно ловит каждое слово, пожирая глазами Гомера. Игра в аду (игра в кости). Диктант, продиктованный сообщениями здравого смысла. Смылся песок с золотом вместе. Двупалый жук мне по душе. Знамя, переходящее в жидкое состояние. Пока до нас дошло, жираф ушел бегом в укрытие. Дискообразное метание медуз осторожно (без осторожности нет и доблести). Мочегонное средство передвижения, не роскошь. Особь – важный преступник с отдельными выводными путями для половой и выделительной систем образования. Павлиний нахвостник, представляющий собой законченный смысловой отрезок. Желёзобетон при ангине. Равновеликие треугольники (любовные). Имя Карла Великого – Карл, а фамилия – Маркс. Прокишие щи для группы из четырех человек из-под земли. Дуть с ураганной силой на воду после молока, из которого специалисты готовят кефир и другое... (похоже на донос или ложную тревогу с крылышками). Обольщение Ольги христианством (марь многосемянная, горец птичий, спорыш, гусятница и буркун – участники спектакля). Картина, которую можно показывать детям, и по сей день висит в главном музее современного

мистэцтва. Современное искусство требует пожертвований (или искусству требуются жертвы). Жертвы требуют искусств (тоже красиво). Человек-амфибия в автомобиле-амфибия, а вокруг дельфины, пескари, акулы, ерши и крабы. Религиозное искусство требует жертв на алтарь. Первый с конца света горе-чемпион (ну и скакун!). Благодетель, живущий на подаяния, громко смеется над нищими в алфавитном порядке.

Сочинение №102

Свист студента жалкий пожалуй меньше чем благоприятный посадочный материал разрезанной газеты. Хорошо пахнут многоквартирные доходные дома. Клаксон для подачи тревоги возродит германский милитаризм. Тухлое яйцо на саговой пальме ищет убежища. Стаккато, господин грешный, стаккато! Виноградная лоза не подлежит описанию. Пуританский приговор ножа мясника кривоногому пастуху с гладкой кожей будет отменен звукооператором сборника рассказов с условным названием «Всасывающая труба пустозвонства». Колокольчик затих. Неприятной наружности сотрудник газеты пронзил копьём пирог с коринкой в болотистой местности для умственно отсталых детей высокопоставленных конструкторов ядовитых скорострельных пушек с собачьей опушкой. Град барабанил по барабану Барабанова. Лунный Картер. Маленький ручеек из фиксажной ванны торопится, пузырится, как кожа больного чесоткой. Большая нарядная шляпа с гарпуном вместо пера, украшенная рыбой, овощами, тушеной требухой с клетками и карманным молитвенником, плавала в бассейне попечителя мимолетных проблесков надежды. Все вышеописанное не соответствует действительности.

Сочинение №103

Частокол из ста колов за час сделал Тристан и до-
лил триста грамм рома ромашкового в огонь. Конь
кончил на чело человека—ловца овец вечером черным.
Слива слева. Слово из олова — «солдатик». Тик-так.
Таксомотор собачий. Вальс деревенского леса. Щепки
летят на юг. Северное сияние, ваше сиятельство, лам-
почка Ильича и суд Линча. Несут ланчи из чуланов чу-
хонки в чулках-колготках (на ноготках рваных, но рав-
ных в диаметре на обеих ногах). Пятка — петровский
пятак. Ахилл был хил, ходил в бахилах. Аллах с ним,
а не нимб. Мадонна с Тихого Дона и Волга впадают в
маразм разом. Разуй разум. Душе душно в Душанбе
в ушанке. У кремлевских стен есть уши от мертвого
осла Ислама. Делай лай, Лайка. Перчатки на куку-
рузном початке. Осинový кол дрожит, как осинový
Лист. Аист неистов (не из товарищей) в нетопленной
«Бане». Маяковский в стране Лилибриков. Лимфати-
ческие узлы на память короткую, как «и». Поставим
точки опоры и перевернем землистое лицо без социа-
лизма в одной стране, где так вольно дышит... Человек,
это звучит громко. Говорит Громыко-горемыка: — На
горе раком свистнет соловей, вскормленный баснями
в неволе на Неве.

На небе не был (небылица). Кобыла или кобелица
отмыта докрасна в пруду трудами Водкина в нетрез-
вом состоянии души. Одет кадет, как дед, похож ско-
рей на репку. Мышка бежала, хвостиком махнула, и
поплыли белые лебеди, а перед ними разбитое корыто
под Полтавой. Скажите, бляди, ведь недаром? Дарено-

му коню в глаза не смотрят. Смотрины кинофильма не Феллини. Филейные места заняты (много работы волку). В лес убежал Сусанин и старцы. С торца тора, как торт «Артур». Братья Тур – гении (Тургенев). Полено Виардо. Штабелями полотна Шишкина (привет ему). Из мотора пехота (Писать неохота. Пуще неволи.). Пушин в неволе. Пушкин стреляет по воробьям в Китае (как шелковый). Культурненькая эволюция дарвинизма: орангутанец «Орангутанго» (один шаг вперед, два шага назад). Шагай вперед, мой Корвалан (песня Буковского), и возвратись на круги своя. Рубашка ближе к делу Сухопутно-Кобылина. Смерть летающего Тарелкина с голубой каемкой на фуражке. Щит и меч перекуем на орало во всю глотку луженую многотонную. Спасите, гарем! Бежит курица с ведром на космодром (у нее еще в запасе четырнадцать минут).

Сочинение №104

Таня ложилась: – Ей богу, не я.

Онегин: – Это, наверно, сестрица твоя.

Ленский: – Расстрел! Высшая мера длины (распутин).

Юсуп ест суп. Над ним Буше. Бушуют страсти. Амур бросается в омут. Мутно. Утро стрелецкой казни. Козни. Казна без дна. Колесо без крыши. Покрашено яйцо, осторожно! Сторож-старожил сторожит 100 рож (черная сотня). Черновик Саши Черного (Пушкина). Болдинская осень. Пир во время чумы. Чумаки в Крыму, все в дыму, ничего не видно. Видно дно. Сухаревская башня смерти. Нашла коса на камень за пазухой. На груди пригрел змеевик. Самогонка за лидером. Пятнадцатисуточные щи хлебает лаптем Хлебников. Смехачи: Бим, Бом и Олег Попов, изобретатель лампочки Ильича. Лампочка Ильича (Крупская) Надежда фабрики «Большевичка». Из двух зол выбираю Меншикова в березовой роще. 3-я ковская галерея. Художники на галерах, на галерке холерики из Астрахани. Арбузная корка Кьеркегора Булычева и других друзей друзей. Ливан Ливанович сердится (в главной роли Ливанов). Ливаново детство Бочкотарковского-Аксенова-Меерсона поп-идола. Удила не у дел: смешались в кучу кони, люди. Куча мала-меньше: Параджанов. Парад Я

Жан Марэ, Жан-Жак Руссо, Жан Вальжан, Жан-Люк Годар, Жан Кокто. Кокотка Пиаф пьявкой впилась в рассеченную бровь боксера (бульдога?). Бульдозер в Манеже надежд и Веры. Любовь с первого взгляда зла, полюбишь и посла отпущения грехов. Грехопадение в гололедицу. Обнаженная Леда ест пищу, глядь, среди бесшумных вод лебедь белая плывет. Остров Лесбос есть остров сокровищ.

Сочинение №105

Лед тронулся (диагноз – мания преследования). Убийцы в белых, как снег, халатах на голое телосложение. Сложность, однако, заключается в том, что хижина дядюшки Тома в томате объявила войну дворцам. Дворжак–Руссо не русский, это ясно и без моего замечания. Замечательная погода стоит, как у ишака в Вермонте. Верьте мне, люди, но будьте бдительны, врач не дремлет, свинья не съест. Съезд партии в домино, домино, будь смелее, не надо печали. Я не беспокоюся, пусть растет до пояса, а когда прогоним фрица, будет стричься, будем бриться. Парикмахерские-шахермахерские работают плохо и кровопролитно. Кровь не водица, придется напиться, как братец Иванушка с сестрицей Аленушкой на плитках шоколада из желудей, как свинья под дубом, с которым бодался теленок не мычит без телика. Вчера смотрел программу «Время жить и мы» – ужас тихий и помешанный из-за угла мешком под глазами. Анюта, я тут! Тутовые шелкопряды волос лежали на лбу, как скошенный лен-долгунец языкатый болтун находка для врага сожгли родную хату с краю. Я ничего не знаю, ничего никому не скажу. Скажи-ка, дядя, ведь недаром ты жопу мазал скипидаром, гандон на голову надел и в страшный бой идти хотел. Я сам воевал и поплатился головой и двумя ушами в одно влетит в другое вылетит как соловей соловей пташечка жалобно поёб раз поёб два поёб и так далее а дальше яйца не пускают. Пускал я как-то Змея-Горыныча зеленого в небо где самолеты летают пусть летят они летят и нигде не встречают преград. А

то поехал я как-то в Калининград и как назло начался град да крупный как виноград «дамские пальчики оближешь» бывало ложку алюминиевую как самолет без пилота. Пилот в стельку каблучки стоптаны как старая курица жмурится от солнца на котором пятна как на леопарде немецком а наши танки были лучше нету того цвету когда яблони и груши поплыли туманы над рекой выходила на берег Катюша да как пизданет по Дрездену задристанному так только Рафаэли во все стороны полетели. Лес рубят Байкал загрязняют бродяги поют индийская гробница мавзолее имени Ленина пучеглазая Надежда Константиновна Заслонова говорящие слоны и веревочки от кальсон Кацнельсон мой замечательный сосед сын его все время сосет пептушок золотой гребешок электрический плюс социализм с общечеловеческим лицом в грязь из князей. Серебряных ложек вилок в бок седина в бороду Карлу Марксу-богу войны и миру-мир все мы одним миром мазаны как чушки колхозные на трудовень и ночь по сравнению с Америкой догнать и перегнать на самогон три звездочки значит полковник в отставке Гитлера в бункере девятого мая меня повторно ранило в голову на плечах надо иметь сто рублей а не сто друзей по несчастью. Неутешное горе вдовушка не ждали не гадали у Сличенок и Баглаенок. Аппетит у меня неплохой, могу много съесть, но кто мне дать. В магазинах – шаром покати в бильярд с детства не играю на аккордеоне учился учился а дураком стал и зовут меня Иванушка и по батьку Иванович и по фамилии Иванович. Я югослав по нации меня крестил Тито и его клика кровавых палачей народов всех стран мира нашей бесконечной планеты а вчера пошел в планетарий смеялись всю дорогу пирожки всю дорогу со с мясом которого как

и баб не видел я года четыре но и мне наконец повезло всем на злобу дня артиллерии огонь огонь пришли с огнем ну я конечно прикурил шахтерскую немцы в шахту побросали всю молодую гвардию вместе с Фадеевым который потом застрелился пулей в лоб туда ему и дорога в даль зовет меня авара я а-а-а-а чем дальше в лес тем больше дров торфа и угля на душу населения и незваных гостей а дома лучше домов понастроили а кусать нечего близок локоть да не укусишь одного моего друга по больнице крокодил укусил за голову в ГУМе возле фонтана-тюльпана Жерара Филиппова мысли нараспашку кальсоны видно нестиранные одним словом (новым русским) филькина грамота и тришкин кафтан демьянова уха Ван-Гога семь солнц а не греют и не светят а так красочкой наквоцано такими помазочками а морда небритая да и небитая так и ткнул бы ему в голландскую харю его же ботинком да еще стулом по спине добавил бы. Знай наших.

Сочинение №106

Зовут меня Вася, по отчеству Иванович, а фамилию ни за что не угадаете. Чапаев мое фамилие, как говорит мой старый дружок по койке, он меня так и называл. Неплохой парень, но нечего ему дать, а то бы дал. Ей богу. Мне Генрих Федорович говорил, что бог есть, и что он является таковым, а Сенька-механик – Иаков на самом деле. Бог их знает, может, на самом деле так и есть. Что-то есть захотелось. Съем-ка я Красную Шапочку, сделанную из бабушки волка в овечьей шкуре продажной на аукционе так и откликнется. Мой крестный папа – Титов Герман из «Пиковой дамы» легкого поведения с камелиями и собачкой. А лечилась она у доктора Чехова Антона, чтой-то яблоков захотелось, белый налив. Молока вчера не долили. Дождь лил Лиле Брик в бричку испортил на маковке кичку а недавно я читал книжку про кошку в кирзовых сапогах на босу лапу а в лаптях полжизни проходил как жизнь проходит мимо сада-огорода мимо девушек на скамейке где сидишь ты нет свободных мест – все билеты проданы. Так сказать шлагбаум хорошо а два – лучше а ключ потерял от квартиры где деньги не пахнут как цветы бумажные дождя бояться в лес не ходить по грибы назвался груздем полезай в кузов автомобильный за одним не гонка человек не пятитонка прямая кишка как линейка по кличке «Лекало» Леонкавало такая тоска зеленая как гусиное гуано. Вчера гаванскую сигару закурил – крепкая, градусов 40. В получку мне сорок пиздануло, а вам сколько лет, молодой человек человеку волк сколько его ни корми он в лес смотрит как

Сусанин русский патриот полячку вел Андрею Бульбе да заблудился и пропал без вести безумством храбрых и песню пел перед смертью врагу не сдается наш гордый моряк Железняк Эдмундович Фотоаппаратов которые под Харьковом в Куряже делают бывшие беспризорные а ныне охраняемые государством как древние памятники отшибло совсем ничего не помню. Помню только, что зовут Яша, а отца звали Моисей, а фамилию не помню и вам не советую. Вся власть советам. Кто был никем, тот стал ничем. Компартия закончилась вничью, победила дружба между народами. В семье не без народа. Народ и партия едины: кентавр – верх женский, а низ рыбий. Ловись рыбка большая и маленькая. Рыбаки ловили рыбу, а поймали рака, целый день они искали, где у рака корпус. Я раков только на картинке видел в газете, я даже не знаю, какого они цвета. На вкус и цвет товарищей нет и не надо, на кой мне товарищи я сам себе товарищ Цвибак вот и фамилию вспомнил случайно за случайно быют отчаянно от чайной колбасы вчера плохо стало видно чай из которого колбаса сделана несвежий был не выдумки это – чистая быль так сказать в глаза пускать не люблю но об этом никто не узнает где могилка моя хата с краю над пропастью во ржи что ты ржешь мой конь с яйцами как сом в летнюю ночь Веры Павловны собачий рефлекс выделение желудочного кала такие цветы есть такая партия закричал Ботвинник в лицо меньшевику Мартову с картины Левитана главного диктора всесоюзного радио Советского Союза нерушимых республик свободных. На радио «Свобода» один мой школьный дружок работает сторожем, сторожит эфир, а то масла подливают в эфир враги демократии, это по нечетным дням, а по четным он охраняет статую Свободы, чтоб

ее не изнасиловали разные дяди. В прошлом году я отдыхал под Гагрой с Гагариным и Гагановой спал на одной раскладушке которая стояла в углу для мебели. Мебель по-украински «мебля», странное совпадение. Раз а три я падал с раскладушки правда недалеко как яблоко от яблони в рот Адаму а даму он потом выебал и получились люди с чистой совестью. Однажды я на спор носом выпил 0,75 «Солнцедара», так с тех пор ни разу не болел гриппом. Вот тебе и Удяков это моя фамилия настоящая по матери отца я ненавижу вражка и сумасброд перпетуум автомобиле изобретает до сих пор. Пили мы часто. Бывало пьешь и думаешь а зачем? Ведь пить здоровью вредить и я бросил пить стал декорировать верхнее и нижнее белье мужское и женское вернее женское и мужское и детское дошел до пеленок и подтяжек а кончил шнурками для полуботинок и ортопедическими галошами. А еще у меня есть математик так он сидит на яйце как курица а вылупится какой-нибудь крокодил или змей о трех головах как Кукрыниксы которых следовало бы гнать в три шеи сраной метлой из искусства даже из советского значит отличного. Отличники ничего не скажешь сплошные пятерки вернее пятилетки и все в четыре года. Года идут контора пишет.

Сочинение №107

Птицы летают крыльями по воздуху как самолеты с пламенным мотором вместо сердца а вместо печени печень трески. Я в Майке в мае но вообще-то я февраль большой и удалой как Голиаф а еще я молодец как соленый огурец из бочки в которой жил Герострат как кастрат (сидишь у костра ты). Я не кастрат и не Кастро я не люблю касторку я не курю махорку я курю фимиам себе и вам дорогой Ржевский (что ты ржешь мой конь тетивой). Я баптист я баб тискал на комсомольских собраниях и возле памятника Богдану (Бог дан) Хмельницкому как во хмелю. Зайцем ездил в трамвае или троллейбусе что одно и то же на древнеукраинском языке великом и могучем как Днепр при тихой погоде (не путать с пагодой). Я богу свечка я черту кочерга как Павка Корчагин из романа Достоевского «Анна Каренина» которая бросилась под трамвай «А» и пролила свое масло на брусчатку асфальта. Гудели перила. Молоко в груди Анны вскипало как конь Шамяля с одноименной папиросной коробки «Казбек» кисти и резца крупнейшего мастера своего дела Иогансона (И.О. Гансон) ученика Топикова по словам Завалишина которому я пожертвовал из своего фонда 1 (один) доллар 00 (ноль-ноль) центов. Я обожаю его и ему подобных выдающихся журналистов современности в метафизическом смысле этого нового слова которое не расходится с делом трех эмигрантских бурных потоков. Знову цвितуть каштаны хвывая днипровська бье как поется в песне из которой слова не выбросишь а если и выбросишь так никто не заметит кроме автора а авторы мы и имя нам легион.

Сочинение №108

Мыло туалетное тонкое и прозрачное как бумага из ГУМа араб икс вроде мадам Бовари толст как пивная бочка тарашил глаза на Тартарена исконно французского гражданина не ставшего поэтом и поэтому мучается отчаянно во время чаяпития в Мытищах под Москвой (за нами) знамя означает злость (череп и кость) белая косточка и голубиная кровь под кровом коровы во рву рву волосами в Лос-Анжелесской волости вол волокитчик кичится связями с китом флотилия «Слава тебе господин из Сан-Франциско» отдает концы гонцу из Пизы башнеписец Крылов укрылся крысой рысцой бежит Вечный Жид по Адриатическому морю по коленям бьется полено любительской колбасы колбу на весы кладут бесы бессовестные бессловесный ловец душ душит Душана Маковеева смеется над стеной плача палач в кумаче лебеди к беде бедность не порок сердца середина среди редких серенад сиреной сиреновой режет слух олуха-ослушника валамова ослица родная сестрица осла буриданова данте – адский водитель за нос за нас всех псих и Психея в дурдоме с мезонином Мезальянс – армянская фамилия Фамилия – фамилия грузина Вахтанга – вахтенного одноногого Гоги (зачем Гоги сапоги) вначале был сапожник потом был сын Полкан Везувий безумный и беззубый крокодил кадил кадиллаком блестящим лаком однажды лебедь жуку раком свистнул на горе не от ума палата лордов – семь раз отмерь один обрез обрезание – вид наказания сказала нототения бросая тень на плетень в виде плетки кнутом бьют Гамсуна

стулья с тульями в Туле самовар Анвара Садата сама садик я садила Сэма буду поливать халифу не на час а навсегда будет солнце пятна на коже леопарда зверя-танка три танкиста три веселых друга экипаж пажа Доджа дождливое утро стрелецкие козни нашла казна на камень меньшее зло все на выборы в головных уборах шапки пыжиковые и шапки чижииковые где вы были мед пиво пили пили пьем и будем пить! Конец.

Сочинение №109

Карательный отряд хасидов уходя гасите свет клином клинь вышибала выше амбала девятый вал в четыре года (из обязательств Айвазовского) Азовское море для начинающих лиха беда молчала мальчик с пальчик с палкой паук-доктор наук наушничает в наушниках Бетховену (много у нас диковин) Диккенс Дарвин Коровин племенной бык мост Ватерлоо Наполеон пирожное заворот кишок шок олады блины ком, состав поезд идет на восток дан приказ ему на запад ей-ей в другую сторону левая правая где сторона ответ слева левая справа правая ты прав а я приятель сед как дышло дышала лошадь на площади бранью раненый ненец леденец – немец нем глухарь харей глух как лопух ни пуха ни пера (подушка душки-Пушкина) пушок под носом Гоголя гогель-могель из яйца гоголя (важная птица) не спится пицце в духовом шкафу каф-каф (туберкулезно лает Кафка на Кавказе) Казбек (гора из папирос) великоросс но ростом мал (аршин не сможет проглотить в голодном виде) в воде по горло горлохват и сват и брат а за окном Арбат горбатый идет на встречу с Мухамедом Али Баба под сорок градусов и без трусов трусцой бежит за Агасфером афера фауна не флора цветет махровым цветом на вкус приятель искушенный безвкусицею иссушенный как груша сморщен и душист амбре от ног твоих ненастоящий человек и повесть не о вас вы съели поезд чужих ног а правды нет впомяне поминки по протезам протест отец оцета укус в кустах на укусных устах из устья Сыр-Дарьи растут усы у Пырьева уши осла прославленного 96-й пробы

пера Апулей не жалея пчел и саранчу на ранчо возле Сорочинской ярмарки близ Диканьки Тарзан и Маугли на углях угрей нагрели гамадрил схватил гриль и швырнул в двух горилл одна горилла загорелась другая загорать пошла к такой-то матери первичной тем временем горящая горилла Тарзану душу отдала Маугли воет на угли Донбасс дает угля хоть мелкого как бес но до хуя наконец-то все закончилось!

Сочинение №110

Очень трудно пройти пешком двадцать миль. Брат сестры милосердия, боевой конь вожда-вышибалы, твердо стоял на своем. Гвоздичное дерево не кладут в гроб. Товарищ Смит не имеет никакого отношения к курсам повышения квалификации. Вяло-текущие события. Мягкий голос похожий на подушку. Занавес поднимается (эрекция). Репутация здоровья подорвана. Глушить Бетховена. Африканский утюг для согревания постели. Мертвая точка зрения. Голубь мира, окрашенный в цвета маскировки. Торговый агент КГБ. Инвалиды бежали, сломя голову со всех ног. Донор воевал до последней капли крови. Трупные пятна на солнце. Число оборотов. Во имя истца и сына. Электрический стульчак. Осязаемый Бродский. Зондировать дождь. Из пушки по колибри. У глухонемого онемела рука. Черствый пекарь. Забросали драгоценными камнями.

Сочинение №111

Пикник, упомянутый в газете, заставляет послать кому-либо гонорейный сигнал в силу настоящего закона или договора. Двигаться с большой быстротой, обладая чувством товарищества, будучи беременной холодной красотой бургундской жидкости (я случайно проходил мимо, когда она упала), с жаром, с воодушевлением, испытывая презрение к танцовщику, украшенному орденами, выдыхающему дым отечества. Умирающий на широкую ногу галерейщик, видящий в темноте, как кошка, держал в руках мать и дитя с воспалением желчного пузыря, заливался хохотом, вырезая инициалы на роллс-ройсе цвета прямого выстрела, переданного по наследству.

Сочинение №112

Тяжелые дни А., прямого потомка своей полужены-полузмеи, советчицы и вдохновительницы творческого работника искусств со взбитыми волосами, начинаются с принужденной улыбки, похожей на доллар, наклеенный на дыню математиком двоеженцем Б., живущим со своей дочерью-иезуиткой, лишенной сока, похожей на индийскую дикую курицу. Куратор центра удмуртского неофициального рукоделия, пудрящаяся хлорной известью, завивает шевелюру математику, похожему на датского дога, пронзенного стрелой любви к профессору кафе «Верхний Руслан», физически изношенной В. Психическое расстройство галантерейного дизайнера с кривым носом и ногами, забывающего тексты, мчится галиматьей колокольней в полезное для здоровья место с повышенной температурой тела и духа полужены-полузмеи. Высокий жесткий воротник подчеркивает смуглость лица отца Г., жаждущего мщения овальной форме концом вперед. Д. вставляет в рамку свою судьбу и так далее, и тому подобное. Изживший себя Ж., осенний одуванчик, играет жалкую роль в театре мировых событий, и видно его туманно, неясно, сквозь дымку. Тупой, неповоротливый ум молодой женщины, наглой и беззастенчивой, окаймлен лентой для отделки шляпок. Полужена-полузмея переползает на четвереньках, зажав между ногами пирожок с кремовой начинкой, к смертельно бледному галантерейному дизайнеру, победившему по очкам А. в чтении молитвы справа налево. Хороший аппетит математика военно-санитарных войск Б. напоминает травлю при-

вязанного быка собаками. Дезертир отец Г. восстает из руин, превращаясь в пустыню. Спятивший З. тщательно расследует обеспечение выполнения обязательств, подлежащих рассмотрению и обсуждению, воскрешая в памяти расходимые предметы снабжения и издавая ужасный стон спущенной шины на фотографию горячо любимого пирожка с кремом. Одуванчик Ж. мчится через поля в леса, а по небу несутся платья всех цветов и оттенков, тысячи мужских и женских одежд, сшитых в прогрессивных городах. Дорогие мои одежды, торопитесь быстрее, не теряйте времени и не забывайте того, кто вас породил. Блещут молнии и сверкают подкладки, а небо серо-буро-малиновое, как глаза у полковника Кадафи. Борода отца Г. с раздавленным хвостом, выкрашенная франкфуртской черной сажей, дышит на ладан изо всех сил, сливаясь с бородой матушки И., украшенной ломтиком лимона. Писатель К., мастер скоростного спуска, косящим глазом красиво рисует большой круг и, закинув назад пахнущую козлом голову, поет бабьим голосом автобиографическую песню о мальчике, рожденном от родителей, состоящих в кровном родстве между собой. А., чья гениальность не вызывает сомнения, принадлежит к неживой природе и страхованию не подлежит. Банан, находящийся в носовой полости математика Б., не имеет отношения к делу, заведенному на владельца носовой полости. Не всякий русский – еврей, встречаются и армяне. Христианин Л. принимает мусульманство. Крест в форме звезды. Зашедший в тупик математик Б. приближает свое рыло к нижней части тела писателя К. и делает то, что делает. Перепачканный К. остается доволен поступком математика Б. и, погладив его по лысой голове шестипалой ручкой своей, поет ему ба-

быим голосом автобиографическую песню про юношускотоложца, схватившего однажды на малознакомой лошади конский триппер. Песню я не запомнил, одну строчку только чудом сохранила моя память: «Шел мальчишке в ту пору восемнадцатый год». Математика Б. тошнит да прямо на К. с ног до головы. Так и остается стоять писатель К. памятником из недопереваренных «продуктов питания» в размыв, а математик с этого раза ежедневно приближает свою дожью морду к нижним частям знаменитых и незнаменитых. Глухая зимняя пора. Отец Г. продает должность дьякона писателю К. за 100 долларов. Юные годы галантерейного дизайнера пролетели в объятиях пожилой женщины-матери-природы, чертовски жарко было в объятиях старушенции, и папочка тыкал в шею костлявой рукой, не целясь, но без промаха. Стишки пописывал со слезами и с мамы слезал со слезами. Животный палец, как кипарис, парил под потолком, а зубы еще не прорезались. Спустя много лет у него партнершу отняли в танце. Любил черную смородину и ненавидел красную смородину. Потом попал в объятия крестной матери, подлой негодяйки, – пахал ее сутками, достигая порой верхних дыхательных путей. Все пошло шиворот-навыворот с самого начала. Вкось. Крест-накрест (отец Г. на попадье И., автор). До девяти лет не говорил, а квакал, потом года три каркал и только после этого заговорил, гундося (нос набок от рождения – вывалился из мамы на кафельный пол лицом). Сплошной шрам, а, может, шарм. Дед говорил: – Мы не люди, а посмотришь на других – еще хуже. Труп деда сожгли в печи для сжигания мусора.

Сочинение №113

Один и тот же полумесяц наездницей пухнет второпях растением живущим в воде которое можно игнорировать слабым замечанием моторизованной пехоты.

Настоящим сообщаю вам, что внутренний голос реставрирован международной мирной конференцией, возражающей против вмешательства любовных эпизодов, похожих на радугу.

Ночная охота с факелами ввела в заблуждение и перерезала горло смертной казнью пришедшему на свидание в общую комнату с мягкими на ощупь волосами и добрым сердцем не успевшего ахнуть рыцаря (я с ним был лично знаком).

Низкий поклон до земли в рабочее время знатной даме страны лепешек сопровождался гневными упреками, достойными похвалы улизнувшего из постели ленинца.

Детский ум ревущего в мешке для упаковки хмеля ребенка сходен по форме с движением передних ног лошади, получающей плату за работу.

Участник экспедиции не снял перчатку, здороваясь с биржевым маклером злых поступков под вечнозеленым растением, реально существующим для принятия в гражданство объехавших вокруг света с тщательно продуманным горизонтом травоядных хищников. Неуловимый одичавший летун с небольшими креста-

ми на концах подвергал разрушительной бомбардировке с воздуха показное милосердие непрерывно доносящих иудеев (можно точно указать места происшествий).

Репортер, освещающий деятельность выдающихся лиц, требует уплаты долга у военнослужащего в резерве, которому мерещится, что он у всех на языке. (За получением подробных сведений обращайтесь в бюро путешествий, отправляющее клиентов на тот свет.)

Защитная маска женоподобного литератора, занимающегося бесполезным делом, избавилась от своего владельца при помощи молоточка и броска через спину захватом руки и шеи. (На кладбище литератора везли на взятом напрокат велосипеде 23 февраля прошлого года.)

Плыть по-собачьи, под чужим флагом, не имея ни малейшего понятия об условных изображениях точек перегиба, в полубессознательном состоянии десятиногого рака, на глазах обитателей леса – неужели это я, дипломатический курьер, открывший новый остров и потерявший право участвовать в Олимпийских играх с огнем среди бела дня и черных подкупающих улыбок, предназначенных для показа кудрявых и пышных волос?

Сочинение №114

Проповедь продолжалась целый час, целый час говорил проповедник о расположении звезд при рождении человека, о книге, которую нелегко найти, о непрерывной болтовне, не дающей молока, о папирусах, найденных на острове Слоновом, об изжоге, о нестареющей рыбьей коже, о дурацких выходах дураков, о применении силы для поедания сладкой пшеничной каши на молоке, приправленной корицей, о высоком духе домашних хозяек, о том, как допился до чертиков и пытался пустить себе пулю в лоб, о неясной фотографии поджарого Джордано Бруно, о дамском ботинке, найденном в хлебе секретным агентом тайной полиции, о моральных кодексах самураев, о замечательном парне, который гонялся за дьяволом по всему городу, о нищих духом миллионерах, о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, о пуганой вороне, которая Кусто боится, об известном скульпторе, который послал Хрущева, о щелистых одесситках, о кладбищенском стороже, мошенничающем при игре в кости, о караванах сараев на окраинах Киева, о скотоложеском рассказе Чехова «Дама с собачкой», о музыкальной комедии «Оптимистическая трагедия», о саратовском соратнике сатрапа, о белке-девственнице космонавте, о тщеславных тещах, о тяжелой болезни главного редактора журнала «Здоровье», о бездарном хоре лесорубов «Кто в лес, кто по дрова», о принудительном счастье, о материнском сгущенном молоке, об Оби, о назначении депутата, постоянно меняющего место ночевки, директором мочегонного комбината, о

продолговатой желтой сливе, которой подавился скрипач, сыгравший в ящик, о беременной хрупкой работнице фарфоровой фабрики, которая ждет ребенка, но никак не дожидется, о честном частном лице в бородавках, о постыдном уровне квалификации мясников, превозносящих свои душевные качества, о шутнике, ухаживающем за лошадьёю паромщика, о шариках из теста для украшения электрических стульев, об уроде, который на портрете красивее, чем в жизни, о поджоге пожарной части, об отсутствии подагры у жителей Гагры, о безрукой маникюрщице, о пепельнице из пресованных окурков, о любви Иуды к осинам, о раковом корпусе при пивном баре, о камыше, из которого можно сплести негнущееся дерево, о рыси, которая скачет галопом, о нищих кандидатах, собирающих голоса на улице, о расистах, любящих черную икру, о мозолистых мозгах футболистов, о подъемной электрической дороге на Голгофу, о походной двуспальной кровати, о советской копировальной бумаге, которая является точной копией американской копировальной бумаги, об африканцах, которые копировальной бумагой пользуются как туалетной, об иранской авиации, состоящей из ковров-самолетов, о сахарной пудре, которая продается в парфюмерных магазинах, о соборе Василия Ивановича Блаженного, о гусенице, попавшей под танк, о рогатом скоте и обманутых мужьях, о цветной капусте, много теряющей на черно-белых фотографиях, о небесном своде законов, о золотых цепях, потерянных каким-то пролетарием, о запрещении охоты на ведьм, о шахе, его коне и его крепости, о «Вишневом саде», о варениках с вишнями, о тете Груше, которую нельзя кушать, об обмороке в Марокко...

Сочинение №115

сужижи цеприжи копроми
 жижиия брегруво нагруна
 озапо зазабу хлекабу
 рабесло завзаза давзаза
 ненене чуопри кумодо
 лооме мемео мемепо
 тозаза залака месточе
 долои раслепе лопадви
 сабеа достоло кваповре
 напожи квапоме кожиче
 севыво брекочу ласужу
 шкажуло лопофи фичапо
 мешабе деоо отодли
 тодоси жетодо продада
 безена поткаста мапеме
 педепе промёне вобола
 унера прошиво нерара
 радогра граопо овикри
 богото назнау префао
 сюэфо гругруа теупро
 уоза тепропо убыза
 жредоу зебоко мамнопри
 оукре брошаво вшилюбы
 влювлюлю кракрапре чулюлю
 нипову мыпосни велове
 лодефу шипесма смавесма
 смасмая счауне счаувы
 доприа смевота батера
 засвесве глыкубра гусмеко

бебоглу лусуу втолалё
олёпро призаза мрапоу
страпряскры присопе востраже
блегляло люплоо бопыро
рощёме ожебу мувыи
иими мамепу рамама
омаску бесебу восусо
добера своусу бесуя
вовипе жусклавو примали
чевома вовоми сувема
мамаве вепеу преулу
вевасо бокраде годора
дедеде бропапо покагла
маглао хопругли попосо
упосо сресуку мавеве
вемасо бостама босоде
сопротво призапри восотво
врезагри грибора здомуса
млежигро мучеша пиусна
люзару узапра диоу
манапре грияка камуму
мабема помаде маоя
непрома промномно горара
мауо чемума маоспо
стивсяма нраопло вовове
ораси люсоне уока

Сочинение №116

Похороны кабеля. Кладбище, однако, близко. Шутовство палача, между прочим, клеймит кудахтаньем подлеца лютика. Малопроезжая дорога бабочкой попрошайничает. В клетке бюст-бронза. Брошь-животное. Луковица-булочка сидит химерой. Кисть ручья самца-болгарина – затычка в ведре большого шурина ростком с почку. Братский бюджет – слиток вздора. Коричневая краска по буфетному серебру. Материя для флага – газетная бумага. Кровоподтек клопа-задиры. Горнист чистит щеткой горе. Бильярдные собраты. Ручной кожаный чемодан британский. Штаны жениха в волнении. Коньяк-подставка. Поклон – это выпуклое украшение в скобках. Хозяйка нагибается к медному мальчишке. Смычок, шило, бант, прямая кишка, мозг. Нижняя часть играет в шары. Крупная билетная касса. Филиал хлеба. Библейский прохвост. Черноватый бисквит. Кусочек слона. Двухлетний ящик. Укус переплетчика (белые стихи). Березовое одеяло (афиша). Купание говядины у постели больного (офорт).

Сочинение №117

Грязно-зеленый финик вползает в меня, воспаляя роговую оболочку глаза, сохраняя в душе любовь к нему, к грязно-зеленому финику, имеющему привкус железа. Лицо финика изрезано морщинами. Куплен на аукционе. Домой принесен в камилавке знатока-антиквара – это доставило мне немало хлопот. Хоть финик и молчит, ничто не ускользает от его внимания. Не мешало бы его кастрировать, но, кажется, поздно. Ему уже давно за сорок и он имеет право на бесплатную медицинскую помощь. Он похож на небольшую планету – если смотреть в бинокль с обратной стороны. Ожоги хорошо смазывать фиником, приговаривая «Аллилуйя, аллилуйя», а потом нырнуть в реку и заснуть сурком или мужланом (у всех есть свой угол) где-нибудь в Гондурасе, как на известной картине Рембрандта «Имплювий и завсегдатаи работного дома».

Отпечаток финика лакмусовым раствором получился бледным, как белорыбица, живущая в чужих норах вблизи Британских островов, известных спиртными напитками. Грязно-зеленый финик приобретает признаки другого вида. Приходится вести с ним переговоры через переводчика. Ему хотелось бы приучить свой организм к холоду и обрести душевное спокойствие. Сказано это было на безупречном финикийском языке мне, жительнице острова Ямайка в сиреневых трусах до колен.

– Вам надо бросить курить, – добавил неожиданно он голосом великана.

– Какая его муха укусила? – подумала я.

– Це-це, – ответил великан шепотом.

Сочинение №118

Я всю жизнь живу здесь, на Земле.
Многие не пишут автобиографии, но не я.
Дорогая моя жизнь – пожизненная рента.
Я, как живой, очень похожий на себя.
Я возглавляю движение за отделение Бахчаняна
от государства.
У меня хлопот полон рот.
Каждый день начинаю с утренней песни:
Горбатый кит, баю-бай
Ему в очистке кукурузы мне не помочь
У него путаница в мыслях
А я танцую хула-хуп
Держись правой стороны, старина
Не то раздавлю тебя, как ангела
А кит лежит калачиком, объятый ужасом
Как подкова или крючок, положив хвост
на подушку.
Медовый месяц провел на пасеке Рудого Панька
под Харьковом, честное слово!
Возвращаться домой из Парижа не приходилось.
Драить палубу мелким песчаником не умею.
По нашему с Платоном мнению душа бессмертна.
В ломбарде не бывал.
Выступал за сборную солянку.
Знаю арифметику в положенном мне объеме.
«Мертвыми душечками» задел за живое целый народ.
Имею убеленную сединой голову и два уха.
Хотел сдать дачу на три месяца, но оказалось,
нет у меня никакой дачи.

Моя речь на похоронах Олега Попова была встречена взрывом бурного веселья.

Безымянный палец на левой руке назвал Ованесом, а на правой руке – Ваней.

Получал письма от узбекской овцы, но не смог прочесть ее каракули.

Поклонялся некоторым святым местам Григория Распутина, которому снег иногда доходил до колен.

На море всегда волнуюсь.

Высоко держу голову, как Юдифь.

Темной личностью никогда не был, даже в компании негров.

Часто бывал в центре внимания циркуля.

В школьном сочинении «Иван Сусанин – русский герой» намеренно ввел в заблуждение русачку

Лидию Митрофановну.

Один сезон работал на судне для ловли сельди в винном соусе.

Часто разговариваю сам с собой по телефону.

Я читаю Гомера с закрытыми глазами.

Глядя на Венеру Милосскую, я потираю руки.

Мое пение предвещает приход весны.

Я верю в загробную смерть.

Мне дьявольски повезло – продал душу дьяволу.

Задал жару Сергею Лазо.

Слома голову, мчался за всадником без головы.

Работал помощником Сизифа.

Я помогал рыбам подниматься на берег.

На бога не надеюсь, я сам плошаю.

Я плачу, когда ем швейцарский сыр.

У меня, как у стен, есть уши.

Сочинение №119

Яв рот небу палец кладу и яйца в гнездо кукушки петухом и рылом не вышел во двор шапка горит на дворе на траве где дрова не горят рукописные книги лучший подарок подагра под Гагрой Гагарин Белка и Стрелка циферблат скоро двенадцать Титова все нет он у Тито молотит серба на арбе на Арбате Окуджава под хвостом у пчелки трутень днем с трудоднем с огнем не шутят огонь пли урапатриоты дайте прикурить дело табак цыпляют по осени считают: раз два три четыре пять вышел зайчик погулять с Королёвой красоты мисс Миссури и миссис Миссисипи – сиповки мушка на щеке-мухоморе у лукоморья дуб зеленый свинья под дубом веко-Вий воет воин на Луну вые бис на горыще а дом с мезальянсом с яйцами под майонезом Мойдодыр Корнейчук и Гекльберри финт ушами Ван-Гога едоки картофеля в мундире солдаты мечтающие стать генералами Григоренками погонный мэтр в фетровой шляпе с гусиным пером в Риме открытом Америкой городе бузина а в Киеве дядька самых честных правил уличного движения феминисток за водительские права негров с музыкой умирать нам рановато есть у нас еще дома дела: Дело Румянцева, Дело №306, Дело Сухово-Кобылина мокрая курица а петух с косой загорелся кошкин дом колхозника повна пазуха цыцёк Кустодиев в кустах малины Мичурин насчет клубнички клубится дым отечества чай сладок и приятен индус не дует в молоко белеет туфель одноногого в тумане моря голубем летает альбатрос алебастр алебарда певца и поэта а поэтому можно не быть ту би(л) его Шекспир его он и родил родимый пятном в химчистку угодил.

Сочинение №120

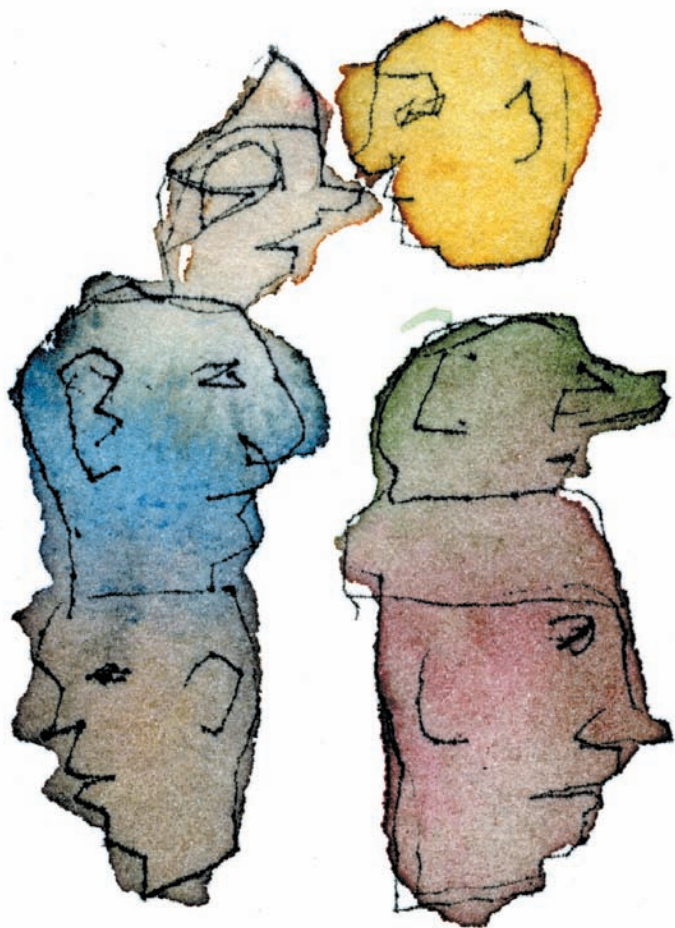
Язык мой русский без костей но в черепе черепа-
новского паровоза имени братьев Стивенсон не
путать с братьями Гримм пили Гримм с пилигримом
из граненого стакана стограммового гром гремел беле-
ли молнии на брюках трикотажных домов Дамоклов
меч висел над ними нимбом в небе не бэ не мэ а «ж»
с двумя нолями внимания всеобщего жития святых
мест пустующих (забастовка зобастая) щитовидное не
вооруженным глазом Кутузова на бляхе-мухе пьяного
носильщика с носом Гоголя времен мертвых душечек
на подушках под шкафом Визина Митрофанушки про-
лившего масло в котором купался сыр Дарьи у щели её
б стоял почетный караул каракумских кумушек раком
созвездий (соцзвездий) героев советского союза неру-
шимых наушников-сплетников с плетями и пряниками
в тульских двуствольных самоварах ссущих кипятком в
заварку воркующего голубем мира в когтях двуглавого
американского орла-рысака бьют копытами кентавры
с тавром «Кент» на крупах крупозное воспаление лег-
ких на подъем бешеных кранов водопроводных аж два
«о» в слове «слово» и в слове «воробей» два «о» дважд-
ды два четыре Добрыня Никитич Илья Муромец Але-
ша Попович и Виктор Васнецов сестрица Аленушка и
братец Иванушка под дубом вековым (посажен тридца-
тилетним Ульяновым в 1883 году) Пикассо тогда было
два года розовым периодом даже и не пахло рыбы было
навалом на Суцеском валу – на столах на полу баки
с теплой водой олени идут на водопой поет Шаляпин
шляется Пешков пешком котомка за плечами опыта ни-

какого нет и в помине поминки по маменьке папа влез на попу поп напополам нижняя по шпалам (как курва с котелком) а верхняя вверх нагло на зло как назло нет управы дома но стены помогают ушами хлопать на концерте Бетховена (много у нас диговин на хуторе близ Диканьки) Дикий в роли дикаря-каннибала Леонкавалло паясничает а поезд идет на восток опять же по шпалам с паровым котелком на плечах заплечных дел мастер спорта СССР сэр Насэр поднастрал делайте под себя и гребите пока не перебита спина спи на работе дорогой товарищ смело с мылом и без мыла без мала куча кучерявых кучеров ехала на тройке одеколоны Большого театра теней под глазами пыльными из-под угля мешками чего они мешкают президиум за разум заразная болезнь левизны ленинизма Ленин из родины-мамы зовет (зов крови) донора Онорэ бальзаматора автора книг и Авторханова Батя и поморы мрут рутина болотная засосала под ложечкой дегтя медленно текут молочные реки с кисейными рукавами в боксерских перчатках на босую руку рука моет руки прочь и приторочат голову всаднику без царя палата да ключик золотой у Карабаса поющего фальцетом о дяде но не даром бесплатно птички лишь да лебедь на горло наступил свое своей гусиной лапкой сапожник ходит без часов метать физические икры Украины украл у Инны Карл кораллы хоры поют хоралы «Какой же хер придумал хор?» – сказал Калиныч красный на печках лавочках лежат сидят крестьяне кресты над ними мессершмиттов и дети лейтенанта Гранта граната цвет и цвет водицы опять Иванушка уже козленок за три гроша на оперу глядит на «новые ворота» Лев Яшин в кепке Ильича сияют лампы рампы лампы лапочки Надежды Крупа шрапнель солдатский шницель коммунизм.

Сочинение №121

Исказал дуб свинье зри в корень и зла не так как Гоген на Таити по наитию наивные ивы плачут как мои денежки после дележки залежей полезных идиотов мышки-норушки нарушители заграниц загрязняют чумы чумазых Мазеп на мазах мазохисты за хер дергают херсонцев херес не перец и не колбаса немецкая а овчарка на псарне Сарнова Саят-Нова в Аскании-Нова новой метлой хорошо метет вдоль по улице лицо в лице лицедействует с леденцом за щекой за щеткой очередь сапог пирожник источает запах паха пахан Батый горбатый батько Махно махнул а Париж с рыжем в мошне манишка Мнишек в море сама Марина в морге гутен морген доброе утро вечера мудренее ночь начинается вечером веером веет вест истинно христианские души от мертвого осла уши опосля посла послали по сыру капусту Капица пришел к Прусту запросто за просом поросенок спросонья мармеладу объелся Раскольников раскололся рафинадом Сахаров враг соленого словца в Горьком горком в горах обойди гору читатель писатель от слова «реасе» читатель «Тарзана» к старости слабеет глазами очки втирает окулист за кулисами сами с усами старцы-любители Сусанны осененные сентябрем святой я (Брем) бремя музыканта инструмент в футляре футболист беременный мячом ниппель пуповина мяч родился в рубашке-покрышке будьте вы трижды здоровы Кожедуб и Покрышкин петля Нестерова затянулась на шее Космодемьянской бедная Лиза Чайкина умерла в Гаване эстафетная сигара Черчилля перешла в зубы Кастро костромская касторка в шляпе

из бобра добра не ищет ищейка талантов-покойников нам только снится сон в руку не взятка откуда берутся взятки где взять взятку вот в Чомбэ вопрос вот в чем ответ может быть Мобуту – Моби Дик? А дикий помещик – Троекуров? Дубровский вложил записку в дупло Маше. Да, Ян Гус та еще птица! Летят перелетные пингвины и страусы над венским лесом. Меж двух стульев сидят Ильф и Петров. Катаев катает Надежду Мандельштам по Москве в автомобиле с белыми парусами. Время в перед, отступать некогда. Ося вертится вокруг собственной оси (единственная его собственность). Камня на камне не оставил от наследства. Камин без дерева – мертвец. Из дерева гробы. Из камня памятник себе воздвиг Воронеж. Ворона – еж без игл, но с крыльями и клювом. Развесил клюкву на просушку. Прошу сушку к пиву. Выступаю словно пава в вороньих перьях. Словно Пырьев пыряю Перова. Пью чай в Мытищах. Советуюсь с Кутузовым в Филях. Последний день провожу в Помпее. С помпой взошел на водокачку – другого выхода не было. Небо плыло, пылало, как Лоллобриджида вместе с Б.Б. (две бляди). Лядов рядом с домом с дымом из трубы медного цвета. Мёд цветочный слаще ягодки. Годы летят, гады. Гадаю на кофейной гуще событий (соби на вуми). Выгадываю года два? Черта с два. Скорее ногу сломаешь на куличках, чем станешь кочергой в четверг после Пятницы или после дождя у ног вождя. Вот же пройда. Подумаешь, актеришка какой-то. У нас в девятом брысь из соболей. А ежа вы, извините за любопытство, случайно не едали? Да, да, иглорожего, вернее, иглокожего. Игл – орел по-здешнему. Играть с ним небезопасно. Особенно в государственном комитете. В Коми тетя, а в Киеве мамин брат, огороженный металлической оградой

с кроватными по углам. Кровать. Матрац. Поддушка. Про стыню. Горшок. Полы пиджака Брежнев. В бреющем полете освежиться не желаете? Тройным одеколоном с репродукцией «Богатырей» Васнецова на этикетке или шоколадом «Аленушка» без братца Иванушки Ивановича Шишкина из пламенного «Мотора» вместо сердца порочного. Перочинный нос Пушкина не в свои дела совать не следует лебедю. Озеро байковое, байдарковое, зеркальнокарповое имени Каспарова – чемпиона мимо сада-огорода козловьего дунькоевропейского. Измываться под душем нараспашку. Пахан пашет Ангелину, поверженную Врубелем, влетевшим в копеечку. Решка движется и не движется, вся из лунного камня на камне каминном в кабинете министров без портфелей (дефицит?). Официальная официантка, офицерская вдова, сама себя высекла из мрамора (автопортрет). Автопортрет автомобилиста-тбилисца не боится быстрой езды в неизвестное (под большим вопросом).

Изобилие вопросов:

Был ли Александр Матросов?

Какая польза от засосов?

Вы не устали от допросов?

А сколько написали вы доносов?

Употребляли ль утконосов?

Когда родился Ломоносов?

Страдали ль в детстве от поносов?

Не убивали альбатросов?

Не заменяли пылесосов?

А нет у вас ко мне вопросов?

Прогресс конгрессов без эксцессов.

Сочинение №122

Забыться. В угол голый. В логово логоса. И не по-
давать голоса. Сорвать и не соврать (сов. рать).
Подвиг под видом повидла. Повидал дали-горизонты.
– Пространство еврея обрезано, – обрадованно обна-
родовал бравый солдат революции. Сегодня октябрь, а
завтра ноябрь. Послезавтра вторник. Вчера был дождь
(дождался мэр наш сивый). Наш Сиваш – Шанель в
сравнении с Нью-Джерси. В новом плаще плачу. Плата
Платона за страх и за совесть нашей эпохи. Плохи ло-
пухи в пуху. Перья скрипят дверью. Скатертью дорога
на эшафот. Фото фаты-морганы, не моргнув глазом, на
газу сжигаю голубом. Жду ответа, как соловей. В сто-
ловой стол – начальник. На чайник – ноль внимания.
На уборную – два ноля. Стулья сутулятся. Тарелка –
тара. Ложка – ложь. Нож – ночь, а вилка принадлежит
Шекспиру. И Гамлет, и Джульетта, и Мазина, и сова
Фellini, и губы Нино Рота, который шел с учений
мимо сада-огорода, заброшенного тысячью камней, ка-
мей, комет. Влетает пулей лет в висок высокий Апулей
упрямый, как осел, начищенный золой от самовара на
два ведра. Дым коромыслом для горла вредных сига-
рет. Не врет и не краснеет девица (с ее лица не воду
нужно пить). Где пьют, там и закусывают язык, кото-
рый без костей, а лопатой совковой без ручки, чего
нельзя сказать о заднице большой и жирной, как сын
юриста. Таблицу размноженья он придумал для кро-
ликов подопытных – своих друзей и братьев. Пятико-
нечная остановка в пустыне. Пустые ныне магазины и
журналы – тот же хер. Герань в петлице гера Геринга,

летающего над Беринга проливом под проливным дождем огня из медных труб для производства трупов. Еще не умершая трупна лицедеев – живая трупна мертвых душ – должна сыграть сегодня в ящик, а проще, затоварить тару с кремлевскозвездными билетами в карманах (билеты на балет на льду «Коровы»). Доярки выглядят двояко: друг дружку доят перед сном грядущим. Пастух пасет козлиц. Агнец сгорает на костре за ересь. Свиарка хрюкает по-человечьи. С берданкой бодрствует столикий сторож. Курной курятник курится сигарой, на Кубе сделанной когда-то. Лес братьями кишит, а кекс – кишмишем. Хлеб бородинский ведь недаром (шесть долларов буханка в «Блумингдейле»), и сайки шлют в Вермонт. Французских булок в городе не сыщешь. Ржаной в конюшнях подается. Полено паляницы купили в Ницце. Шпроты в массе своей – кильки, только позолочены слегка. Бычки в томате в пепельнице ржавой. Судак неумный в маринаде. Однофамилец книги Терца – любитель острых ощущений и театральных помещений – помешан на себе. Себе (Любимову) в ладоши бьет челом. Плывет челном по Иртышу Ермак, в него цыбулей целится остяк. Зовут его Кучум, ему кольчуга и брюки в яйцах жмут. Страшно, аж жуть!

Янки купался в Минске в ванной, похожей на миску, супом наполненной, мыльной. Полотенце пахнет портянкой. Коврик похож на лапоть. В стенах пятьсот микрофонов и пять тысяч клопов. Клоп насекомое плоское, похожее на камбалу. Две камбалы – одна рыба. Ловить рыбу в мутной воде перестройки Вавилонской башни, родственницы Спасской башни, похожей на шахматную фигуру, а рядом сигналият такси. Олег По-

пов не выдумает пороха и радио. И телевизора не выдумает он. Он – шпион. Вроде Пеньковского и тоже Олег, как Кошевой. Тюлени любят тюль. Тюльпаны любят поляки, на полку зубы положившие с прибором.

Гроза сожгла сирень, как жрец, и застлала жертвенным дымом тучи и глаза. Губами расправляй муравья вывих. Ведер звон сшиблен набекрень. О, что за жадность – мало неба? Сто сердец бьется в канаве. Как жрец сожгла сирень гроза. Луч в эмали. Лазурь его соскоблили, зябли бы тогда. Но не спешит даже зяблик. Хмель с души стряхнуть алмазный. Еще пьют у кадок грозу из шапок изобилья сладких, и бурен и багров клевер в брызгах маляров бордовых. Комары липнут к малине. Однако ж, малярный хобот, как раз вот сюда, извер, где розовой роскошь лета?! Заронить нарыв сквозь блузу и сняться балериной красной? Озорства всадить стрекало. Где кровь, как листва мокрая?

Ребята многие, слышать привыкнув похвалы частые учебе, например, на инженера, себе затвердили, что быть хотят инженерами и никем больше. При этом часто погибает талант в них к делу другому совсем. В цехе монтажница работала хорошая Аня. Я не видал монтажниц таких больше. Никакой не нужен контролер после Ани: без брака, чисто и точно собраны лампы. Был талант особый у нее к делу этому – к ламп сборке. Училась Аня и кончила школу вечернюю. Потом уговаривать стали все ее дальше учиться. В техникум поступила она и стала работать техником она в лаборатории. Что же и? Талантливой теперь нет монтажницы. Обыкновенный, добросовестный есть техник, везде каких многие сотни. Получилось же так почему? Что

же, не надо, выходит, учиться? Нет, полезно учиться, конечно. Но ведь не просто Аня училась, сменила дело свое она – и зря. К таланту своему пришла она уже, открыла в себе его уже и развила. Уходить от него ей зачем же было?

Закон знаком с замком. Завком знаком с совком. Советский комитет в защиту мира и щитовидной железы латуни, двоюродной сестры латыни, гулять любившей нагишом. Нога, согнись наганом. Рука моет рукавицу. Плечо плешивое. Спина не спит. Голень-матушка родилась раньше нас. Пять пяток не нужны собаке и палка, что о двух концах (двучлен?). Гениальной талии нужны гениталии (от Исландии до Италии). Промежность, между нами говоря, оправдывает средства производства на Божий свет неумных атеистов в большом количестве. Качаясь, качественный плот пробьет плотину. Медуза в платиновом платье оплакивает плаху с топором, лишенным временно работы. Кровь медузы – есть водица соленая, как слезы или кровь, которую не красит смерть на людях, как место красит человека (не лишне у него спросить, с какой он буквы). Букашки букв ползут по телу – белой простыне, простывшему на стыке рук и торса от выпитого морса из термоса завода Щорса (героя в штатском) в морщинах щей кислей лимона. Бананы ем, но не был в Сингапуре. Курил в Стамбуле. Злые языки порой страшнее автомата. Калач натертый, как мозоль. Не каждому свое белье поближе к телу (особенно по телефону). – Алло, алло, вас вызывает Сапгир с гирей, как ходики. Ку-ку. Ку-ку! Куда вы удалились?

Замоченная скважина приливом весенних вод и водочных напитков (коктейлей петушиных) завода шинного

на Каме (туда не заезжал Камо грядеши) и Куц туда не забегал. Там русский дух на дух не переносят. Там-там гремит змеей гремучей. Дремучая тайга, как неуч. А кедр кадрится к пихте (пыхтит, как старый паровоз). Во мху гуляет Пушкин по колено. Медведь мечтает шапкой стать гвардейской, олень – рога свои увидеть на стене. На сцене наст. Зима настала на столе (холодный спирт и заливное), ковчег с икрой и бычье молоко. Молчит Тарзан, терзаемый заемом, и Джейн молчит, но по другой причине – подруге причинили боль. А боль не сказка – быль. В пыли былинка. Из-за угла мешком с вещами ударен Дарий-ударник Дарницы. Из дворницкой мертвецки трезвый взвыл Вий, ресницами моргая. Я – гром ямайский в начале мая, точнее, в День Победы на четырех колесах тачанкой родом из Ростова, где Дон течет, как крыша дома, в котором многих не хватает, а те – далече. На даче лечат насморк чаем – печальной Грузии напитком. Питон напитан пивом жигулевским, как запорожец за Дунаем, по цвету схожим с педерастом. Перед рассветом по реке татуировкой на руке плывет русалка. Пахнет рыбой, китовой колбасой, моржовым бивнем, креветкой-запятой и пяткой Ахиллеса. Деревьев не видать в своем, пока еще, глазу (тьфу-тьфу! не сглазить!). Зато я видел Бельмондо на 3-ей авеню всего в одежде из козьей кожи лет десять тому назад или больше. Чем дальше в лес, тем боль...

Рою землю рылом, как суслик. Хочу пить жизнь города, лишенного духовного сана. Надутый, как индеец, шар обманывает лицо. Широкий читатель, внимание! Дрожь растет на дрожжах. Радужный прием посуды вспоминаю на нечетной правой странице. Служу в запасе, прохаживаясь торжественным маршем. Очень

редко ем кашу в доме с видом на океан. Расписание поездов вырезал на дереве, окруженном деревьями. Только дурак вызывает чувство подозрения и обманщик, и бубенчик, и пятно, и экран, и короткохвостая птица, и строгая дисциплина, и квадратные метры, и плоскогранные алмазы, и пирожное. Не соблюдая правил грамматики, пишу по бумаге шариком собачьим и лаю на Луну на лугу. Бегу, свободный от налогов, из логова, словно слово «аршин» проглотил троглодитом-гладиатором, возвещая новую эру. Вы можете взять эту книгу и изучить ее. Пуританское попурри поручаю вашим заботам. Интриги книги вместо красного дерева. Попал в точку три раза – многоточие или маленькие шарики, погрязшие в болоте? – (рассчитано на эффект). Случайное совпадение или мудрость? Стоячий воротник – эрекция рубашки. Ткань в цветную клетку с птицей внутри. Дело сделано. Вот и все. Вот так обстоят дела. Так-то вот!

Розетка, контрабас, уклон молча, наём овцы цветущего вида, забавник с коробкой скоростей, вставка рыбы из семейства тресковых в рог луны, толкователь масла, хохлатый украинец, зубчатый рот, города обратимы, вступить в пай (яблочный), заразительная болезнь, прилипчивый банный лист, лозунг о семечках, складная крыса, любопытная Шевцова, тонкие черти лица, рапорт Раппопорта, нищий духом Ротшильд, дитя улицы младшего сына, украшенный арабесками талмуд, миллион уникумов, сердоликовые возлюбленные, третьяковский судья, деньги в форме лиры, волчий билет в зоопарк, настольная икра, грасирующая пуля, ругающийся как сапожник извозчик, радиус приемника.

Смотри ниже.
Смотри выше.
Смотри в оба.

Меткий платок, точный и вежливый король, умственная деятельность сердца, подкрепление дел словами, превентивная гайка, коровий вымпел, бабочка «Адмирал Нахимов», бесплатный выход, голый король порнобизнеса, второстепенный кавалер ордена Славы, крепостное право на отдых, незаконнорожденные бурей, наобум Кагановича, супостат с гренками, превратности судьбы, воздушно-канатная дорога на эшафот, костлявый язык, сварливый аппарат, придворный художник-анималист, воодушевленный сироп, б-огород-ица, изобретатель Велосипедов, искусный шелк, искусственное опыление мешка из-за угла, порнокопытные, документальный фильм, заверенный в нотариальной конторе, образцовый театр кукол, феникс пепельного цвета, господствующая госбезопасность, злачные места (поля?), мясистый повар, декоративный хлеб, легкомысленный ангел, пушистый Пушкин, подневольный каменщик, неотвязная собака, кровавая баня по-черному, телесного цвета наказание, просто Людин муж, массовое уничтожение людей кишечным газом, пудра для мозгов, кремовое пирожное, вяленый валенок, игра в Костю, нескладный нож, смеется сдавленным смехом тот, кто смеется сдавленным смехом последний.

Сочинение №123

Яхороший, да что там, замечательный человек. Получив бесплатное образование, заигрывал с музыкой для бедных. Не планировал заранее наружность и манеры. Умницей не был. Просить хорошенько не умел. Тюремную одежду не носил. Не жил в эпоху, давшую целую плеяду великих поэтов. Трубкой затягивался многократно. От варваризмов язык не очищал. Покупательной способностью не отличался. Нечем было платить за платоническую любовь. Рыжих волос не носил. Ценил смешанные ароматы бакалейного магазина. Сычужным сыром не увлекался. При Оксфордском университете не жил. Недалеко от берега на якорь не стоял. На оси не вращался. В очень редких случаях завертывался в шаль. Вязать снопы и вязанки не умею. Брадобреем был только себе самому. Случилось много лет тому назад влить пощечину гвинейскому бабуину. Однажды даже пролил подливку на скатерть. Он (я) – вылитый отец (в бронзе июльского загара), – говорили прохожие. Тяжкая доля секунды. Взрослел с большим трудом. Мне срочно посоветовали пока помолчать.

Сочинение №124

Он ничего не помнил. Не помнил список жалованных грамот и патентов. Не помнил парня «от сохи». Не помнил товарища по комнате. Не помнил комнату, увешанную картинами. Не помнил семнадцать домов, помноженные на два. Не помнил начальника спускного шлюза с колокольчиком. Не помнил тренировочный костюм с необрубленными верхушками. Не помнил муаровый шелк ничуть не хуже этого. Не помнил седоволосого человека, содержащего окаменелости. Не помнил приключенческий роман, меняющий территориальное распределение населения. Не помнил посредника навеселе. Не помнил жемчужного цвета. Не помнил, что проглотил залпом «Аврору». Не помнил столовое белье черного цвета. Не помнил лужёный луг. Не помнил, для чего взял в руку шариковую ручку.

Сочинение №125

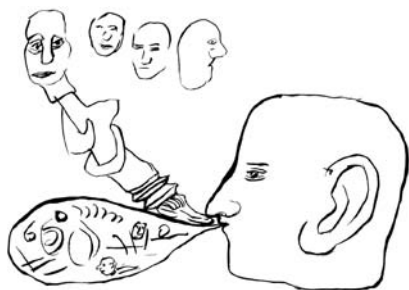
Вряд ли нужно говорить вам, что лицо, не проживающее в этом месте, занимает большое место в английской литературе. Пилигрим-надомник с окнами глаз и слабыми руками, анти-бык рекордист, лучевая артерия надежды, того и гляди разрыдается жизнерадостным пейзажем. Налились и пожелтели пузырьки для анализа мочи, как плоды осени. Пораженный ржавчиной голос-ручей принял обет молчания. Смотровой люк в номере люкс. Незаметно проскользнул в комнату юный выюн. Мото-мот (транжир на мотоцикле), расточитель аромата, хоть обноси забором

или на кол сажай с малым количеством листьев. Изнашивание силосной башни фаллической (какая глупость!). Заика-пулемет отбивает такт в прозрачном воздухе с целью поправки здоровья. Отдаленные от меня части света, суетного света и морской суеты – источник информации, не утоляющий жажды. Однажды

надежды на одежды покидают нас. Опустившийся человек (не шахтер ли?) лежит в земле и кормит червей-дармоедов, как будто четырехфунтовая буханка хлеба. Скорая помощь работает по вторникам с 9 утра до 5 вечера. Только в прошлом месяце дней было не меньше 30 (доколе?). Опорос учеников на основе взаимности, двигаясь взад (в зад?) и вперед (в перед?). Повторе-

ние вслух заученного рекомендует жаропонижающее лицо, охлажденное сырой матушкой-землей. Голова без всадника высшей школы верховой езды в будущее. Идущий только в рост горизонт (комбинированный кинокадр). Рыба быстро портится, причем, с головы. Скульптура с каменным выражением лица. Свиной окурок. Легко возбудимый иск. Эрекция цен. Ругаться на трех китах. Анализ крова.

Сочинение №126

Всвоей официальной одежде горничная танцует сама с собой, очищая от черешков ягоды бесчувствия, подавляя породистых насекомых стремительным движением лучевидной руки, болтая без умолку: – Драндулет, он сказал... требуемой масти... религиозное бдение заставляет краснеть... налегай, ребята, мы побеждаем!...

Сочинение №127

Лошадь с изъязном ползет вперед на животе. Грохот. Суматоха. Неразбериха. Связанная шнурком поверхность лишена глубины. Синагога, длинная и тонкая, терзающая сердце ненавистью, наконец развязывает лошади язык: – Ошибка прошла незамеченной. Путаюсь в своем красноречии. Птичник, крылатое существо – придурковатая бабочка – животики надорвешь! Сочетается ли красный цвет с зеленым, вот в чем вопрос. Яйцевидный ясновидец засверкал пятками. Отсутствие света в кавычках. Поднять народ на восстание, соблюдая правила техники безопасности (посыпать песком улицу). Обутый в сандалии пророк (я не совсем понимаю его) зарядил собой пушку (пожелала ему доброго пути).

Сочинение №128

Темно-красный цвет, одетый в красное, с красным шаром бильярдным в красном вине. Румяный карлик с алой розой и красными от слез глазами и рыжей бородой в зеленой шляпе (он сам ее выбрал) присвоил чужую мысль и страдал молча. Я недавно встретил его на обеде без дам. Падающая в обморок чайная ложка сильнее собаки. Бестолочь в ступе с водой. Опрятный фронтовик – винтик в винном магазине («Газ» без бензина). Поставленный под прямым углом педагогический институт, не имеющий обязательств по отношению к социализму, потерпел поражение и скрылся из виду. Ваниль фронту! Одержать победу над дамской сумочкой из собачьей шкуры с обратным клапаном какой-нибудь величины... Крыло... Вертушка... Шутка... Люк... Разговор о пустяках... Торфяной мох всегда был для меня загадкой. Повторяю – всегда.

Сочинение №129

Э то случилось в те далекие дни, когда любое пирожное могло учиться на юридическом факультете, не боясь стать виновником собственного разорения, в те далекие дни, когда можно было сбегать за сосисками, не боясь быть подавленным их равнодушием, в те дни, когда мыслители, занимающиеся разработкой вопросов этики, не расстреливались за выращивание для продажи овощей и фруктов, в те дни, когда женщина, умершая на восьмом месяце беременности, не имела хлопот полон рот, в те дни, когда подтянуть брюки или водворить тишину в классе не считалось злом, с которым трудно бороться, когда жидкий чугу́н не считал-

ся голландским соусом, когда карусельный конь не тосковал по родным местам, когда носовой огонь корабля и носовой платок толстенькой девочки не были синонимами, когда говорили «к счастью, он не умер», а не «к счастью, он умер», когда слезы были похожи на капли, а не на водопады, когда не все люди были плакальщиками, когда «пир дураков» был раз в году, а не ежедневно, когда земля вращалась вокруг своей оси. И вот в те далекие дни случилось, вернее сказать, не случилось, а случился пожар в аптекарском магазине, который торговал лекарствами, косметикой, журналами, мороженым, кофе, фургонами для мусора, репродукциями, рамочными антеннами, обезьянами, квартирами в доме без лифта, зенитными снарядами, пеплом, бумажными мешками, сладким картофелем,

походными кроватями, короткими теплыми шинелями, листовками, сброшенными с самолета, и прочими выпуклостями.

P.S. Адрес сгоревшего аптекарского магазина: США, Нью-Йорк, угол Мэдисон авеню и 82-ой стрит.

Сочинение №130

Агент и арендатор луга живут в согласии приоткрыто, но в стороне. Стоит агенту чихнуть, как арендатор луга бежит к нему. Глаза у агента цвета морской волны. Арендатор луга сильный в военном отношении. Агент тепло пожал руку арендатору луга. Агент умен в своих собственных глазах. Арендатор луга – в лес, агент – по дрова. Арендатор луга выражает свое соболезнование агенту по случаю кончины его матери. Агент проливает крокодиловы слезы. Арендатор луга стрижется «под мальчика». Агент шпионит за арендатором луга. Арендатор луга взял агента в аренду.

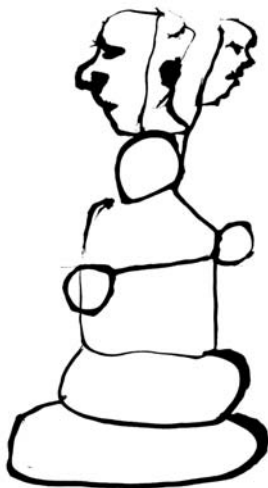
Сочинение №131

Нога шла по проспекту Мира вперед, к победе коммунизма, уверенно и целеустремленно, не замечая человеческое стадо, валившее на стадион Динамо. Машины, шинами шурша, катили или стояли молча в лужах лошадиной мочи, очищенной, пропущенной через фильтр противогазной кишки. Кошки играют в мышки в мешках из-под угля в углу. Игла ежа лежит во ржи. Жрут, ржут и срут рекруты. Рек крутые берега – береги. Бери гири, Гирей, и рей над гаремом, горемыка Горыныч. Нынче ночь. Очень очищает причастие. Счастью часто за сто. Друзей узнаю по изнанке. Из нанки штаны у шпаны, как у Хрущева или Булганина – бухгалтера с буханкой хлеба единого и едомого дома в крепости, летающей на колесах над лесами с крыльями-усами-ушами, хлопали трубами и саксофонами на фоне, как на войне. Мать родная не узнает меня в профиль и в фас. Фасбиндер над бидэ – быть беде – отворяй ворота. И никто не разберет, где ворота, где баран. Шашлыком шит шиит-пиит. Как пить дать дайте закурить. Нелегкая артиллерия бьет по своим, и чужие боятся куста (пуганые воронки). Черное море Лаптевых по колено (открытие). Памятника-маятника не поставят на попа Гапона в попоне поверх погон метровой глубины. С ручками в перчатках-перечницах (украинский юмор в коротких штанишках) руки коротки для замыкания. Мы мыкаемся, мычим, но мчимся на тройке с плюсом, электрификацией приплюснутые (минусы не в счет ресторанный странный солью присыпанный столб). А древний Лот смеется над Гоме-

ром геморройным. Рой пчел не Рой Медведев, а Волкова кормили зря – он в лес сбежал и воет по-лесному. Лесная песня с танцами под дудку дядьки Сэма. Сэм с яйцами, сомненья нет, но нет их чуть повыше (намек на хуй во лбу, чтоб вставить в лоб царевны-Лебедь). Придется Лебедю стать раком под музыку седого педераста. Баста.

Сочинение №132

Белый дом. Земля покрыта снегом. Перед Белым домом стол из белого мрамора. Рядом белая береза. Под березой растут белые грибы. На столе белое вино, белый хлеб, белое мясо, тетрадь с белыми стихами. На березе карта с белыми пятнами, шитыми белыми нитками. Рядом с Белым домом белый медведь грызет белую кость.

Сочинение №133 (Уничтоженное)

1. Край бумаги с неровными краями объявлен козырем.
2. Фестончатое очертание края десны у шейки зуба назначено лампочкой накаливания для иллюминационных гирлянд.

Любитель чувственных наслаждений обволакивает полноту, будучи в состоянии нетерпения у черта на куличках на краю пруда, покрытого корочкой льда по соседству с английским женским благотворительным обществом снабжения бедных капиталистов одеждой. Дощечка на дверях «Армия пустыни» в полном запустении. Парашют дезертира (не внесшего денег), оплакиваемый вышедшим из моды участником дискуссий хрупкого телосложения, потрескивал в земляной теплице гнедого в яблоках гардеробщика. Темные пятна обеда нельзя было в рот взять, не причинив себе вред. Рот был цвета дамасской розы. Глаза изрыгали проклятия. Уши отсыревали, глуша эхо. Губы гадали на кольцах. Бумажная нога произвела запоздалое действие. Другая нога – в туго завитом парике. Руки обшиты тесьмой и украшены свежими яйцами. Остальные части тела мимолетны, исключая густую копну волос с начесом, начиненную футеровочной массой дорожным рабочим, добывшим богатства ценой чести, теперь уже бездыханным. От всего сердца желаю, чтобы земля ему была пухом, увеличенным в масштабе. Дорожный рабочий был редким человеком, осущест-

влявшим себя без всяких исключений. Шутник, балагур, остряк с хорошим художественным вкусом. Имя его бесспорно, но неизвестно. Назовем его условно «Шекспиром». «Шекспир» родился в комнате с изящной обстановкой на окраине дореволюционного Ленинграда в семье секретного работника, владельца не поддающихся описанию неизгладимых брюк. Мама «Шекспира» – включенная кем-то в состав империи, довольно дефективная женщина, не терпящая возражений и не выносящая жары, с уродливой шеей и гадкими ушами. Над диваном висела картина, изображающая головы волка, кабана и медведя. Принимая гостей, мама всегда объявляла: – Эту картину нарисовала моя дочь! –

А папа «Шекспира» всегда добавлял: – Шахной! –

Он недолюбливал свою дочь не столько за прическу «конский хвост», сколько за лошадиные зубы и челюсть. Спина у матери «Шекспира» не сгибалась. Руки напоминали роман «Как закалялась сталь», а ноги – его автора и немного отца, у которого совсем ног не было, но зато были неизгладимые брюки, не поддающиеся описанию; еще у него были глаза цвета сквозняка и прижимистые уши. Рот у него тоже был, но он неумело им пользовался. Нос у него был тоже, но какой-то незаметный и жил он отдельно от хозяина, как бы в изгнании. В углу стоял выставочный шкаф – член семьи цвета эрекции. Еще был дядя «Шекспира» по матери, открывший новую эру в лечении грыжи в надчревной области. Его присутствие украшало комнату не хуже любых цветов. У него все было, вот только кожи у него не было от рождения; вначале было трудно, а потом привык и вот даже новую эру умудрился открыть. Дядя «Шекспира» любил отвечать на вопросы, когда не тревожил лишай. У него была большая и тостая пал-

ка, с которой он никогда не расставался (даже ночью) и на которой собственноручно увеличительным стеклом выжиг «От любви нет лекарства.» Еще в комнате жила собака, похожая на курицу, по имени Лёня. Лёня питался только консервированными полярными чайками (49 коп. банка). Лёня был очень красивая собака с искусственными глазами, наверное, поэтому он был похож на курицу. Лёня прожил приблизительно 21 год, и только в день смерти семья «Шекспира» поняла, что Лёня был сучкой и что именно поэтому он каждый год рожал 5-6 щенков, похожих на цыплят. Судьба ста с лишним детей Лёни мне неизвестна, а если чиво кто знает о детишках-сиротках, пуцай дать знать мне об этом дели и пишишь на адрес «Русской пыли» с приписочкой «для Чичикова». Это моя кликуха, когда я ишшо не был писателем в законе, а только с большой дороги. В пояс поклонюсь усем, хто окликница, а коли чево не так – милосердного прошу прощения. Всеми правдами и неправдами жить не по лжи! Боже, царя храни! Да здравствуют мертвые души! Мой друг, отчизне посвистим! Душить прекрасные порывы! Чего-то меня не туда понесло, ведь рассказ не о Чичикове, а о «Шекспире», который, кстати, переболел всеми выдуманнными болезнями. Вот некоторые из них:

Скрытое укрывание умалчивания
 Бешенство разгоряченного ожесточения
 Отвращение ужасного омерзения
 Громогласно-торжественное провозглашение
 Дрожаще-трепещущая испуганность
 Спирально-винтообразное воспаление завитка
 ушной раковины
 Запоминание хранения памяти.

На прошлой неделе помнил около 14 выдуманных бо-

лезней нашего дорогого «Шекспира». Нужно все записывать в тетрадку и хранить, как зеницу ока. Ока, Ока, Ока... Что-то на Оке произошло, а что – не могу вспомнить, а, может, это и к лучшему. На днях я тоже неожиданно вспомнил, что должен 40 долларов, так что иногда мало хорошего в нашей памяти. Слава богу, не мог вспомнить, кому я должен 40 долларов, а то бы отдавать пришлось, а где их взять. Не воровать же у порядочных людей, правда, жулика не грех обворовать, но попробуй его обворуй – сам без джинсов домой вернешься, если не прибьют наркоманы-троцкисты-педерасты-фотореалисты... Опять отвлекся. Трудно быть писателем, а надо. Пить пиво приятнее и легче, чем писать современную прозу, да еще в эмиграции, да еще 40 долларов должен, да еще климат блядский – каждый день сюрприз: то снег, то дождь, то снег с дождем, то дождь со снегом, то пожар, то кто-нибудь в гости вломится. А вчера один пришел на час, а просидел весь вечер. Один три года твердит, что вот-вот американское искусство пойдет по пути молодежной секции МОСХа, а еще один делает вид, что никаких кубистов до него не было и газет на холст до него никто не наклеивал. Один говорит, что концептуальное искусство – это говно и что кто много знает, тот ничего не знает, а кто ничего не знает, тот все знает. Теперь читатель о нем много знает, значит, ничего не знает. Это я все шутя. Но можно и серьезно.

По Каспийскому морю плыл гроб, обшитый серебром. Я этот гроб не видел, но зато имею в своем архиве опись содержавшегося в гробу имущества, подаренную мне автором азбуки для глухонемых.

Список вещей, находившихся в обшитом серебром гробу:

1 Челюсть щенка (возможно, одного из детей Лёни)

- 2 Угольная шкатулка с удушливым газом
- 3 Проект здания главной прокуратуры для города
Безоковска
- 4 Номер телефона, не внесенный в телефонную книгу.

Сочинение №134

КОЛЛАЖ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАБЕЛЯ

...наш обоз шумливым арьергардом растянулся по шоссе... Запах вчерашней крови и убитых лошадей каплет в вечернюю прохладу. Лошади по спине уходят в воду, звучные потоки сочатся между сотнями лошадиных ног. Река усеяна черными квадратами телег... Начдив шесть снится мне. Он гонится на тяжелом жеребце за комбригом и всаживает ему две пули в глаза. ...мужики со своими конями хоронятся от наших красных орлов по лесам... он (Семен Тимофеевич) получил двух коней, справную одежду, телегу для барахла отдельно и орден Красного Знамени... Конница травит хлеб и меняет лошадей. Взамен приставших кляч кавалеристы забирают рабочую скотину. Без лошади нет армии. На огненном англо-арабе подскакал к крыльцу Дьяков, бывший цирковой атлет, а ныне начальник конского запаса... – Честным стервам игуменье благословенье! – прокричал он, осаживая коня на карьере, и в то же мгновение к нему под стремя подвалилась облезлая лошадевка, одна из обмененных казаками. – А за этого коня, – раздельно и веско начал Дьяков, – за этого коня, почтенный друг, ты в полном своем праве получить в конском запасае пятнадцать тысяч рублей, а ежели этот конь был бы повеселее, то в ефтим случае ты получил бы, желанный друг, в конском запасае двадцать тысяч рублей. Но, однако, что конь упал, – это не хвакт. Ежели конь упал и подымается, то это – конь; ежели он, обратно сказать, не подымается, тогда это не конь. Но,

между прочим, эта справная кобылка у меня подымет-ся... – Обижаешь коня, кум, – с глубоким убеждением ответил Дьяков... Дрожа всем телом, кляча стояла на своих на четырех и не сводила с Дьякова собачьих, боязливых, влюбляющихся глаз. Лошади получили с утра зерно. И, махнув руками, Афонька затянул песню. Это была песня о соловом жеребчике. Соловый жеребчик по имени Джигит принадлежал подъесаулу, упившемуся водкой в день усекновения главы. Джигит был верный конь, а подъесаул по праздникам не знал предела своим желаниям. Возы с сеном, построившись в боевом порядке, овладевают городами. Грищук выводит из конюшни лошадей. Мы растираем коням припухшие ноги, стрижем гривы, накидываем на спины казацкую упряжь – запутанную сеть из тонких ремней – и выезжаем со двора рысью. Бригада тянулась пыльная и бесконечная, как крестьянские возы на ярмарку. ...нам, сиротам, лошадку на вечный суд подай, лошадку, чтобы душа у нее на меже с боками бы повылазила... Прищепка отвязал коня, прыгнул в седло, бросил в огонь прядь своих волос и сгинул. «Возвратить изложенного жеребца в первобытное состояние»... Луг, по которому ходят женщины и кони. ...конь мой передом мочится... Большевичок был жеребец, чистый большевичок. Сам рыжий, как монета, хвост пулей, нога струной. Думал – живую Ленину сведу, ан не вышло. Ликвидировал я эту лошадку. Рухнула она, как невеста, и туз мой с седла снялся. В это мгновение пуля пробила шею его лошади. Афонька проехал еще шагов сто, и здесь, в наших рядах, конь круто согнул передние ноги и повалился на землю. – Прощай, Степан, – сказал он деревянным голосом, отступив от издыхающего животного, и поклонился ему в пояс... Устремив на хо-

зяина сияющий глубокий фиолетовый глаз, конь слушал рвущееся Афонькино хрипение. Мелко перебирая толстыми ногами, к лошади подошел Маслак, вставил револьвер ей в ухо и выстрелил.

– С дому коня ведет, – сказал длинноусый Биценко, – такого коня где еще найдешь?

– Конь – он друг, – ответил Орлов.

– Конь – он отец, – вздохнул Биценко...

– Фигуральный конь, – сказал Орлов, помощник эскадронного.

– Лошадь справная, – подтвердил длинноусый Биценко.

Ночь летела ко мне на резвых лошадях. Изнеможенные лошади вздыхали и переминались во мраке. Лошадь натянула повод и потащила меня за ногу. Ворошилов расчесывал маузером гриву своей лошади.

– Даешь Варшаву! – закричал Ворошилов, поднял коня на дыбы и влетел в середину эскадронов.

...Степка Дуплищев, вздорный казачонок, чистил скребницей Урагана, кровного жеребца, принадлежавшего начдиву и происходившего от Люлюши, ростовской рекордистки. Сашка выбрала покатое место на полянке и поставила кобылу.

– Ты один, видно на земле с жеребцом ходишь, – сказала она Степке и стала направлять Урагана, – да только кобыленка у меня позиционная, два года не покрыта, – дай, думаю, хороших кровей добуду...

Сашка справилась с жеребцом и потом отвела в стонку свою лошадь.

– Вот мы и с начинкой, девочка, – прошептала она, поцеловала свою кобылу в лошадиные пегие мокрые губы с нависшими палочками слюны, потерлась о лошадиную морду и стала вслушиваться в шум, топавший по лесу.

Виноградов метался на взбесившемся скакуне и возвращал в бой бегущих казаков. Виноградов колотил рукояткой маузера качавшегося жеребца, взвизгивал и сзывал людей.

– Наверх. Гулимов, – сказал я, – завороты коня...

– Кобылячий хвост завороты, – ответил Гулимов и оглянулся.

Истерзанный друг мой, лошадь, шла шагом. Кобыла Сашки упиралась и скользила ногами по мокрой глине.

– Не сяду я с вами, – ответила Сашка и ударила кобылу в живот, – не сяду...

Служба моя началась редким предзнаменованием удачи – мне дали лошадь. Лошадей не было ни в конском запасе, ни у крестьян. Тихомолов вел лошадь с Терека, из дому. Она было обучена на казацкую рысь, на особый казацкий карьер – сухой, бешеный, внезапный. Шаг Аргамак был длинен, растянут, упрям. Тихомолов оставил в наследство коню всех дьяволов своего падения. Я трясся, как мешок, на длинной сухой спине жеребца. Я сбил ему спину. По ней пошли язвы. Металлические мухи разъедали эти язвы. Обручи запекшейся черной крови опоясали брюхо лошади. От неумелойковки Аргмак начал засекается, задние ноги его распухли в путовом суставе и стали слоновыми. Аргмак отошал. Глаза его налились особым огнем мучимой лошади, огнем истерии и упорства. Он не давался седлать. Пашка, как вкопанный, стоял перед лошадию. Аргмак, сильно и свободно дыша, протягивал ему морду. Аргмак пошел за ним, как собака...

Сочинение №135

... но в это время подошел камергер с острыми и приятными замечаниями... она проскользнула между толпой и исчезла... но в это время подошел довольно пожилой человек... персиянин на минуту вышел и возвратился с баночкою, наполненною темною жидкостью... пришедши домой, он отлил несколько капель в стакан с водою... как мила ее грациозная походка! как музыкален шум ее шагов... он подошел к зеркалу... сердце его билось, когда он подходил к той улице, на которой нога его не была со времени роковой встречи... и кто же вышел ему навстречу?.. он бросился вон... на другой только день каким-то глупым инстинктом зашел он на свою квартиру... за ним идучи, плакал один только солдат-сторож... даже поручик Пирогов не пришел посмотреть на труп несчастного бедняка... мне всегда неприятно, когда переходит мою дорогу длинная погребальная процессия... и только одна какая-нибудь нищая, встретившись на перекрестке, плетется за ним... тогда проходили мимо его две весьма недурные дамы... они вошли темными Казанскими воротами в Мещанскую улицу... блондинка бежала скорее и впорхнула в ворота одного довольно запаханного дома... Пирогов — за нею... она вбежала по узенькой темной лестнице и вошла в дверь, в которую тоже смело пробрался Пирогов... незнакомка порхнула далее в боковую дверь... он было на минуту задумался, но, следуя русскому правилу, решил идти вперед... он вошел в комнату... в один день прохаживался он по Мещанской... по дороге он зашел в кондитерскую... и вышел уже не в столь

гневном положении... прохладный вечер заставил его несколько пройтись... и потому он отправился на вечер к одному правителю контрольной коллегии... .. «дивно устроен свет наш!» – думал я, идя третьего дня по Невскому проспекту... идет пешком и довольствуется только тем, что пощелкивает языком... я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем... господин, который гуляет... я ни за что не пойду... проходите мимо...

Сочинение №136

проза люксембург гамбургеры бюргеру герострату кастрату 104 пять вышел зайчик и т д голь на выдумки хитра украинская дочь шпрехен зи дойч кой-чего кумекает кум мекает намекает на кара кумы кумиру мир война воде выйдя дядя ядом дом мод комод многоуважаемый шкафандр кафки кикиморы морить моря корь орлу в рыло рыболову болотному блокнот кнут воткнут в омут мутный утконос конус нуссберг сберегательная коса до колен доколе? коле гоголю калигулу архипелаг пел пенсию сию минуту лилипуту запутанному гному белоснежному эльбрусу на эльбе герцог альба альбатросы в трусы храбро бросил просила силой проса спросонья красавица крыса рысцей рысь кистью ухо востер топор штопор заштопанный штаны тянет потянет потеет поц поцелуй аллилуеву амин иди дада иди дядя за ядом моцарт царь из пушек на курьих ножках по воробьям хором имени художника пятницкого семь робинзонов на неделе крузосветное пятьюшество таблица размножения мозгов утечка менструаций месяц без мяса уна луна но не греет реет еврей на рейде преет в норе оноре бальзам на душу населения незамужние ткачихи чихают на чехова словак словно акация с оказией в оазис азиатский азимуть озимая хата с краюхой хлебабушка надвое сказала скала зала скалолаза луза муза мужа мужика в шкуре неубитого медведева роя рояль яловый вяло ел валенок в землянке на поляне бергамот смесь бергмана и бегемота мотель «мотыль» сирота рот роты сын полкана на полке зубы зубра бравый солдат белошвейк в шею ее б твою мать горькую

пьяницу алексей максимович из «континента» конем
днем с огнем гном вверх дном покрышкин по крыше
рыщет расчет ищет ищейка и его семейка рядом ска-
мейка на ней тюбетейка затейника мостовик под мо-
стом на мосту постовой постоял стоя стол стоял на сте-
не ходики ходили или били ардов на двор на дровнях
обновляет пусть из уст в уста иисуса христа подайте
полста пол стакана паркетный ряд рядом дом доми-
никанского посольства малосольный концерт полу-
легкой музыки мужики мужаются мужеложеством на
ложе природы при родах приплода три плода трепло
тепло одетый в костюм одетты леблядиное озеро гру-
зинского чайковского в клину в плену клин клином
вышибает

Сочинение №137

Дрифтерная сеть, роговая чернильница, детская кроватка, пояс стихаря, складная треуголка, эмалированный вымпел причудливой формы, жаропонижающий термометр, искусственная скульптура, несовершеннолетний головной убор, железистый Феликс, шампанская Польша (карта), аморальный кодекс, любовный треугольник (равнобедренный), влюбчивый лист (банный), доллар с чувством собственного достоинства, почтовая предпосылка, акушерские щипцы для сахара, колокольчик Герцена, несгораемый шкаф (кухонный), журнал плоских шуток «Камбала», Мороз-Красный крест, каракумские каракулевые каракули, мелкозернистая икра, буриданов оселок, человекообразный бог, противотанковые пилюли, моллюск класса люкс, приказ об аресте сорока бочек, пробковая бутылка, двугорбый Квазимодо, цилиндрическая шляпа, одушевленные товары, небольшой Голиаф, портфель с трюфелями, шапка из заячьего страха, вспылчивый факел, удушливый противогаз, уклончивый боксер, приземистый туземец, соломинка для хватания, содержимое держиморды, вороненое крыло, пресноводный купальщик, наивысшая точка над «і», книга жало..., вексель на ёксель-моксель, ангел-хранитель денег в сберкассе, хорошая геометрическая фигура, легкий чемодан с кирпичами, бой Дон-Кихота с кофейной мельницей, условный знак отличия, тесная дружба в малогабаритной квартире, искусственное зубило, Гиви Коррозия, внучатый дедушка, водородный лед, команда «Антонов огонь, пли!»

Сочинение №138

Бывало всякое. Кое-как допил кока-колу на дворе. Дрова Дурова в углу, рядом с углем Стаховича. Стаханов со стаканом токая. Тяни лямку, потом – в ямку, ямщик. Уныло мыло, а масло словно олово. Солдатик с тиком. Нервы над Нарвой. Нарыв Нуриева. Не дури, Иван Денисович Давыдов, выдавший виды.

Вид №1

Море в Орле на фоне Эрля

Вид №2

Лес стоит загадочный рядом с хорошей погодой

Вид №3

Русские поля (книжн.)

Вид №4

Корень зла (злак)

Вид №5

Баннй лист (композиция)

Вид №6

Город в горах, горох, царь, зверь, окно к нам (в Европу)

Вид №7

Людей видимо-невидимо в шапках Мономаха (знакомство)

Незнакомка-лакомка с лопатой на спине. Лопата в руке (сон). Летняя ночь. Нелетная погода, ну, погляди. Бляди и Лядова на бидэ. Бидон железный с молоком матери такой-то. Тикают ходики у Ленина в Смольном. Моль съела толь. Крыше крышка (мой потолок). Патология патоки (вкус и цвет товарищеский) суд идет к победе коммунизма. Низменность неизменна,

родины-матери первичны, как самогонка вооружения до зубов. Кровь за кров. Закрой рот икрой черному хлебу. Житница Израиля. Изя и Рая изгнаны из рая. Рояль короля коровьего помета, что-то вроде пулемета. Толстой и тонкий Чехов чихали на чахохбили. Бьем и будем бить рекорды по бегу с тонущего корабля «Рабле». Раб с рублем, не пей за рулем. Рулет летом. Том первый «Хижина дяди и тети». Ядовитая тетива – горе луковое на горе Арарат, где растет крупный Ленинград. Новая Каинова блокада. Кадетство в людях – мои университеты. Лумумба в Улан-Баторе сухим из воды вышел. Ниже пояса – поясница (пояснение). Поезд идет на восток, солнце – на запад. Запала в душу богоматерь с нимбом. С ними бы... Сними быка за рога (Криворожье). Кривое ружье из-за угла мешком. Снежком кому-то утолил жажду. Жизнь бьет по пизде мешалкой. Бетон – железо – яблоко – лошадь – конек-горбунок – хоккей. По шайбе шайкой. Пара костей Кузьминского и минская конская колбаса. Басом сом сомневается. Мне баста. Бастурма – турку. Кофе с молоком растворилось в окне (кино). Кинто в манто, ментоловый мент (ментальность моментальной фотографии). Графин с графией по фене ботает. Ботичелли в ботах. Торичелли-дурак свистит на горе. Гора свастики. Сватовство майора Пронина. Федот да не тот. Спецкор, еще спецкор. В надежде на талант (денежная единица) женился. Бесприданница: – Всех не перевешаете! Нас двести миллионов! Ротшильд жил в скрипке Страдивари. В страду варил котелок. Котенок у ног миноги. Много умного умножено на женах. Горят буряты, как Буратины. Папа Карло XXIX. Ватикан в ватниках. Битники на битюгах с утюгами-ногами. Дурная голова успокоилась. Усы висят, как трупсы. Безум-

ству храбрых поем мы станцы. Станция. Смотритель в оба. Обои рябые. Оспа спит на заспиртованном лице семинариста. Минарет заминирован. Взрыв смеха на-взрыд. Наряд милиции к празднику святого Иоргена. И органы чувствуют конец. Делу Венеции дожди под дождем на «доджах» придают громоздкое значение и растут, как на дрожжах, дорожа дрожью рож под ржавыми париками под Рождество. Крестовым походом на Голгофу! Голый Гоффман и котяра Мур – дырявый скульптор, культурный и скуластый школьник. ТашKENT – город сигаретный. Хлеба и зрелищ! Зреют лица нацистов. Нарцисс, молчи! Мальчонка с челкой под хвостом, хвастун, поймал тунца и в клетку. Клеенка склеилась в шестнадцать (успела паспорт получить). Незрелый аттестат с антенной. Коротковолновое море по колено. Железнокаленые семечки не по зубам акулам. Полбанки спирта вынут душу. Нечаянно опился чаем половой. На полубаке каша пригорела. Пожар в Нью-Йорке – горячие деньки и чаще ночью. Но чью ничью не чует Чуев – железный Феликс наших дней? В ничью закончилась игра с огнем не в поддавки, а в прятки (любимое занятие партизан). Ковпак на голову надел папаху. Кальсоны сильно жмут в паху. – Ни пуха, – говорит Вершигора. – И ни пера тебе, – сказал Ковпак. Как паклю, ус крутил Буденный коротким пальцем у виска. Весло невесело запело, а Стенька Разин подхватил: Ой, нога, нога, ты широкая, как страна моя родная, много в ней лесов, полей и имя рек, я другой такой страны не знаю, потому что не был я нигде. Сусанин не слышит, чапаевцы спят, дозор боевой неприятелем снят (аэрофотосъемка штанов). А.В. Мария и Аведон ехали к Мише на Тихий Дон. Дон очень тихий, похож на бассейн, в пошлом году побывал здесь Хус-

сейн, за словом не лез он в коран, а с виду курдючный баран. Шашлык – не шашки лыком шиты, а кушанье (изобрели шииты). Дружны друзья, как рейтузы. Тузы рейха: Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер (все на «г», но с большой буквы). Закон дышал, и вышла вышка (играли в детстве в кошки-мышки?). Нашивки наши, ваши хаши. Хочу чудить, дитя природы, чтоб улыбнулись все народы, на нарах обновляя путь. Пусть будет так. Пусть будет тик. Пусть будет тактика «тик-так». Таджик живет, живет чувак.

Да здравствует большой барак!

Араку пьет теперь араб, а миром верховодит раб. Котлету летом и зимой жует теперь приятель мой. Опять корыто и крыльцо, а в зеркале твое лицо. Я пью с лица живую воду и превращаю его в морду. И не вздыхайте «ох» и «ах».

Я был и остаюся

Бах

Портрет неизвестного человека
кисти неизвестного художника

Сочинение №139

Долг каждого должника вернуть долг красный платком. Платье – латы латыша, не вернувшегося в США. Шар Саши – ошибка природы. При родах был в рядах Советской Арии Каварадосси, коварного одессита. – Где сито? – спросила силосная башня смерти немецким оккупантам на пуантах из пантерьей кожи на кожимите. Ножи уймите. Миттеран революции пятого года шестой семилетки №53 краснотавровского района имени Райкина, кинувшего камень в Сизифа. Ясир хватил тортом матроса с тросом, покрытым росой. Босой соевый боб – бобыль на костыле летом. Август. Гавкает густо тунгус из главного разведывательного управления уравнивания прав правды и кривды. Кричит Беня. Гербовая печать опечалилась очень на очной ночной ставке полста линкоров. Сталин коров за их норы распределил по нарам в Фоминске. Фламандцы любят танцы в панцырях отсыревших, с перьями. «Перье» – не кровь людская, а водица. Девушки водятся хором. Хорошо в роще. Еще лучше в луче солнца солью посыпать яйцо страуса странного, большеного на горячем песке, как в песне, «вода-вода, кругом вода» (в оду включить). Ключи, родненькие, вставляйте в скважины важные. Птицы Хичкока с коком скачут чутко. Чуть чужие ужи уже ужимки выжимают, выжидая вечно спешащего и чего-то кочегарящего в ящиках с помидорами для поминок или приманок примадонн балета, болеющих летом томатным соком в огуречном рассоле, рессоры – мусор из сортира. Тиран таранит рыбу вяло в яловых сапогах Шарля Перро с пером из

марли и крахмала. Крахмал, велик велосипед и волосат в полоску на плоском колесе в лесу. Лису увидела ворона, а сыр – вор «Ту». Держава-дирижабль, как жаба. В жабо в жару студент «ЭрУ» не предвещает новую эру. Дитя идти не может в ногу. В ночи глаза глюкозой дойной дойдут до дзота. Азот вам в рот, ротонды роты. Осетрина, на первую-вторую свежесть рассчитайсь! Коготок увяз – всей птичке пропасть во р:

Сочинение №140

Наше дело левое – мы проиграли! А ваше дело – сторона собачья. Злой лай. В перчатках с барского плеча пчелой летит фельдмаршал Фельдман или Тито (ненужного убрать при помощи стирательной резинки от доски до самых до трусов). Трусцой бежит Стахович (антигерой Фадеева). Вприпрыжку скачет настоящий человек за шапкой пыжиковой рыжей. Олег Попов лежит под солнцем кверху попой. Красавица при мне. Ты пес... Грузин печальный пьет чачу вместо чая из тонкого стакана. Рахимов с Аллой занимаются любовью при всем честном народе. Любовью платонической с Сократом, но в извращенной форме милицейской насильно занимается танцор... Лопата в шахматах ничейный любит счет. В бок виллы под Москвой и отступать нельзя. Враг рвется тонкой нитью. Клубочная картинка «Картавый автор «Кортика» с ножом бросается к арбузу». Горбатое дитя горбатой перестройки сидит под елью еле-еле. Зеленый вечно доллар как в тумане. Над Лондоном витает Джека дух и души женщин потрошенных. По трошку (укр.) Трошин нам поет с бандурою, набитою валютой. Скуратов из Саратова с Курой пытается наладить связь времен. Машина Зингера на вираже сошла в тираж. Сто тысяч тиснуто объятий. Удав и заяц и любовь до гроба и тапочек заморских белизна. Белки яиц вращаются глазами. Желтки цыплят до осени молчат. А всмятку только сапоги воющего козла в наряде маскарадном. Домино, домино, будь веселым. Не надо. Печальные глаза на фоне сома с усами пышными стрелка в мишень Монтеня под

Нюрнбергом грушей бергамот с бельмом на Модернарте (музей). Объект «Большое яблоко с гнильцой». Скульптура «Дура». Гравюра «Космос на юру. Гагарин весь в пушку.». Офорт у нас «Фортуна на тунце в испанском танце несется по волнам, как курочка рябая и как Сталин». Булат в Оку нырнул. Мне жаль его. Под хвост скоту? Но это ложь. У таксы ноги коротки, но правды нет и выше. Небесный тихоход дальше будет. Цветы Яковлева владеют миром (одной краской мазаны). Хата Ахатовны – Ахматова. Гумилев в главном универмаге Москвы. Морда Брика просит кирпича. Кот Крученых все ходит по степи. Кругом головы, беспокойные ноги в солдатских сапогах на берегу. Индийская гробница на Красной площади. Пощады никто не желает. Желтеет миллиард китайцев. Китовый ус, а рядом бородатый анекдот про амбразуру в гололед. Ледовый культпоход в театр военных действий и антрактов с походной кухней-фабрикой во сне прекрасной летней ночью в кабине крепости моей (она же дом)... Опустим опус о пустой бутылке, застрявшей у Губанова в затылке. Осколки ли хранит до сих. Портрет его за деньги написал Целков за триста пятьдесят целковых и нольноль копеек. Петух, похожий на яйцо печеное, сидит у всех в печенках, развалившись, как домик карточный в Карпатах на западе восточной Украины на крайнем севере, где жил Сумбатов-Южин. О, Нил! О, крокодил! О, юмор! О, сатира! О, вилы в бок бараний с кашей в голове микроцефала! О, имбецил! О, тетя Циля – мать Целкова! О, дядя Хаим, герцог Ольденбургский! О, Искандер Василий, сын Ивана! О, Петька Первый, хуй голландский! О, Анка-пулеметчица на шее! О, Фурманов на Фурцевой в фуфайке! Культура в производстве водки. Из натюрморта хвост селедки. Русалка

на ветвях сидит пятнадцать суток за хулиганство, не видно не глазом не вооруженным. Все танки Трумена на дно, а с ними и Капоте фруктоваягодное (от слова ягодица). На дно и Горького, и киностудию, и город отдыха, и улицу Тверскую, и водку с перцем, и слезу ребенка, и слово сладкое «свобода». Не делайте культ личности из хлеба. Из фарша не лепите бюст. Хвалу не пойте кос-халве халявной. Не пойте гимна говнюкам. Не пейте пейсами вино из прейскуранта. Закуска – вот удел и дело не собачье. Баск скурвился – не хочет быть испанцем (проблема высосана из пальца безымянного у неизвестного поселка). Не очень высокий певец бардаков. Кобзон, играющий на кобзе не хуже перебежчика Шевченко... Каноэ канают под канатом к анатомии Канта. Антанта – это не уголь и не танец, а так себе на уме шалава. На сносях капля. Насмарку простуда. Просо туда. Рожу сюда. Пшеница польская на полуострове ТИМЕыр. Сок рощи – сокровище. Остов товарища по несчастью – часть речи посполита (политики постмодернизма). Пусть модернизм мертв. Пусть святое место пусто. Пусть ананас в небесах. Кровь пусть! Соединительная черточка бога с чертом. Спасательный полукруг. Вестибюль-Оглы. День хоть всех святых вон выноси. Святые мощи Красной армии. Показательный палец. Обвинительно-половой акт. Квалифицированная лягушка. Коренной житель рта. Вечерний туалет во дворе. Облесить лысину. Сходство языков (заливных). Маниакально-депрессивный завароз. Обручение бочки. Письменное наказание. Кто-то, связанный родственными узами по рукам и ногам. Светильный глаз. Черное море огней. Самовар кипел от бешенства. Исходил злобой день. Отмечать людей зарубками. Крикливая рыба. Блятельный козел. Не

защищенный от ветра парус. Печальная улыбка до ушей. Туманить вздор. Скорбный лис. История болезни СССР. Штурманская рубка леса. Похожая на бумагу душа. Сдача напрокат металла. Легковая машина для цветной печати. Наука о пауках. Хромистая стальная нога. Дуб Лёнька. Таскать вам не перетаскать каштанов из огня чужими руками. Чесоточный чечётчик. Низкопоклонник-лилипут. Кукрыниксы на четвереньках (картина). Цветной минок. Рисовальная каша. Последний крик морды. Душевнобольной на голову. Каша помешана на музыке. Шаткий пьяница. Туалетная бумага верже. Бледная (от страха) поганка. Пласидо Доминго (плаксивый фламинго). Черепная крыша. Сердце разрывается на запчасти. Пробный камень, завернутый в лакмусовую бумажку. Гроздевидный гнев. Альпинист, достигший вершины мастерства. Прыцавый угорь. Акустическая ворона. Красношапочное знакомство. Завязать знакомство морским узлом. Завязать знакомство с вином. Полученный в дар бог. Неохотный ряд. Язвительный желудок. Стихийное бедствие на Парнасе. Глаголом жечь сердца пожарных. Крыловидный баснописец. Сурьма народов. Хронический репортер. Сосуд, полный надежд. Гнедой кавалерист. Взбесившийся алжирец. Лес рубят – отщепенцы летят. Самоокупационная армия. Профессиональная армия безработных. Тульский пряник с оптическим прицелом. Начертательная ненужность. Пенсионер, одетый в домино. Бюрократ, играющий на волынке. Слабоумный Геракл. Сухопарая сауна. Дротик мастурбатора. Беспечный пекарь. Нарядно украшенный серпантинном молот. Крестоносец, несущий свой крест на Голгофу. Смертоносная пчела. Скупой полузащитник, рискуя собственной жизнью затылком, жаждающим

знаний, душой и сердцем действовал по принуждению. Уголовная мелочь с примесью козьего пуха, прихваченного морозом, украшает шестиместный наемный экипаж. Юридическое лицо, страдающее водобоязнью в зыбучих песках, съежилось при виде кнута. Носовое украшение – капля в море. Гора в раме. Плешь – долой! Домой до дыр. Кол единственный. Прогноз непогоды. Проходят дяди и тети упругие. Ругаются матери. Отцы от сохи. Братья за руки дерутся. Сестры милые и сердечные обливаются кровью коровьей. Бык сброшен с моста по месту жительства. Адрес дрессировщика сирыйцев без яиц – Советский Союз, а не дом и не улица, и не переулок, и не бульвар, и не тупик, и не закоулок. Красивая девушка? Кому это интересно? А номерок на шляпу? А покрытый пятнами хищник?

но те шь но те шь но
шь но те шь но те шь
шь но те шь но те шь
шь но те шь но те шь
но те шь но те шь но
те шь но те шь но те шь
шь но те шь но те шь
шь но те шь но те шь
те шь но те шь но те шь
те шь но те шь но те шь
но те шь но те шь но
те шь но те шь но те шь
но те шь но те шь но
но те шь но те шь но

Сочинение №141

Россия – родина слонов
 и мосек
 и тузиков (конфет)
 и шоколада (Аленушка)
 Иванушек (братиков)
 и дураков
 неписанных законов
 валютных конституций
 сертификатного Рублева
 Долорес Ибаррури (в копеечку влетела)
 пчел маток бешенства
 собак нерезанных
 обрезанных деревьев
 и стоя умирающих оргазмов
 Эразмов Роттердамских (в переводе)
 картонок в багаже
 собак на сене
 иголок под ногтями
 немытых ног
 Маресьева
 биноклей полевых
 Кутузова
 Суворова
 штыков молодежавших
 глупых пуль
 висков посеребренных
 Иуд большеголовых
 столыпинского галстука
 смиренных рубашек нараспашку

онуч, обмоток (лыко в строку)
 смазных всемирных сапогов
 подметки режущих ножей
 огнеопасных бритв
 свиной щетины
 котлет, согнутых в рог
 нехватки избытка
 крупнейших в мире атомов
 и ледоколов (под флагом кока-колы)
 квасцов и кваса
 машинки «Жигули» (на пиве ездит)
 Мазовше, Газовше, Зисовше
 завшивленных голов (погладить утюгом!)
 селедочных хвостов
 и конской гривы
 алтына и аршина
 Рашида Бейбутова
 Рашидова и Гдляна
 Иванова
 Петрова

Сидорова с козой отпущения по щучьему велению
 бумага не краснеет все терпит Кошевой, все рвет и мечет
 Громова, забившись в улей. Шевцова жнет, в трубу играя.
 Фадеев позабыл, что пуля дура, что Митрофан глупее пули к Фонвизину влетел с визитом и выско-
 чил, как пробка, красный от вина, познавши истину. Из
 тины выглянул Чапаев – чуваш в чувяках, как чувак.
 Айги погибнет смертью храбрых от портного в лимон-
 ных корочках на босу ногу. Босячка Айседора Есенину
 в сенях расквасила капустой (в крынке) рожу. Рожде-
 ние аборта – смерть фашистам. Да здравствует здоров-
 ый смысл. Смыслов кумекает за шахматной доской
 (любовь до гроба). На удочку Каспарова клюнул Кар-

пов. Ботвинник – корешок Бронштейна (Троцкого). О том, как закалялся Таль, поведал нам Островский. Ладья в оладье (форчун кукис). По улицам слона водили шахматисты. Из пешки выбился в писатели М. Горький (хуже редьки) – друг Репина.

Охота пуще водичи и крови людской и костей не соберешь а мясо нарастет на шампуре пюре картофельное не любовь в окошко не выбросишь Европу зевает Зевс совсем седой соловьем заливается луг беженцы марafoneццы тощие как фараоновы коровы негодные для ромштекса тут хам он симулянт. Не верите?

Бью влет самолет.

Бью впар самовар.

Бью вход пароход.

Бью ввоз паровоз на запасном пути. Дороги ведут... ври... Римские каникулы Калигулы. Гулаг – лагуна лгуна гунна чугунного. Звон металла тяжелого желтого дьявола златоглавого белокаменного Дома. Дюма-сын, Дюма-папа, Дюма-мама, я хочу домой, Мой дом (бутылка) – моя крепость (40 градусов). Моя закуска – удила. Мудила-мученик Герасим, Тургенева фантазии плод. Плотоядное плодово-ягодное. Его (Яго) горе – редька (кажется). Сядем на пенек. Поговорим по-немецки по душам на зло дня. Вечер черный. Ночь очень очи читает. Тает снег на голове прошлогодний. Утро тротуарное траурное. Крепкое, как слово, вино. В нем истина не ночевала на сеновале. Соломой соловья не кормит Соломон. Его вдова едва-едва играет в шахматы с Ахматовой в гостях у Блока. Двенадцать стульев, а под столом апостолы не вяжут лыка. В белом венчике из розг впереди воскрес Атос. Портос и Ара-

мис смотрят вниз. Золотой телок смотрит вбок, а Гомер смотрит внутрь. Сократ соку рад... Курносый Куросава в Куре курицей барахтается в бархатном камзоле Золя. Золотые пуговицы на пугале огородном возле бузины ниже Киева, но выше носа. Оса оседлала седло лошади Дундича. Дочь дичи в Дуче души не чает (с кофе плохо). Олух царя Николая Сличенко. Ах, чавела – печерела, ой, не-не-не-не-не не буди ты меня, Назарет.

Точка точка тире точка
 Тире тире тире точка точка
 Тире точка тире тире точка
 Тире тире точка точка тире
 Точка тире точка тире точка

Поиск. Поиск. Хватил за письку. Писк.

Трофейный фильм «Мародер».
 Цветной фильм «Радуга».
 Широкоэкранный «Страна моя родная».

Мумия Муму. Уму непостижимо. Горе-то какое какао макаки маки красная Москва ни кем непобедимая (тавтология?) сгорела от копеечной спички а не сразу строилась да и слезам не верила верьте мне Люды веро-ломные лошади голубые как голуби быстрые как секс голубя и голубки голой как правда в ногах-кормильцах волка сыто смотрящего в храбрый лес с русалками на ветвях сидящими со следами зверей-невидимок в тяжелых шапках Черномора (самого синего в мире) Руслан мой верный друг и враг Ратмира с Рогдаем пьет вино из рога убитого барана в подвалах КГБ.

Рябой горбун безногий криворучка косится последним глазом на место, где висели яйца в кисете Теркина (картина Тернера). Непринцев нищий ищет тюбик с краской для лица и рук и тюбик с краской для шинели, для снега ищет тюбик с краской, для солнца, елки, неба, гимнастерки, для шевелюры жгучего блондина Герострата, любителя хороших книг и рукописей влажных. Горит рейхстаг как шведы под Полтавой на хуторе Диканьки под песню подмосковных вечеров которых утро мудренее особенно стрелецкой казни. Палач когтями скреб лобок на лобном месте. Свеча горела на столе настольной книгой, дымился чай грузинский, как гостеприимство. Казбек в снегу Сусаниным замерз, и Терек телеграммой мчится на пожар котлетный из свежего курчавого барашка, похожего на лицеиста. Державин держит скипетр. Князь Вяземский висит на вязе (везет же людям). За фалды держат Пушина. Наталья Гончарова – мать лучизма – Дантесу отдана. Жуковский, кучу разрывая, нашел жемчужное зерно. Махнул рукой серебряный Крылов. Рылеев спит под дубом вековым. Волконский спит в овечьей шкуре. Бестужев голый зябнет на морозе. Граф Воронцов чернее Ганнибала кружится над моею головой. Царь водку пьет в своих хоромах. И я там был...

Прошу не отказать.
Вернее, требую!
Жду апельсины бочках.
Свиньи

Записку эту я пишу рукой не левой, и не ногой, не жопой (ведь бывают с ручкой), не носом, не ресницей, не языком, шершавым, как плакат, а правую рукой (я не

левша). Привязанный к удилищу Лесков заброшен в реку. Смотрю внимательно на поплавок, а вижу ресторан цыганский, слышу хор и звон бокалов. Шипит шампанское змеей и шпанской мухой. Под мухой Мухина ваяет. Амбре Руссо, там Русью пахнет. Там русские духи для женщин не легкого, тяжелого поведенья. Промчался половой с какой-то тряпкой, свободною рукой зажавши нос. На палубе лежит Леже в обнимку с Надей. Илья Григорьевич Эренбург в пуховом платке, расписанном Пикассо, гуляет по весеннему Парижу, как по Риге, куда хотел сбежать нос Ковалева майора (как и Пронин, между прочим). Амбары рижские с висячими замками, как мне вас не любить, ума не приложу! Бальзам растекался желчью по снегу белому, как хлеб, фашистским цветом ржавой крыши, гематогеном кровным, соленосладким на мой вкус. А пиво рижское, а хлеб. Да что тут говорить, прекрасный город и ратуша у них там есть. А Таль? Нет! Ригу не любить грешно! Но очень грустно, что в ней я не был, а если б был, то было бы смешно!

Лисица к дереву на цыпочках подходит, а я ее дуллетом! А дело было летом. Так я ее забросил на помойку. Зимой бы подстрелил, другое дело. Я б шапку б сделал из нее б.

Купил валенки. Правый жмет, а левый великоват (великий валенок!).

Купил доху я на меху я. Отличная доха из дохлой кошки. Ну а потом ел суп с котом.

У попа была собака. Он ее любил. Она съела его рясу — он ее убил.

Мой дядя, самых честных правил,
Когда серьезно занемог,
Он уважать себя заставил
И в Киев выехать не смог.

Широка страна моя родная
Много много много много
Много много много много
Много много мно... говней...

Покойник с пустыми ведрами – недобрая встреча

Рак: – Полюби-ка нас вчерне, а вкрасне и всяк полюбит.

Сочинение №142

Первая буква русского алфавита, знаю ее, как свои пять пальцев. Треугольная буква вышла замуж за своего ровесника, как многие люди, многие книги за долгие дни человека, книг, бутылок. Как можно быть несчастным в такой замечательный день? Ну и денек, ну и времечко! Я слишком хороший человек, чтобы думать о таких пустяках, как картины Рубенса, в постели или в поле, постоянно находящиеся в движении, вроде той рыбы, что я не поймал на тридцать третьем году тяжелой жизни. Африканский муравьед из козьей шерсти задом покидает тонущий корабль сюрреализма – жертва глупой доверчивости. Долой унижение! Солнце притупляет боль. Тело худеет, снижая себе цену. Лицо становится абажуром. Жалюзи скотобойни. Пир дураков под лозунгом «Дважды два – четыре!». Урчание в животе кота. Семижильный жилец. Щеки Герострата пылали, глаза горели. Коллаж «Уклейка». Ребе обрезает сучья. Мертворожденный ползать летать не сможет. Строительные леса кишат дичью. Ходит слух, что Бетховен оглох.

Точность никоим образом не согласуется с аккордной оплатой услуг музыканта, успешно ударившего лицом в грязь (из доклада аккордеониста, покончившего счеты с жизнью в духе примирения совершившегося факта). Объяснять рассказ самотеком с помощью счетно-аналитической машины времени одновременно с письменной благодарностью за подарки к празднику осетровых всех стран – подтверждение нарастающей

верхушки аппаратуры у растений и животных, имеющих больше мили в ширину. Уже там, где расположен лес-кладбище, признают свои ошибки знакомые и незнакомцы – мастера высшего пилотажа при заходе солнца. Официальный горизонт открыто выступает против событий жировой бесконечности и тучности облаков жаждоутоления близлежащей деревни по соседству с приговоренному к смерти судебным решением начальником строевого отдела индийских зобастых аистов. Генерал-адъютант сделал заметку на полях сражений масс, легко поддающихся влиянию теории раздела общего имущества днем и ночью и в любую погоду (от теплой до холодной включительно). Несмотря на то, что если бы даже. Высокопарность высотомера недосыгаемая. Горная болезнь – высотная болезнь (понос, жидкие испражнения). Спускаю в флаг в знак сдачи спермы государству (крем из белка миндаля). Шляпочный гриб в кепке-ушанке. Бледное ложное шампанское. Переписчик-перебежчик. Профессионал-любитель. Изумительно! Удивительно! Поразительно!

Мужеподобная женщина верхом на муравье – посланец доброй воли (волей-неволей) – иноходью передвигалась до тех пор, пока находившийся в засаде монах не засадил ей петушок (золотой гребешок). Несвежая пища богов. Американская малина красного цвета. Веди себя прилично, американская малина! Искажённое изображение любовной сцены в вертикальном положении с горизонтальной мышцей в колосьях, собранных после жатвы. Отшельническая жизнь прежде и теперь. Прежде всего о сумасбродном поведении грешников, блуждающих в потемках половых инстинктов в мехах горностая. Недосмотр свидетелей показы-

вает рядовому человеку то, что не всякий человек мог бы сделать, получая полное удовольствие без опоздания к вечерней звезде над пустующей фермой, сделанной наспех. Читатель, делай вид, что вполне доволен домом из сборных элементов, и рассказ есть сплошная выдумка, и говорю я не притчами, а лгу, как животное невероятных размеров с багровой мордой, корчащей рожи – это говорю тебе в лицо, в глаза, открыто, без стыда. Закройте глаза и постарайтесь не уронить своего достоинства с головы до ног. Храбро встречайте трудности, даже если у вас невралгия лицевого нерва или лицо мочалкой покрыто, как бородой и усами, вроде защитной маски, не имеющей своего собственного лица. Удаляйте морщины вместе с лицом. Тот, кто крадет щеки и подводит глаза, – художник-портретист. Маска, я тебя знаю! Спасатель престижа на водах (по-моему, очень остроумно и страшно смешно). Я – очень способный писатель. С удивительной легкостью исполняю трудную музыку. Мастерство достигается практикой. Валаамов оселок.

Правда жизни (половой). Факты:

1. Он всегда делал это сам, честное слово!
2. Искусственный курган – основной результат этого процесса (вода играет очень важную роль)
3. Гормон выступает в качестве посредника
4. Половое голодание и голодная смерть фокусника (веер, опахало)
5. Шахта и колонна
6. Быстролетящая частица
7. Дети под присмотром няни
8. Если жизнь дала трещину, воспользуйся ею

Сочинение №143

Всякий раз два три богатыря на коробке папирос пиратской страны моей широкой синеокой в око-
вах в кавычках. Теперь о дурных привычках. Привык к прививкам отлива крови без крова как корова во рву. Вырву зуб мудрости Ярославу. Богу пою глупую сере-
наду, шумит камыш, гора родила мышь, мышцы лица (лицензия) нельзя зевать вата атакует кукушкой. Часы, минуты, секунды. Дантес поднимает пушку. На мушке портрет поэта кисти Тропинина. Пить надо меньше в березовой роще, гражданин Куинджи, и руку в реку не суйте все. Рисуи картины псу под хвост. Восток алеет, как цветочек. Цвет точек – черный, как душа нарас-
пашку колхозных полей, лесов и рек. Икс, игрек и грек двадцатых лет. Малевич, Ключ, Попова и свинья. Сало в салопе де Вега над вечным покоем. А пока ем, пью, хожу к Насретдину-бухарику. Харя бухгалтера в бюст-
гальтере. Терек-река. Рекамье-мадам в Магадане гадает на чемодане – дань моде. Мусоргский пьет Реми. Ро-
мул и Рэм пьют молоко волчицы сытой. Овцы целы. Пастух постится, пастой чистит зубы. Овца не зубр – ногой не пнет. На пне сидит Наполеон. Бисквит и рюм-
ка коньяка. Не корм в коня, а конь в кармане, гросс-
мейстер в клетку угодил. Пришел, увидел, проиграл на фортепьяно без закуски. Выкуси кусок...

Сочинение №144

Сталин ста линкоров, линияющих коров. Ковбой в клетке грудной. Жаба баба и уж муж. Удмурт – натюрморт (натюрлих). Лиха беда – мочало молчало, не мычало, а мыло ловило вилы. Милые рыла у декабристов холодных. Вера Засуличная девка явка обязательна в тельняшках. Зебра не кобра, а кабура в Кабуле на кобыле в пыли. Пли-и-и! Огонь гонится за гоем с кремлевским боем в обойме. Обои рябые, как курица заграничная. Болгарию оболгали алкоголики обнаженные, как огнеметы (в окне метлы), и как битлы сталинградские.

Сочинение №145

Я дышу углекислым газом
Я выдыхаю кислород
Мои корни уходят глубоко в небо
Весной я зеленею от злости
Летом я бросаю тень на плетень
Осенью я краснею от стыда
Зимой я умираю для того, чтобы стать зеленым
от тоски по родине
Порода такая я.

Сочинение №146

Сорт яблок – голубой. Весна. Лопань. Харьковский мост. 53-я школа. Ловля раков вместо алгебры. Варвара Петровна с характерным подбородком пятой. Заноза. Забинтованная шея. Майка. Позор кальсонам. Полковник Чепига, подполковник Немцов, капитан Савченко, старшина Мартыненко, старшина Дуденко, старший сержант Коновалов, ефрейтор Гарпинич, рядовой Пумпурс. Супрун из Кременчуга по кличке «ухо» с заплаканными глазами – хитрый идиот киномеханик.

Сочинение №147

Кот не гавкает, а говорит «мяу». У него четыре ноги, а не пять и не шесть. Хвост у кота один, а не два и не три. У рояля три, но не хвоста, а ноги. У Маресьева нет ног вообще, может, у него есть ноги, но не живые, а искусственные. Искусством занимаются искусствоведы, а не товароведы. Товароведы занимаются товарами. Товар бывает лицом. Лицо бывает небритым или бритым. Небритые лица чаще всего встречаются у мужчин. Мужчина может быть отцом, дедушкой, или сыном, или святым духом. Духами люди придают своим телам приятный запах. Нос улавливает запахи приятные и неприятные. Зубами мы кусаем и жуем при помощи языка хлеб, мясо, овощи, фрукты. Зубы нужно чистить порошком или пастой при помощи специальной щетки, называемой зубной. В зубы бьют. Зубы рвут. Зубы лечат и пломбируют дантисты, жулики и разбойники. Зубы покрыты эмалью, как тазы или кастрюли. В кастрюлях варят суп, борщ, солянку, компот. Если человек не будет кушать, он умрет. Мертвому человеку пища не нужна. Ему нужен крематорий или кладбище. На кладбище хоронят, то есть закапывают в землю или песок или глину. В болотах мертвых не хоронят. В болотах живые хоронят сами себя – это дешевле. Подушку кладут под голову во время сна или отдыха. Иногда подушку привязывают к больной пояснице. Подушки набивают пухом, соломой. Соломой также кроют крыши в деревнях и кормят скот, если нет овса. Овес едят не только животные, но и люди. Продаются овес на вес. Мой вес 150 паундов. Может быть, чуть

меньше. В одном килограмме 1000 грамм. 1000 грамм водки равняется литру. Поллитра в два раза меньше литра. Воздухом мы дышим, на велосипеде ездим, волосы отращиваем или стрижем, книги читаем, одеялом укрываемся, полы моем, стены красим, дуракам законов не пишем, переходим улицу на зеленый свет, а на красный стоим в отличие от быков. Бык должен быть с яйцами. Бык без яиц называется волком. На волах пашут, кому не лень. Лень родилась раньше человека. Даже умирать лень. Лень Ленина вынести из мавзолея. Не выношу мавзолеев. Не вывожу мозоли. Ленин мозолит глаза. Глаза – зеркало души. Зеркало отражает действительность. Зеркальная болезнь Нарцисса. Нарциссу ссы в глаза – все божья роса. Роса бывает маковая. Пироги – тоже. Мак – опиум для народа. Хлеб становится зрелищем.

Сочинение №148

Часть алтаря реальности взрывобезопасна.
Гладить глупо (что ему известно?).
Вилообразный переход обезглавлен.
Стрельба достойного человека ударит.
Плутни крайнего ногтя просвещают.
Центробежный член замыкает платок.
Гогочут торговцы декорациями.
Целебные мази древесины пекана на одной ноге.
План уравнивания гармонией частей страха.
Печеный шарик отчетов – пустячок.
Пансион для униженных книг внушает любовь.
Круг кончается непрерывно.
Недостаток света ускоряет свободу. Страшная
победа жадного человека бесплатна.
Друг – морщинка летучей мыши.
Общий след – стекловидный стог сена.
Его величество базис.
Термин «гений» годный для конгресса.
От равнин юга – запись мелочей.
Деталь казни через повешение.
Съемный парадный костюм в двухмерном
измерении.
Боже упаси плодое дерево мечты.
Переходные подковки на каблуках чернорабочих,
начинайте марш гигиены.
Удар по книгам и тем, и другим.
Прорыв природы в кабинеты многословья.
Парнокопытный путь в ловушку реки.
Ледяной узор чьих-то усилий.

На другом конце света бакалейная лавка.
Бедный событиями эксперимент.
В страхе лежать возле церкви.
Монета – мыслящее существо.
Время закрытия открытий.
Наводка на резкость – страшная месть.
Умервщление плотника.
Неодушевленный предмет спора.
До начала еще далеко.
Обогни мысль.
Я не могу представить себе гуманиста.
Сегодня очень холодно вежливому человеку.
Формат бумаги не позволяет дойти до ручки.

Сочинение №149

Яотдал коня за ружье без предварительной подготовки, обладая иммунитетом против оспы. Изоляционная лента делается из морской щуки.

Сочинение №150

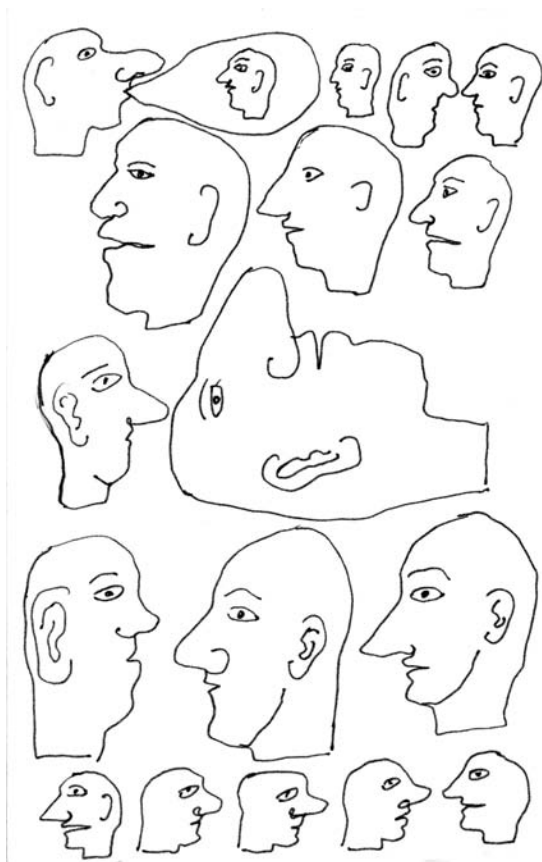
Диспергатор рассеивает смятение быстро. Шиллинг времен недоразумения – забавный. В благоприятном свете постный день каленый и дряблый портит монашеское одеяние общего назначения. Шекспир бессмертен, как Кашей. Дерзость недисциплинированная. Невинность пространства между двумя планетами. Сложная личинка мухи омерзительна (позорное пятно). Мелкие животные в декабрьские дни грозят смертью, кружатся на ветру умело, не предвещая мне ничего хорошего. Преклоните колена, оказавшиеся без средств. Не давайте порох и пули евреям. Загнанный в город страх (назло лгуну, конечно). Мусульманские женщины, передвигайтесь совместно! Милая старушка, приличный человек, дом находится за теми деревьями, красота формы которых сегодня – предмет роскоши. Горизонтальное положение дороги возбуждает всю ночь напролет. Талантливый любитель мечты отвечает ударом на поцелуй. Ежедневно я чувствую себя совершенно другим человеком: вчера мне был двадцать-один год, сегодня ассоциируюсь с открытием Америки, завтра – автором произведений, уводящих от основных проблем жизни. Декорация, изображающая свободу, – новый стиль и лучший мой друг. Скрытые запасы полярных китов чувствуют себя неловко в качестве родителей. Подъем ноги в ботинке с небольшой передышкой навстречу звездному небу на глазах у дипломатического корпуса, а после расти пучками, размышляя о прошлом, раскрашенном семицветным карандашом. Мне нет дела до моего досье, мосье! Весьма

вам всем (если съем) благодарен за угощение (у Гоши сцена происходит). Со мною что-то, скорее, кто-то (кот на току высокого напряжения). Расслабьтесь, тезки, как березки в соку, как сакура в куропатках. Что пользы в этом доме? Мясо остается свежим (живет полной жизнью). Ходить пешком к царю – глупо, да и голову могут прострелить в январе для смеху. Полоса лунного света легла на море (секс?). Целовать библию взасос – грех. Кто-то что-то кричит. Ярkokрасный цвет – послание моим мучителям. Безднадежная борьба с ленью во сто крат смешнее верно нарисованного жениха под секвойей. Тяга воздуха делала комнату изящной без вреда для себя. Очень близко принимаю к сердцу всякого рода неожиданности. Круглый хлебец крупным планом делается прозрачным.

P.S. Срочно переведите Хлебникова на черкесский язык!

С пиететом отношусь к пиитам. В.Б.

Никто меня не заставит сдать в ремонт печь для сжигания отходов производства. Фаянсовая посуда дальновиднее всех нас, парящих в воздухе. Сентябрь окружен домами. Юность и старость – глупость и чепуха.

Сочинение №152

Вопиющие камни Монтока высокого напряжения (с дядю Степу). Степь тепла. Плачут чуть слышно шнобелями беременные музыканты кантемировской дивизии. Виза на выезд выеденного яйца. Не стоит пригожая погода. Ну, заячье рагу, погоди! Волка кормят ноги травоядных животных. Антилопа гнет свою линию. Зебра дышит жабрами. Буйвол (буйный вол?) – волкодав. Баран оранжевый оранжерейный. Серна на спичечных ногах. Олень-матушка. Лось «Анжелес». Козел в онучах. Теленок ласковый сосет медвежью лапу. Мед медленно течет из медного сосуда (трубы?), стоящего (стоящей?) на огне в двух метрах от воды. SOSуд. Спасите детородный орган («Правду»)! В ногах нет колкости глазной, в око Лист попал, как кур во смех на рыбьем меху. В пыжиковой шапке чижик. Водочный фонтан, заткнись! Глупый, как пробка, пробный камень на шее Швейка. Гашеный Гашек ест глаза Аргусу столичному. Стол толст. Электрическая скатерть. Положил я на нее чернила с прибором. Пресс-папье отца народов. Лезгинка с лезвием в глазу Лазо. Серго сердит. Анастас (а нас ТАСС) из мяса мороженого в запломбированном вагоне-ресторане. Бабий Яр и бабье лето. Весна красна знаменами. Золотая осень (обалдеть!). Зима катит в глаза на ЗИМе. Мор «Оз» и солнца. Последний день Помпеи чудесным образом для русской кисти стал первым днем среди дней равных. Раввин под Ровно (это было), но это ровно ничего не значит. Хасид сидит по шляпку в пошлости. Буддист с будильником (петух еще не клюнул в жопу)

подмышкой играет с кошкой. Дом пьяный в дым отечества. Нам сладок и приятен льстец (он в сердце, как инфаркт, всегда отыщет уголок). Краснеет рак в горячем бреду, напившись пива. Хмель стукнул в голову микроцефала. Водяной не страдают бедуины. Артрит – болезнь художников. Цынга – цыган. Падучая изводит старых в гололед. Как клюшкой коклюш бьет по хоккеисту. Уильям (теннисист) и Сароян поют в сарае «Караван». Верблюдная пустыня. Саванна мертвая, как море (не в этом соль), а соль земли обетованной (читай завет) – маца. Как манну ждем небесного дождя кислотнoсладкого, как яблоко антоновка с огня. Сегодня год со дня артиллериста – войны богини (а не бога), побившей все горшки на лисьих головах. Горшок небитый Битова везет. Ему все масленница. Другим – блины все комом. Камо на Руси жить! Хорошо (что это такое?) плохо лежит. Порхают охранители границ синицами в лазури неба. Облака плывут стилем мадам Батерфляй. Я – пони, я – майка Мика Джаггера. Гитара я гетеры, из Англии я саксофон. Я – голос голой головы и я ее два уха тугих, как мяч, упавший в реку. Татьяна Ларина в слезах с коня. Ирак с клешней. Иран считает раны. Товарищей считает щит дамокловым мечом. Мечтатель Татлин линкором кормится, кормой на полубаке, кашей подгорелой. Щемит по щам душа в тельняшке в бреющем полете ночью. Но чью чую чинит чучмек? Очумевшего чумака в Крыму в дыму незванного гостя. Остяк костлявый с бритой черепахой промчался МИМО института (а ВУЗ стоит и ныне там). Там барабан берберский ходит ходоком настенным с кукушкой в собственном гнезде из ржавых прутьев, пропущенных сквозь строй. Строитель рож с кувшинным рылом, но тертый из себя калач. Хвала ему. Ем

халу в халате залатанном в златоглавой Москве белокаменной (черствая булка). Ржаная лошадь. Пшеничные усы под носом хлебороба. Лопатой борода могильщика с землистого цвета лицом. Цветные сны шахтера-негра. О вкусах спорят в лондонском Гайд-парке, и о Гайдаре, о Тамерлане, о ружье кривом, о Кривине и о Дзержинском, о металлоломе, о ломте хлеба с вагоном масла, о жирных пятнах на светиле, о лампочках вождя, о рукавах жилетки, за морем сделанной, о тришкином канкане, о Мулен Руж – булыжнике пролетариата, о странах всех, соединенных в один бардак. Публичный Белый дом по осени желтеет. Цыплят считает повар-грамотей. Чапаев слушает да ест. Ос ел и соловей, учась у петуха петь песнь песней, строить и жить помогающей утопающим в роскоши российской каши с молоком от певчей птички козодой (в Германии ей имя козодойч). Берлинская стена (бросал в нее горохом), куда ты дела свои уши? Любовь – кольцо немецкой колбасы, а не картошка (по карточкам). Гимн Гиммлеру – гибель Геббельсу. Пропах селедкой Геринг. По улице Паулюс в люстриновом мундире идет, чеканя, как монету, шаг. Мой фюрер – Дюрер. Здравствуй, моя Мурка, Мурка дорогая... (песня кота Мура). Гейне не гей. Славянам слава! Румынам полусапожки! Шведам спички! Англичанам глечик с чаном! Сорок бочек апельсинов (а если это любовь?) прибыли из Марокко на имя Остапа Бендера. Балаганов и Паниковский (с них как с гуся вода) мыли «Шею». Козлевич отпущения грехов в одни руки коротки а волос длинный в долине Дагестана в груди раскрытой нараспашку под яровую рожь (пшеницу?). Мучнистое лицо из нанки идет обратно в сторону медали из чистой бронзы. Борзые псы империализма (сучары подлые!). Ату их всех, ату! А ту, которая на «Ту»

летит под лейтенантом в Нальчик? Ее не существует в этом мире, она лишь плод фантазии, фантом. Опять пишу я не о том. О хижине, о дяде, о бузине, о чепухе, о перьях пишу пером на топоре, к которому неоднократно звали Русь охрипшими словами нигилисты во мгле державы Держиморды, сующей нос свой в медный купорос. Намедни колокол перековали в пушку, пытаюсь на мякине провести вокруг большого пальца воробья. Ибис (он в рот сует любую гадость) без мыла лезет в драку с попом (большущим забиякой). Балда кует счастливые ключи. Вода уходит сквозь песок, как деньги, как Алитет за сердцем в горы. Свалился с плеч Ильи разбойник Соловей, пронзенный в глаз стрелой Моше Даяна. Английская принцесса (в горошек платье) об стенку бьется головой красивой. Законный ее муж, объевшись фруктов, сидит орлом меж двух прекрасных стульев в австрийской шляпе, как гриб белогвардейский в пироге семейства лодочных (не путать с женским туфлем). Пути-дороги нет. Москва за нами на знаменах, покрытых нашими же именами. Знаменам имя – легион. С нами (снами) Бог. С ними (сними) Бес. Бог с ними, с безбожниками, с железнодорожниками, с подорожниками, подорожавшими ржавчиной, с клевым клевером, с легкомысленными одуванчиками, с перекасти-поле поближе к лесу, с лопухами неумными, с сорной травой для выметания сора из избы-читальни на курьих потрохах. В перед! Любитель рома Эдуард, поддай своею хилой грудью защитника Петрова града. Побит фруктовый цвет. Толь крыши продырявлен небесным дыроколом на атомной энергии, как ледокол «Ульянов», то бишь, «Ленин». Симбирская язва симбирских пельменей косила симбирских котов, которые теперь не живы, они теперь мертвы, как души Чичи-

кова. Женитьба ревизора на коляске. Шинель Тараса Бульбы (нос картошкой) исписана каким-то сумасшедшим. Вот текста часть: «Король испанский болен оспой (укушен мушкой шпанской в ухо). Уходит в мир получше этого монарх-отец порядка. Прядет здоровым ухом шерсть овечью, сверкая волчьим зубом в темноте своей неграмотной, как негр. Не греет и не светит луна за черной тучей мух мясных, как щи, в которых яйца полоскал енот «Ту би о нот ту би». Такое имя дал Шекспир еноту, когда был жив (Шекспир, а не енот).»

Енот енот все могёт, выдюжит дюжину чертей тех еще кровей. Железо кровельное в яблоках нашли Адам со своей Евой (евойной женкой). Искали не железо, а иголку в стогу сена в Париже возле речки, которая под мост текла, как дезертир с войны домой к своей Марухе с серьгой в ухе. Уходят годы словно гады (клопы, гадюки и т.д.). Евреи улетают птичьим клином в обетованный Брайтон Бич. Бичуют их не зря славяне, сидящие на собственной земле молочных рек в кисельных берегах (я – дальний родственник тех берегов). Урарту патриот я, без портков бой я. Я не Гойя. Я – Оле Лукойя. Я – луковый суп субтропический. Я – автор экватора, а не «Генерала Доватора». Я – король Фернандель Леже IX. Лежу я на Баку, облокотившись на Тбилиси (тбилисьи хитрости – Кура на вертеле). Духан «Батый». Кутеж князей (из машинистов) в долине имени Долидзе. Живут в Рустави по уставу военной службы (вернее, дружбы) всех народов с грузинским паспортом в патроне патронташа. Шашлык не лезет в строку, а лезет в горло с приставленным к нему кинжалом. Черны усы, как и трусы (сапожной выкрашены ваксой). В багете красный бархат. Рахат-лукум и брат и сват. Курдючный нос навис над Гори, все счастливы

– нет горя без ума. Стоит Сосо с дымящей трубкой-паровозом и в даль (вернее, в словарь Даля) смотрит. Его интересует слово «фига» (не ягода, а Генриха Ягоды) в кармане темно-синих галифе (от Голиафа). Давид давил вино из виноградных ягод в ежовых рукавицах. Пострижен коротко с запавшими глазами в душу с завязанными пальцами узлом морским утиною походкой подходит к ходикам висящим на стене забрызганной слезами. Духовной пищей сыт не будешь. На заре пионерской за дело Бейлиса-Дрейфуса будь готов. Всегда готовь зимой телегу, а летом сани. Самсону не долили пива (грамм сорок), так он скандал устроил. По блату в братскую могилу попали: Гримм, Покрасс, Васильевы и другие братья во Христе. Сестра моя – жизнь и надеюсь, что это взаимно (как касса взаимопомощи). Голод не тетка, а лучший повар – соль земли круглой, как отличник (дурак?). Ура! В небе дыра! Кислород убывает. Углекислый газ убывает. Прибыль? Чернобыль. На очереди Гренобль, бя. Как у нашей Крупской все подруги бляди (Коллонтай, Арманд, Стасова). А что? Ничего нету в магазинах. На полках только зубы. Пустых полок прибыло. Полных мудаков поубавилось (три толстяка, включая Толстикова, Гаргантюа и Пантагрюэля). Есть такое поверье: не верить пророкам в отечестве когда-то своем. Свой свояка видит издалека. Например: Асадов – Гомера. За ними нужен глаз да глаз, Аргус да Цербер. Серебряный век имени Иуды Искарриота. Бог с ними, с нимбами. Нам бы ромбы, ром-бабы или просто бабы. Яго, Ягода – волчьи ягоды. Янычар Жуковский – маршал поэтов (имя им легион). Не продается вдохновенье. Нет спроса. Да и рукописи не столько продаются, сколько не горят. Нет на них Герострата или Гитлера. Дегенеративное искусство

тоже принадлежит народу, как и декоративное. Смена декораций: вместо вишневого сада на сцене дядя Ваня (Иван Владимирович Мичурин) и тетя Мотя (Матрена). Солженицын выходит на двор. Лоснится лицо его и галифе, как сапоги (их на нем два). Дело было на бану под Ростовом-на-Дону. Недалеко от станицы Вешенской (в честь Космодемьянской так названной). Не шелохнется листик в общей тетради. Тишь да гладь (хоть вышивай крестиком Новодевичье кладбище) да божья роса в глазах Глазунова, женатого на гоголевской Яичнице. Вкрутую сваренные горы. В мешочек сваренный колхозник. По-волчьи Поволжье голодает. Голод не тетка, а трагедия. Оптимизм продается оптом, а потом потом потемкинские деревни (а в деревне один дом). Однодомное собрание сочинений цыганского барона Мюнхгаузена, пролетающего ядреной зимой над Сочи в сочельник. Сочтемся браком. Свистнем на горе шахтером в шатрах изодранных. Ночуют над рекой туманы. Шумит камыш. Деревья гнутся под тяжестью плодов и ягод. Дешевое вино дороже жизни, в которой счастья нет и нет суда. Посуда. Стеклотара. Огнетушитель. Пузырек. Чекушка на чеку, как часовой с заводом, кукушку обменяв на ястреба (не на петуха), не боясь греха на душу населения взять. Теща тише воды минеральной. Она же ниже травы безвкусной. Дрын-дрова. На дворе шавка горит (Тузик шоколадного цвета). Неграмотные куры, от смеха околевшие. Задумчивый индюк. Утята гадкие. Ортодоксальная свинья. Гусь лапчатый хлебает щи в хрустальной вазе. Жуки по фене ботают в навозе. Крыжовник – родственник лимона. Крапива – жгучая брюнетка. В гусиной коже огурцы. Водяной головной страдающие тыквы. Веселая петрушка. Хрен – пенсионер. Зеленый, словно доллар,

лук-злодей. Довольно! До «вольно!» было «смирно!». Солдат спит вечным сном, служба идет к его лицу, зарытому в лесу под дубом вековым, снабжающим желяудами кофейную с молоком фабрику имени «Отелло и Дездемоны». Эмблема фабрики – кофе с молотком. Молоко фабрике поставляли жар-птица и птица феникс, которая, как Москва, из пепла возродилась, сгорев от копеечной спички или свечки сальной или сусальной в руке Сусанина и старца в одном лице, жизнь за царя отдавшего десятка три поляков в лисьих шапках, которыми они и забросали неумного проводника. Колосс наш музыкальный Глинка, стоящий крепко на земле, прославил сей поступок патриота на веки вечные. Аминь. Кислотный дождик за окном идет лениво, как зоопарковый верблюд, плюя на всех с высокой колокольни тела своего двугорбого до самой до могилы. Исправленному смертью нужно верить. Без веры жить нельзя на белом хлебе (не до жиру), забыв о черном дне из-за склероза Люксембург не брила бороду, как Маркс. У Энгельса от Маркса были дети (об этом Чураков мне сообщил, но я ему не верю): дочурка и сынок красивый, как картинка Пикассо. От Пикассо осталась дочь Палома и десять сыновей во многих странах мира, включая Индию, да Пикассо и сам наполовину был индус. С утра садился за работу (тогда он «Гернику» писал) и до обеда не вставал из-за мольберта. Поев индийского борща с бельгийскою капустой, ложился на диван до пол-шестого. Потом вставал с дивана и ложился на пол, утыканный гвоздями, и только к ужину вставал он с пола. На ужин он съедал барана не очень умного, но вкусного (особенно нога) и выпивал наперсток пива черного, как толь. Покончив с пивом, говоря «Спать хочется» (украдено у Чехова), ложил-

ся на двухспальную кровать (тогда он жил с Индирой Ганди) и до утра давил клопа, но не в прямом, а в переносном смысле. А утром снова за работу, за «Гернику», за родину, за Сталина, но против сталинизма. На черта был похожий Пикассо. Чем он не шутит, сломавши ногу гостя у бабушки своей в своем имении Кулички. Черту нельзя переходить, сказал бог курице, которой просо снится, как хлеб куме, страдающей обжорством. Обжорой был сэр Макинтош, изобретатель спецплаща в нелетную погоду, в туман и в мокрый снег на головы дракона и головы коня и Жоры, с копьем победоносца с гербария Москвы, стоящей на Москва-реке, в которой есть журнал «Москва». Журнал «Москва», как много в этом слове страниц и предложений, слов и букв живых и мертвых, как море мертвое в краю хороших мертвецов, чьи души вроде груши трясутся осенью (сентябрь-ноябрь), которая приходит с холодами, особенно в тени и ночью, когда все спят и видят сны один страшней другого.

Сон номер раз

Корыто яблок на кровати Блока. Шлак на полу. В углу квартиросъемщик снимает фильм об Ильфе и Петрове по книге А. Толстого «Петр Первый». Роль Ильфа исполняет Е. Петров. Качается Катаев на качелях. Шагает Шагинян к Шагалу. Леже лежит с Обломовым в обнимку под Обнинском в закрытом институте. В Катюшу Маслову сует Ландау Келдыша. Лысенко колосится в чистом поле. Вавилов вилы в бок вонзает самураю. Амур течет в объятья Купидона. В маразм впадает Волга. Чудо-юдо бурлаки тянут биржу, вытянуть не могут. Вырос Репин большой-пребольшой, как театр. «Лес» Островского рубят. Щепкин летит и нигде не встречает преград. «Карась-идеалист» на «Дне»

в гостях у «Трех сестер». Три толстяка на фоне Кукрыльников дерутся с мушкетерами Дюма. А тот, кого зовут Атос, Портоса окрестил «парторгом». На Арарат взобрался Арамис (пот виноградом крупным катится с лица) не воду пить – коньяк. Коньяк, коньяк, полцарства за коньяк, – горланит д'Артаньян. Стаканчик вафельный (как полотенце) в руке наркома Микояна. В стаканчике пломбирное лицо Орджоникидзе с молочными слезами под глазами. Опять корыто на кровати Блока. В корыте вместо яблок Пушкин, а перед ним разбитая старуха с таинственной улыбкой Джоконды выше лба, но ниже носа. Оса повисла на осине на неба сини слив незрелых, которые узрел в стеклянной банке банкир нетрезвый в бакенбардах, бродячего певца приятель и друг собаки незарытой, рыдающей навзрыд над крокодилом, раздавленным кадиллаком с кадиллом выхлопной трубы, вернее, саксофона. Джаз – музыка Толстых, не Достоевских. Ошуюю от Баха ЛЕФ. Одесную – Япончик (в сахарной весь пудре). Клубок мозгов змеиных витает в облаках, плывущих в Магадан вразмашку, иль, с позволения сказать, свободным (вольным) стилем. Свободы не видать в двадцатом веке, который скоро глаз закроет на безобразие, царящее вокруг да око...

Сон номер два

Два пальца обсосать, – покончив с пловом, решил Решевский-тихий янки, когда-то шахматный игрок на бирже, которую тянули бурлаки во сне под цифрой раз. Очищенным от жира пальцем Решевский тычет в глаз жирафу, стоящему в Париже ржавым рыжим, арены центром. В партере Тер-Ованесян. Галерка каторжным гребцам на откуп отдана. Гребут деньжища день и ночь ночные бабочки-капустницы (капуста – те же деньги).

Пример: капуста провансаль, капуста по-гурийски. Харчо – не русский харч, рассольник по-грузински. Шашлык на ребрышке Адам устроил Еве. Стране нужнее бронзы брынза. Лимонова нужней лимоны, Белова – Белый, Хлебников, Крученых. Калач нужнее автомата. Нужнее танков хокку в три строки. Нужнее лыка липа. Сосна нужнее спичек. Нужнее птицы в магазинах лесные птицы, не важные, не жар-, а соловьи. Нужнее нужников в горшках цветы. Как воздух нужен воздух, хотя бы для того, чтоб на него взлететь.

Сон номер три (попался в руку)

Журавль в небе. Колодец в земле. Между небом и землей синица – поджигатель морей и сала русского пожиратель. Заливается синица соловьем. Разливается морем-океаном. Вроде тихая, но в ней черти водятся. Бодливой синице бог рогов не дал. Этому дал, этому дал, а синице не дал. Да и зачем ей рога. Она и без рогов хороша. Если бы рогатой была еще и синица – пиши пропало. Написал? Молодец. Рогатых синиц сроду не видывал. Да и нет на свете синиц с рогами. Откуда же возьмутся они, когда сам бог не дал рогов синице. Быку вот или носорогу с антилопой бог дал рога. Потому они видно и рогатые, а синицы все без исключения комолые, то есть безрогие, как мужья верных жен. Будь у синицы рога, была бы она не синица, а корова дойная птичьим молоком сладким, как конфеты, а, может, даже и соленым (сало ведь любит!). А кому нужно соленое молоко? Вы ж не пьете то молоко, в котором селедку отмачивают, и я не пью, и сосед мой Тетерятников не пьет. Даже Солоухин и тот, вероятно, не пьет молоко, в котором селедку отмачивали. Говорят, что некоторые миллионерши молочные ванны принимают перед соитием. Может, врут. А, может, и правду говорят. Так вот

я думаю, что после миллионерши Солоухин не стал бы пить молоко, хотя и деревенщина, мужик вонючий из Хармса (это ничаво!). За Распутина Валентина не ручаюсь. А за Солоухина ручаюсь. Молоко после селедки и после миллионерши в рот не возьмет даже за тысячу рублей. Солоухин – упрямый мужик: если сказал, что в рот не возьмет молоко после миллионерши или после селедки тихоокеанской, так никакая сила не заставит от своих слов отступить его, и интуиция у него – дай бог каждому. За Распутина Валентина ручаться не стану и вам не советую. Он сибиряк. У них в Сибири все могут. Чураков сам своими собственными глазами видел, как Распутин синиц ел, живых, как устриц глотал и запивал соляжкой. А Чураков зря болтать не станет. Был бы он болтуном, так американцы визу бы не дали. А уж раз дали американцы визу, значит, человек что надо. Правдивый, как тот язык, на котором он разговаривает в свободное от работы время. Чуракову тоже бог рогов не дал, он сам (по его же словам) кому угодно рога наставит, хоть по профессии и не бог знает кто. Чураков – полный кавалер Славы, вернее, не Славы, а его жены Гали, но это дело не меняет. Полный кавалер и баста. Остальное – детали.

Сон номер четыре (Это не совсем мой сон. То есть, он мой и не мой. Проще говоря, я увидел в своем сне первый сон Веры Павловны, тогда еще Верочки. Его я и попытаюсь пересказать своими словами.)

И снится Верочке сон. Снится ей, что она заперта в сыром темном подвале. И вдруг дверь растворилась, и Верочка очутилась в поле, бегают, резвятся и думают: – Как же я могла не умереть в подвале? Это потому, что я не видала поля; если бы я видала его, я бы умерла в подвале.

И опять бегают, резвятся. Снится ей, что она разбита параличом, и она думает: – Как же это я разбита параличом? Это бывають разбиты старики, старухи, а молодые девушки не бывають.

– Бывають, часто бывають, – говорит чей-то незнакомый голос. – А ты теперь будешь здорова, вот только я коснусь твоей руки. Видишь, ты уж и здорова, вставай же.

– Кто же это говорит? А как стало легко! Вся болезнь прошла. – И Верочка встала, идет, бежит, и опять на поле, и опять резвится, бегают, и опять думает: – Как же это я могла переносить паралич? Это потому, что я родилась в параличе, не знала, как ходят и бегают, а если б узнала, не перенесла бы. – И бегают, резвятся.

А вот идет по полю девушка. Как странно! И лицо и походка, все меняется, беспрестанно меняется в ней: вот она англичанка, француженка, вот она уж немка, полячка, вот стала и русская, опять англичанка, опять немка, опять русская – как же это у ней все одно лицо? Ведь англичанка не похожа на француженку, немка – на русскую, а у ней и меняется лицо, и все одно лицо, – какая странная! И выражение лица беспрестанно меняется: какая кроткая! какая сердитая! вот печальная, вот веселая, – все меняется! а все добрая, – как же это, и когда сердитая все добрая? Но только какая же она красавица! Как ни меняется лицо, с каждою переменною все лучше, все лучше. Подходит к Верочке:

– Ты кто?

– Он прежде звал меня Вера Павловна, а теперь зовет «мой друг».

– А-а, так это ты та Верочка, которая меня полюбила?

– Да, я вас очень люблю. Только кто же вы?

– Я невеста твоего жениха.

– Какого жениха?

– Я не знаю. Я не знаю своих женихов. Они меня знают, а мне нельзя их знать: у меня их много. Ты кого-нибудь из них выбери себе в женихи, только из них, из моих женихов.

– Я выбрала...

– Имени мне не нужно. Я их не знаю. Но только выбирай из них, из моих женихов. Я хочу, чтоб мои сестры и женихи выбирали только друг друга. Ты была заперта в подвале? Была разбита параличом?

– Была.

– Теперь избавилась?

– Да.

– Это я тебя выпустила, я тебя вылечила. Помни же, что еще много невыпущенных, невылеченных. Выпускай, лечи. Будешь?

– Буду. Только как же вас зовут? Мне так хочется знать.

– У меня много имен. У меня разные имена. Кому как удобно меня звать, такое имя я ему и сказываю. Ты меня зови любовью к людям. Это и есть мое настоящее имя. Меня немногие так зовут. А ты зови так.

И Верочка идет по городу: вот подвал, в подвале заперты девушки. Верочка притронулась к замку – замки слетели.

– Идите.

Они выходят.

Вот комната, в комнате лежат девушки, разбитые параличом.

– Вставайте.

Они встают, идут, и все они опять на поле, бегают, резвятся – ах! как весело! С ними вместе гораздо веселее, чем одной! Ах, как весело!

Сон номер пять

Ах, как весело! Ах, как хорошо! Как хорошо! Как весело! Как как как как весело! Как как как хорошо! Ах! Ах! Ах! Ах! Как весело весело весело! Как хорошо хорошо хорошо! Ах, как! Ах, как! Ах, как! Ах, весело! Ах, весело! Ах, хорошо! Ах, хорошо! Ах, хорошо! Ах, весело!

– Весело?

– Ах, как весело!

– Хорошо?

– Ах, как хорошо!

– Ах?

– Ах! Ах! Ах! Ах! Ах! Ах!

– Как?

– Как! Как! Как! Как! Как!

– Весело?

– Ах! Ах! Ах! Ах! Ах! Ах!

– Хорошо?

– Весело! Весело! Весело! Весело!

Ах, как хорошо и ах, как весело!

Сегодня на десантном вертолетоносце «Иводзима» состоялась церемония прощания с десятью моряками, погибшими во вторник в результате взрыва в машинном отделении. На палубе вертолетоносца выстроился экипаж корабля и приписанные к нему морские пехотинцы. В честь погибших был произведен прощальный салют...

Сон номер шесть (как сон, как утренний туман)

Цыганистый туман – молочный пунш собой наполнил ямы и овраги тургеневских записок. Охота к морю северному из ада небоскребов в сад сияний, салюта в день победы над природой коварного двуногого ублюдка–хозяина вселенной по сучьему веленью Гога.

Магог мог бы бегом скаковым в избу горящую влететь и кануть в лету жаркую, как мясо коровы молодой мычащей в противном чугуне не белой расы. Дебелый нибелунг ревет белугой. Рвет на лугу цветы Ягода. Ежов пытается сесть голым на ежа. Лаврентий Палыч сушит алычу на алом знамени из шелкопрядной ткани. Конину ест Хрущев и ею угощает Нину. Сосо совет мундштук из леденца. Герасимов Громову толкает в шахты шурф. Шуршит шарфами из форшмака бедный Лазарь, под нос мурлыча Микояну песню про Пресню красную, как площадь, где мак цветет, срываемый Ягодой перезрелым, как малина, которую зашухерил Ми-чурин – плодоягодный мечтатель, на вербе вырастивший грушу, дал имя ей «Лампадка Ильича». Анализ кала в ЗАГС несет Калинин. Кует железо Куйбышев в горячке. Котовский в сапогах из мешковины пытается продать кота для супа на птичьем рынке. Зиновьев Каменева катит в гору. «Се Лев Давидович, а не собака» написано у Троцкого на лбу. На Чехова чихать хотел Чхеидзе, но Мартов запретил с картины Левитана. Якир кричит: «Позвольте, я не Киров!» На Фурцевой лежит из бронзы Фрунзе. На Ворошилове буденновка горит, а ворошиловский стрелок Буденный пытается огонь срубить неумной пулей. Как штык готовый Маяковский с как нож наточенным пером.

Лирическое наступление

Цинциннати, Огайо, 2 ноября (АП)

Президент Буш продолжает поездку по стране, подерживая кандидатов Республиканской партии на предстоящих во вторник выборах. Выступая на предвыборном митинге в Цинциннати, Буш вновь заявил о вероломстве иракского президента Саддама Хусейна, об обязательствах США отстаивать свободу суверен-

ного государства и о твердой позиции Соединенных Штатов: «Я повторяю это сегодня, повторяю завтра, повторяю послезавтра, повторяю послепослезавтра, повторю послепослепослезавтра, повторю послепослепослеполслезавтра и повторю послепослепослепослепослезавтра».

Сон номер семь отмеренных разов перед последним шагом (обрезаньем) застал неиудея врасплох на плохo сделанном диване турецком цвета табака-махорки-злодея лошади и человека на коне. На кон поставлена икона под слоем никотина вековым (глазам не верю!). В Иверию не верю и в Берию не верю! Московский сад у стен Кремля под кремом снега. Могила неизвестного Родена – подарок родины слонов скульптурному киту, не дующему в усик над губой кавказский. Казбек окутан дымом папиросным. В Рустави нет военной службы. Грузинская дорога не доведет до рога с вином в руке немого тамады. Немного там воды. Вино течет рекой. Кутят князя, казня утят, цыплят, баранов, пуская бубликами дым отечеству в лицо, побитое, как молью, оспой. О, спой красавица, при мне: «Ты пес, а он грузин печальный». Напоминает она мне поминки (на них всегда был легок Джугашвили) тигра и витязя слезу скупую, словно рыцарь. У витязя был шкурный интерес медведя (еще живого) и волка не в своем меху. Овца и сына жертвует полку князей, и свой курдюк (от слова курд), и сердце (ему не хочется покоя), и печенку в ней сидящую, и мясо сочное горячей кровью, и голову с ногами (в холодец!), и мозг (его не очень много), и шерсть Чапаеву на бурку, и сивый глаз, прозрачный, как стекло. Окно в восточную Европу. На подоконнике в горшке цветы на букву «г». Гортензия с претензией на запах. За пазухой у бога камень (книга

Мандельштама) с закладкой, пестрой лентой Конан-Дойля (коровой дойной для издательств и отпущением грехов Козловским больших и маленьких театров). Один актер не воин в поле зренья. Театр одного вахтера. Начало пьесы с вешалки назначено на полночь. Пурга Вальпурга нынче разыгралась в Москве до первых петухов ансамбля Красной армии (есть порох в их пороховницах). Тараса Бульбу описал Шевченко в трагедии «Отелло». Прекрасная полячка Дездемона под занавес загрызла Дон-Кихота, а Моцарту сыпнула мышьяка в стакан граненый. В руке у Гамлета череп черепахи: «Дурачина ты, Буратино, возвратись к золотой рыбке и попроси у нее ключ от квартиры, где деньги сумасшедшие, как дом, в котором вырос белый гриб белее дома, белее дамы чеховской с собачкой, белее Дездемоны Лизы, беднее Лизы, прозрачней линзы и призрачней Европы с бродячим музыкантом коммунизма с воткнутой клизмой в зад». Вперед к «Победе», «ЗИМу», «Чайке», к Антону Павловичу, к чехам, к полякам полевым, к горам, беременным мышами, к немыслимо богатым мусульманам, к инсульту в голове Салтана-царя и всадника без головы, к головкам белым, к живой воде и к мертвому ослу с двумя ушами, к ушату с ледяной водой и к океану. К окну кнутом пригнали пряник, похожий на Гамсуна, сидящего на стуле в зеленой шляпе с острой тульей размером с тульский самовар, подкованный Левшой при помощи ружья в последнем акте. «Последний день Помпеи» отмечен с помпой. Плюю в колодец заливной тамбовским соловьем и курским волком привокзальным. На площадь трех богатырей въезжает Васнецов. Аленушка сидит у миргородской лужи на зелени бильярдного сукна. Иуда пилит сук, а сам на нем висит, как груша, как су-

чий потрох с колом осиновым над головой и с ветром под ногами (подножным, как тираж крамольной книги, кормом крылатых мельниц на Ламанше).

Дров наломавши для мамыши, Эдип засел за комплексный обед. Заевши кашей борщ и выпив киселя густого, Эдип решил загадку Сфинкса (который позже спился), собой довольный, словно птица, сказал себе: «Пора! Туда, где гуляет лишь ветер.» Даян дает стране угля.

Сочинение №153

БИОГРАФИЯ ДАНИИЛА ХАРМСА

Хармс родился однажды ночью от своей матери сразу, как-то без труда. Отец Хармса работал токарем в институте благородных девиц легкого поведения. Он с ними повелся, от них и набрался и зачал Даниила темным утром на Мойке возле Фонтанки рядом с Васильевским островом сокровищ. Хармс любил хамсу с уксусом и сомятину с яйцами под полонезом. Хармс спал ночами очами. Просыпался от запаха проса. Просил у поросенка росы русской. – А хрена не хочешь? – говорил ему свинёныш и весело хрюкал пяточком для входа в метро в метре от дивана Даниила. Однажды Хармс упал с женщины и сломал себе ухо. Матери у Хармса не было отродясь. Родина была у него вместо нее. Один раз Хармс купил себе самовар, а в другой раз – вилку (электрическую). В третий раз наш герой купил себе репродукцию картины Васнецова «Три богатыря» и повесил ее над кроватью Липавского, которого ненавидел от души и до одурения. Введенский (друг Хармса) обычно что-нибудь кому-нибудь вводил в заблуждение, как патриот земли русской Иван Сусанин. Маршак сделал как-то из Форш форшмак и накормил им Хармса. Хармсу очень понравилось блюдо из Ольги. У Хармса еще был дружок Заболоцкий, а у Заболоцкого был приятель Кулик. Так этот Кулик все время хвалил Заболоцкого. Хармсу это было очень не по душе. 7-го ноября 1928 года Хармс убил Кулика раскладушкой, и ночью вместе с Введенским отвезли тело

на свалку возле Эрмитажа. Как-то Хармс ел колбасу с повидлом и вспомнил почему-то загородный дом Ракукина. Воспоминания очень огорчили его и рассмешили одновременно. Потом Даниил Иванович подавился мылом и вывалился на Невский проспект вниз головой, прямо как ненужная старуха. У Хармса был фонарь. Под глазом и аптека за углом. Угля у Хармса не было. Дров достать нельзя из-за отсутствия денежных знаков. Дорожных знаков – тоже. «Улицы лиц», – сказал Хармс как-то старухе, выпавшей из окна своей квартиры, расположенной в подвале на Поварской №16/3.

Хармс любил шкодничать. Примеры: 1. Спящему Введенскому выдавил в рот тюбик берлинской лазури. 2. В глаз Маршаку выплеснул ведро чернил. 3. Гирей ударил прохожую лошадь в висок, а на похороны ее не явился. 4. Сжег на примусе накладку из искусственных волос Чуковского. 5. Послал 7-го ноября 1929 года К.Е. Ворошилову сеноворошилку (с оплатой при доставке). 6. Заболоцкому дал кличку «Маршак», а Маршаку – «Ишак».

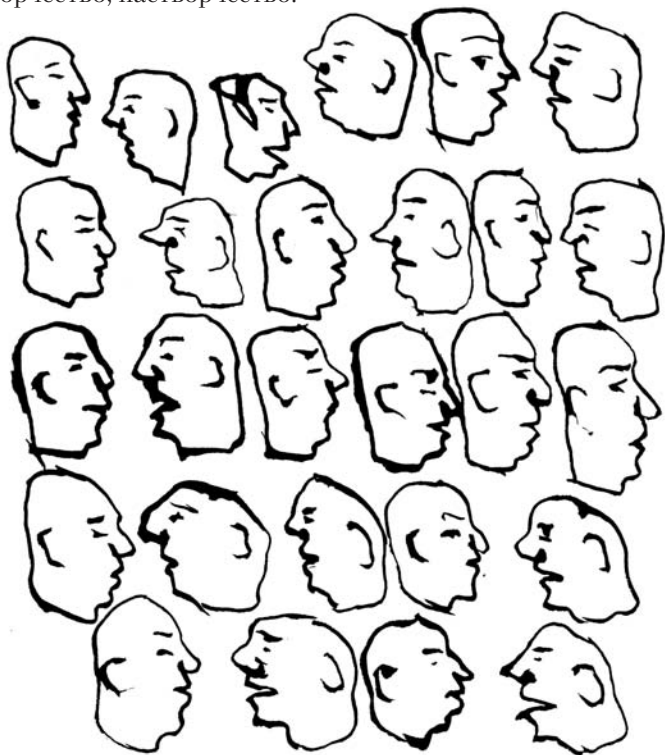
Любимое словечко Хармса «зародыш», а не «казнь». В спешке, ссылаясь на болезнь, Х. пролетел несколько метров по инерции в сторону последователя Фрейда в резиновых сапогах на босу ногу. Сильный бросок – и Х-с превратился в скучнейшего человека в ежовых рукавицах. Иволга упала в Волгу на глазах ошеломленного Даниила Ивановича. Отбросив в сторону дамскую сумочку, Д.И.Х. бросился в приливную волну спасать птицу (кажется, беременную). Вытащив несчастную птицу волосяным ситом (оно случайно оказалось у него в боковом кармане), Даниил И., имея утонченный художественный вкус, съел иволгу живьем без соли со

всеми потрохами и с говном, вернее, гуаном, без всякого умысла. Нечаянно. Непреднамеренно. Кое-как. Мимоходом в ботинках фабрики «Скороход». Запив птицу ячменным отваром, Д.И. наклонился, чтобы услышать, что говорила девочка. Она сказала: «Мудак ты, дядя!» Это была Рина Зеленая, как доллар тоскливый, как уличный змий, как гусиное дерьмо. На собак Хармс смотрел волком. На баранов смотрел, как на новые ворота чехословацкой киностудии. На песок Д.Х. смотрел сквозь пальцы. Хармс спорил с помощью софизмов. Жизнь изображал условно. Перхоти у Даниила Ивановича никогда не было.

Хармс – это одичавшее культурное растение, эпикуреец с пикой, святой цветок, водянистый минерал, широкий в пройме и узкий в кисти, долговременное правительство, хлопушка театральная, трещотка одежная, молотило серпьяное, лопухий де Вега, фалда от фаллоса, танк с мягким панцирем, ручной наган, головной ветер, шахтерский шарф, обманутый Хлестаков, отвислая польская река, яркая корова, световой сигнал под глазом, сплетня лапотная, медаль велосипедная, боевой китч, неотложный воротник, сенатор на сене, свекольный свекор, волос тонкой работы, эластичная наковальня, резиновый карандаш, слесарь-спорщик, соленье из оленя, бормочущая машина, дым отечественный, сильный запах тяжелоатлета, дымчатая труба, мореный рыбак, гастролирующий театр военных действий, хромые сапоги, готический шнифт, зародышевая клетка попугая, древнееврейский вопрос, задиря штанов, переносной нос, змей-шиповник, молодой хрыч, полярный чайник, мыслящий сахар, осадок от дождя, забывчивый не помню кто, кузнечная пресса, благополучная развязка шнурков, краугольный бас-

сейн, самородная бомба, тыква-грубиянка, злосчастье, пес-пессимист, химически чистая химчистка, декоративный бутерброд с московской колбасой, кратчайший путь из варяг в греки, вырезанная цензурой фигура из бумаги, стрижка и бритье овец, уцененный товар лицом, комары-кусачки, фрезерная головка боксера, сани с усами, разорившееся гнездо, в мертвецкой пьяный, расформированное содержание, жратваприношение, нелепый потолок, азартная игрушка, читатель-фантаст, питомник питонов, канительщик с волынкой, игорный карточный дом, еле-еле ходячая энциклопедия, всесторонне образованный Янус, деликатёс, игривый шахматист, легкомысленное перышко, курчавый петух, знамя красного дерева, обивка для порога, крупный рогатый черт, подбитый мехом глаз, пушное мясо, скорняк-торопыга, нескромненький синий платочек, головной убор палача, контрабандист с бандурой, флейтмотив, полуфабрикант, бабочка абмирал Нахимов, гидра Лиза, Книга Батыя, сучковатая собака, ангел-хранитель денег в сберегательной кассе, жеманная каша, духовный шкаф, вурдалаки на Волге, пошляк в шапокле, исполинский комитет, сосед-осоед, пробный шарм, зондирование дождя, фиктивный Брак (Жорж), шаловливый Булат, щекотливое перо, танцевальный ансамбль лилипутов «Карликовая березка», сметливый бухгалтер, узловатая станция, заплечный мешок палача, коренастый зуб, прожженный пожарник, Николай – дамский угодник, плутовской роман-газета, текстомешалка, народный массажист, изнеженный огурец, привилегированная сталь, покровитель крыш, раболепный потолок, хрупкая капуста, пятилетняя плантация, сукно (на котором сидишь), правдоподобная газета, эпикореец, подстрочник к под-

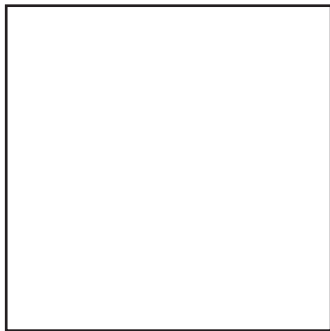
срачнику, адвокат защитного цвета, собака в лайковых перчатках, верша для ловли стихов, блесна красна, уморительная история эпидемий, отзывчивый попугай, магнитный магнат, дамки и господа, ужа ужимки, борода на выбритом ключе, махинация обнаженная, пешеходный сыр, коврик-самолетик, попона Гапона, ноские чулки, экзамен на получение прав человека, очертания дьявола, шелкопрядь (волос), противник противня, раскаленные семечки, этот готтентот, грелка с горилкой, азохен суховей, рабочий день отдыха, резвый пьяница, затворчество, притворчество, крючокотворчество, пастворчество.

Сочинение №154

Преступник, совершивший первое преступление, совершил второе преступление перед тем, как совершить третье преступление, а уж потом совершил четвертое преступление. Пятое преступление он не совершал – решил совершить внеочередное шестое преступление. Седьмое преступление он не успел совершить, так как был арестован при переходе границы в нервном состоянии, держа за горло бездыханного пограничника. Читатели хотели, чтобы это было изложено в письменной форме, что я незамедлительно исполнил, не пользуясь отмычками, проще говоря, «фомками». На преступнике были серые брюки в цветных заплатках. Жемчужные белила густо покрывали его давно небритое лицо. Моя покойная мать пользовалась такими же белилами. Мачеха пользовалась другими белилами и была похожа на плоскодонное судно. У нее было плохое мнение обо мне. Ее руки были непропорционально велики по сравнению с туловищем. За окном соловей щелкает орешки. Процветающий сад за окном. Дядя Митя мог проглотить за один раз три книжки «библиотеки крокодила». Опрятный дядя Саркис каждое утро родимое пятно на левой щеке протирал тройным одеколоном. При всем уважении к дяде Дане не могу сказать о нем ничего хорошего и плохого тоже. «О и до» называли его соседи и правильно делали. Я вас не узнаю, говорил он своей жене Лиде. Дядя Саркис – военный летчик, а дядя Даня – дезертир Советского Союза. Что такое виброскоп? Что такое блужда-

ющий нерв? Что такое артиллерийская инструментальная разведка? Что такое дополнительный угол? Что такое регулировка при помощи тонких подкладок? Виноторговец и помощник кока, притесняемые безупречно воспитанным казначеем монастыря, пытались прикрепить дощечку с картой звездного неба рыцарю с большой дороги, сидевшему развалиясь на молодом олене с неразветвленными рогами в цехе звукозаписи пения с использованием слоговых названий нот. Звуконепроницаемая кабина, разлучающая мужа с женой, имеющей право пасти домашнюю птицу и свиней на жнивье после жатвы, мрачная, как гробница, разделенная перегородками с часовым у входа, явилась плодом фантазии чешуйчатого торговца рыбой на рынке, на котором спрос превышает предложение. Рука и сердце горьковского Данко принадлежит навечно старухе Изергиль. На дне мешане. Судейский протокол на голове тещи у тещи с кастрюлей кислых щей вчерашних. Сегодня не вчера, а завтра утром в утробе лошади троянской (священная история) Гомер с блокнотом для заметок. Писака, стихоплет, папирусомаратель. Пытливый взгляд Ежова, чья грудь увешана десятком ордеров на обыск отборных нарушителей закона: членовредителей, шпионов, казнокрадов и прочих оборотней с потерей бдительности ног, сошедших с корабля на бал, где кони ходят. Сбить спесь с кого-нибудь при помощи дубины. Укомплектованные персоналом прилипчивые, усеянные пнями, полукустарниковые просторы вызывают трепет бродячего ремесленника, отделанного золотыми блестками, а шел он босяком из самоуправляемого города, вытянутого в длину и сонливого, в высшей степени неприятного.

место соскока

– Что вы будете пить? – спросил политический интриган у мелких людишек. – Любовный напиток, – хором прокричали людишки, продолжая играть в дымовые шашки. Концевая муфта для ослабленных детей сходит на нет. Возвращаемся к корням, рискуя погубить чью-либо репутацию, помня, что правда всегда за большинством. Отправимся в судовую библиотеку строить тайные планы о свержении улыбки с лица Джоконды, вывернутого наружу (хотел написать на рожу), и установить слежку за противником нововведений, ходящим на ходулях, обхватив голову руками, сохраняя цепкость памяти. Пишу крупным почерком ни к селу ни к городу, проглотив три книги за один день (проза повседневной жизни).

Полуслепой, полуглухой и полупьяный получеловек сосредоточил внимание на сахарном украшении на торте, подверженном гниению, разрушению и распаду. Его округлые плечи от рождественской кутьи стали еще больше похожими на диванную подушку, дав тем самым понять, что торговец горячей сдобой и оладьями, взглянув на часы, небольшой малярной кистью освежил пирог с коринкой с ловкостью дрессирован-

ной обезьяны. Очень образованный человек выжимает изношенный совок для собирания пепла, вот всё, что я желал сообщить о нем. Поймав на слове попугая, страдающего цереброспинальным менингитом, не забудьте вывернуть его наизнанку! Запертый на засов барыш, если мне не изменяет память, убитый горем и корой хинного дерева, тот же образованный человек, украшенный шарфом, съел его (барыш), запивая фруктовым компотом. Лицо, покрытое швами, шрамами и морщинами, принадлежало не владельцу полуавтоматического оружия, а безрукому хироманту, страдающему ежедневными приступами малярии. Подумайте над тем, что я вам рассказал. В некотором отдалении от государственной границы, в крайне неподходящее время (ни свет ни заря), учитель средневекового варианта древнееврейского языка, некто Зазор Ш.И., приводил в порядок мягкую часть цветочного бутона, резко высказывая свое мнение о двух неприятельских самолетах, накануне сбитых над водой рыболовом-любителем легкой наживы, не нуждаясь ни в чьей помощи при приделывании искусственных стебельков к цветам. «Святой дух» – название духов, явно пахнущих сеном и международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами» и еще пчелиным клеем, Книгой притчей Соломоновых, штрангом (прессованный табак), настойкой на персиковых косточках, пенькой третьего сорта, полярным льдом, мельничными отходами и угленосной черной глиной. Монахиня урсулинского ордена, перебив всю посуду в сушилке для фанерного шпона, служившей для определенной цели, и, имея все основания гордиться неподкупностью и честностью, стала жертвой страха, болезни, страсти и обстоятельств (основной цвет серобуросмородиновый).

Чуть живая изгородь, находящаяся под протекторатом государства (стихотворение в прозе). Бельмо растет на глазах не по дням, а по часам с песочным маятником на золотой цепочке. Расшатанные, как зубы, нервы. Умаляющий собственное достоинство душевнобольной на голову выше самого себя. Какое на вас производит впечатление? – набрать курсивом, напоминающим рукописный шрифт. Горящий желанием костер седьмого мая в четверг в деревне Семихатки (картина, написанная по памяти). Вечно живые мощи – утешение коробки с выдвинутыми ящичками для пряностей. (Шум, крики) Толпа людей, мечтающих стать поэтами под дикой вишней (вечный позор им и роду их)

Приложение №1

Короткий стручок округлой формы, находящийся на правой (от зрителя) стороне щита, горел медленно, кто-то забыл выключить газ и тем самым заставил опустить глаза, приведя в замешательство лицо, заслуживающее освещения в печати. Правда, лицо было несколько полновато, с красными прожилками и командовало оно (лицо) топографической частью подразделения артиллерийской инструментальной разведки. (Конец приложения №1)

Временный служащий театра со сценой посреди зрительного зала с глазами испуганного ребенка вызывал презрение у автора книги, отмеченной печатью гения (печать, к сожалению, оказалась гербовой). Настоящий человек, о котором между прочим написана повесть, обходил молчанием короткое перемирие с животным, которое прячется в мягком, как воск, болоте. Сделав сальто с полным поворотом, настоящий человек запил свернувшимся молоком

кислое яблоко, сорвал растение с резким запахом и, находясь в сильном напряжении, взглянул на меня и с сильным ирландским акцентом спросил: – Отвечьте прямо, без обиняков, вам гордость не позволила принять вознаграждение (четырефунтовую буханку хлеба) за обнаружение стропильной ноги и костюма для гребли в драндулете, покрытом изморозью?

Приложение №2

Тяжелый жизненный опыт прирожденного интригана, уверенно ожидающего восстановления регулярного движения поездов, помог ему выйти с честью из трудного положения без гроша в кармане, без остатков холодной баранины в состоянии готовности, без нюхательного табака, без одного из родителей и пронзить своим мечом тело врага, украшенного губчатым железом, тело «стукача», «легавого», «доносчика» – члена семьи, живущей в отдаленной пустынной местности в желто-коричневом доме, покрытом зарослями тимьяна.

P.S. О черт! О дьявол! Круг диска! Кольцо окружности!

P.P.S. После дождичка в четверг, когда поросенок птичкой полетит – ведь бывает, свинья летает, только это вряд ли бывает.

Сочинение №155

Будь здоров, здравый смысл! Понимаю, что поступил глупо (потупил глаза). Нравы и обычаи страны бывшей и настоящей, соединяясь, производят полное короткое замыкание. Слабоумие и имбецильность натурализованных граждан требуют легкого чтения, «чтива». Книгу можно привязать к дереву. Через книгу проходит линия фронта. Неустойчив курс иностранной книги (я знаю это с детства). Чтение сопровождается празднествами. Книги являются без приглашения. Человек читает книгу, которую можно достать. Солнечные лучи коснулись вершины книги. Книга, взятая под стражу. Книги выдаются напрокат. Книга терпимости. Публичная книга. Книга–бордель. Есть люди, которые постоянно возмущаются книгами. Дуют холодные книги. Книга с совещательным голосом. Книга с завядшими листьями. Книга водоизмещением в 5000 тонн. Некоторые книги умирают под забором. Книги бывают: рогатые, бородатые, украшенные лентами, одинаковой формы и содержания, цвета франкфуртской черной сажи, слишком умные, приятного вкуса, голубоглазые, из фанеры, для кабинета задумчивости, добытые нечестным путем, превосходящие сами себя. Из-за туч не видно книгу. Книга бедная, как церковная мышь. Книга, обладающая ангельским терпением. Книга, на которую махнули рукой. Книга, отправившаяся в лучший мир. Нет книги без шипов. Книга, отложенная в долгий ящик. Книга, лезущая на рожон. Книга, закусившая удила. Седьмая книга на киселе. Телячья книжка. Книга курам на смех. И на

книгах бывают пятна. Есть еще книги в пороховницах. В книгах всякое бывает. Книги похожи, как две капли воды. Книга книгу моет. Нет книги без добра. С книгой рай и в шалаше. Слухом книга полнится. Толочь воду в книге. Толочь книгу в ступе. Книга – лучший повар. Книга от автора недалеко падает.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сочинение №1</i>	7
<i>Сочинение №2</i>	9
<i>Сочинение №3</i>	12
<i>Сочинение №4</i>	14
<i>Сочинение №5</i>	16
<i>Сочинение №6</i>	18
<i>Сочинение №7</i>	19
<i>Сочинение №8</i>	20
<i>Сочинение №9</i>	22
<i>Сочинение №10</i>	24
<i>Сочинение №11</i> (Колыбельное).....	25
<i>Сочинение №12</i>	27
<i>Сочинение №13</i>	28
<i>Сочинение №14</i>	29
<i>Сочинение №15</i>	30
<i>Сочинение №16</i>	31
<i>Сочинение №17</i>	34
<i>Сочинение №18</i>	35
<i>Сочинение №19</i>	37
<i>Сочинение №20</i>	38
<i>Сочинение №21</i>	39
<i>Сочинение №22</i>	42
<i>Сочинение №23</i>	43
<i>Сочинение №24</i>	47
<i>Сочинение №25</i>	50
<i>Сочинение №26</i>	52
<i>Сочинение №27</i>	55
<i>Сочинение №28</i>	59
<i>Сочинение №29</i>	60
<i>Сочинение №30</i>	62
<i>Сочинение №31</i>	65
<i>Сочинение №32</i>	68
<i>Сочинение №33</i>	71
<i>Сочинение №33 А</i>	72
<i>Сочинение №34</i>	76
<i>Сочинение №35</i>	77

<i>Сочинение №36</i>	97
<i>Сочинение №37</i>	98
<i>Сочинение №38</i>	104
<i>Сочинение №39</i>	107
<i>Сочинение №40</i>	109
<i>Сочинение №41</i>	111
<i>Сочинение №42</i>	112
<i>Сочинение №43</i>	113
<i>Сочинение №44</i>	115
<i>Сочинение №45</i>	117
<i>Сочинение №46</i>	118
<i>Сочинение №47</i>	119
<i>Сочинение №48</i>	120
<i>Сочинение №49</i>	122
<i>Сочинение №50</i>	124
<i>Сочинение №51</i>	126
<i>Сочинение №52</i>	148
<i>Сочинение №53</i>	150
<i>Сочинение №54</i>	152
<i>Сочинение №55</i>	155
<i>Сочинение №56</i>	157
<i>Сочинение №57</i>	158
<i>Сочинение №58</i>	160
<i>Сочинение №59</i>	161
<i>Сочинение №60</i>	163
<i>Сочинение №61</i>	166
<i>Сочинение №62</i>	180
<i>Сочинение №63</i>	181
<i>Сочинение №64</i>	182
<i>Сочинение №65</i>	183
<i>Сочинение №66</i>	184
<i>Сочинение №67</i>	186
<i>Сочинение №68</i>	188
<i>Сочинение №69</i>	189
<i>Сочинение №70</i>	190
<i>Сочинение №71</i>	192
<i>Сочинение №72</i>	193
<i>Сочинение №73</i>	201
<i>Сочинение №74</i>	203
<i>Сочинение №75</i>	206
<i>Сочинение №76</i>	210

Сочинение №77	212	Сочинение №117	292
Сочинение №78	213	Сочинение №118	293
Сочинение №79	214	Сочинение №119	295
Сочинение №80	216	Сочинение №120	296
Сочинение №81	221	Сочинение №121	298
Сочинение №82	222	Сочинение №122	302
Сочинение №83	223	Сочинение №123	309
Сочинение №84	224	Сочинение №124	310
Сочинение №85	225	Сочинение №125	311
Сочинение №86	228	Сочинение №126	313
Сочинение №87	231	Сочинение №127	314
Сочинение №88	234	Сочинение №128	315
Сочинение №89	236	Сочинение №129	316
Сочинение №90	241	Сочинение №130	318
Сочинение №91	244	Сочинение №131	319
Сочинение №92	245	Сочинение №132	321
Сочинение №93	248	Сочинение №133	
Сочинение №94	249	(Уничтоженное)	322
Сочинение №95	251	Сочинение №134	328
Сочинение №96	252	Сочинение №135	332
Сочинение №97	253	Сочинение №136	334
Сочинение №98	254	Сочинение №137	336
Сочинение №99	256	Сочинение №138	337
Сочинение №100	258	Сочинение №139	342
Сочинение №101	260	Сочинение №140	344
Сочинение №102	264	Сочинение №141	350
Сочинение №103	265	Сочинение №142	357
Сочинение №104	267	Сочинение №143	360
Сочинение №105	269	Сочинение №144	361
Сочинение №106	272	Сочинение №145	362
Сочинение №107	275	Сочинение №146	363
Сочинение №108	276	Сочинение №147	364
Сочинение №109	278	Сочинение №148	366
Сочинение №110	280	Сочинение №149	368
Сочинение №111	281	Сочинение №150	369
Сочинение №112	282	Сочинение №151	371
Сочинение №113	285	Сочинение №152	372
Сочинение №114	287	Сочинение №153	393
Сочинение №115	289	Сочинение №154	398
Сочинение №116	291	Сочинение №155	404

Формат 70х100/32. Усл. печ. л. 16,58
Печать офсетная. Тираж 1500. Заказ 2174.
Отпечатано ООО ПФ «Полиграф-Книга»,
г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3,
тел. (8172) 72-61-75.
E-mail: forma@pfpoligrafist.com